This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

PS 12 V 148.15 (1-3)

Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife

Harvard College Library

OPB

CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI RUSSKOGO SLOVA

VOLUME I

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

4177
1-5

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerox by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1961

* QCA

i lyubiteleĭ russkovo slova, St. Petersburg.
ение въ Бесѣдѣ любителей рускаго слова.
1-6, [illegible]

етербургъ: Сенатская тип., 1811–[illegible] 21cm.

gular.

olumes 1-5, [illegible] called книжка.

l. 2 in 2 nos.

[illegible] DIV.

ical—Russia. 2. Literature [illegible] —Per. and soc. publ. I. Title.
r Chteniye v Besede lyubiteleĭ russkovo slova. June 28, 1935

3040
Vol 1

* QCA

lyubiteleĭ russkovo slova, St. Petersburg.
ченіе въ Бесѣдѣ любителей рускаго слова.
1-3, 5-[illegible], 11,13.

етербургъ: Сенатская тип., 1811-1[illegible]. 21cm.

egular.

olumes 1-3, 5 called книжка.

l. 2 in 2 nos.

[illegible] DIV.

ficals—Russia. 2. Literature —Per. and soc. publ. I. Title.
Chteniye v Besede lyubiteleĭ ruskovo slova. June 28, 1935

3040
Vol 1

PSlav 148.15 (1-3)

ЧТЕНІЕ

въ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 20 1961

BIBLIOTHEQUE DE TSARSKOE SELO.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

въ медицинской типографіи

1811 года.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770989A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

Съ дозволенія Санктпетербургскаго Цензурнаго Комитета.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Общество, установившееся нынѣ подъ названіемъ *бесѣды любителей рускаго слова*, возъимѣло начало свое слѣдующимъ образомъ: за долгое до сего время (а именно болѣе пяти лѣтъ) нѣкоторые любители отечественной словесности положили между собою въ осеннія и зимнія времена одинъ вечеръ въ недѣлѣ собираться вмѣстѣ, провождая часы въ чтеніи, разговорахъ и бесѣдованіи о рускомъ языкѣ и словѣ. Всякъ изъ молодыхъ людей, изъявлявшій охоту быть въ сихъ собраніяхъ, имѣлъ въ оныя свободный доступъ. Хотя таковыя домашнія бесѣды приносили нѣкоторую пользу, однако же кругъ людей, составлявшихъ оныя, не могъ быть многочисленъ; а притомъ и занятія ихъ состояли только во взаимномъ удовольствіи, безъ всякаго на-

JAN 21 1935

мѣренія въ чемъ нибудь упражняться и приносить трудами своими общіе для всѣхъ плоды. Наконецъ, помышляя о распространеніи сей пользы, нѣкоторые изъ помянутыхъ любителей языка своего (большою частію Члены Россійской Академіи) положили составить постоянное и опредѣленное общество, котораго упражненія были бы существенны и гласны. Сего ради за первое основаніе взяли: *чтеніе произведеній своихъ предъ посѣтителями обоего пола*. Таковое постановленіе было въ обыкновеніи у самыхъ древнихъ и новѣйшихъ народовъ. Оно заключаетъ въ себѣ различныя пользы: во первыхъ ободряетъ трудиться въ важныхъ и достойныхъ вниманія сочиненіяхъ; ибо для всякаго писателя нѣтъ ничего лестнѣе и страшнѣе, какъ читать сочиненія свои предъ многочисленнымъ собраніемъ почтенныхъ слушателей, и ласкаться, возбужденіемъ въ просвѣщенныхъ умахъ ихъ удовольствія, снискать себѣ уваженіе и похвалу. Сія надежда раждаетъ въ немъ рвеніе, и купно принуждаетъ къ прилѣжнѣйшему размышле-

нію о приготовляемомъ чтеніи, воздерживая отъ поспѣшности и небреженія, съ какими издаетъ онъ иногда произведенія свои въ свѣтъ, не опасаясь столько заочныхъ, какъ присутствующихъ судей. Такимъ образомъ изъ насаждаемой къ упражненіямъ охоты растутъ дарованія. Во вторыхъ, естьли съ одной стороны возбуждается чрезъ то во всякомъ писателѣ ревность къ произведенію хорошихъ и полезныхъ сочиненій (ибо право читать предоставляется каждому, хотя бы онъ и не былъ членъ бесѣды), то съ другой стороны громкое предъ лицемъ многихъ слушателей чтеніе, пріучая къ смѣлости, обязываетъ прилагать попеченіе о ясномъ произношеніи, о чистомъ выговорѣ, о правильномъ ударе-ніи; однимъ словомъ, о всѣхъ измѣненіяхъ голоса, дѣлающихъ всякое отличное выраженіе болѣе пріятнымъ и болѣе вразумительнымъ: отъ чего какъ языкъ, такъ и стихотворство, или вообще словесность много пріобрѣтаютъ; ибо извѣстно, что одно и тоже, но худо или хорошо прочтенное сочиненіе, произво-

дитъ весьма различныя дѣйствія надъ умомъ и душою слушателя. Въ трехъ-ихъ, изъ бытописаній словесности извѣстно, что многіе самые знаменитѣйшіе писатели, какъ напримѣръ въ Италіи *Тассъ*, въ Англіи *Мильтонъ*, во Франціи *Расинъ*, и проч. долгое время погребены были въ неизвѣстности и мракѣ забвенія. Малое число людей знало имъ цѣну. Превосходныя творенія ихъ почитались весьма посредственными, и даже тѣ изъ тогдашняго времени писателей, которыхъ сочиненія обратились послѣ въ посмѣяніе, въ то время надъ ними торжествовали. *Прадонъ* долго предпочитаемъ былъ *Расину*. Временная слава возрастаетъ отъ нѣкотораго стеченія обстоятельствъ, отъ случайнаго расположенія умовъ, и часто отъ размноженія пустыхъ голосовъ, повторяющихъ одинъ другаго; но истинную цѣну великимъ стихотворцамъ и писателямъ опредѣляетъ время и потомство. Рѣчи произносимыя въ собраніяхъ о достоинствѣ писателей, безпристрастный судъ, справедливое объ нихъ толко-

ваніе, разборъ языка, ясные доводы, уличеніе невѣждъ въ кривыхъ или злонамѣренныхъ сужденіяхъ, и указанія на красоты забытыя, или непримѣченныя, суть тѣ средства, которыя обращаютъ общее вниманіе на истинные таланты, разливаютъ свѣтъ, и не даютъ ярко блистающей иногда, но скоро тускнѣющей мишурѣ помрачать сіяніе чистаго золота. Всѣ сіи обстоятельства вообще казались достойными уваженія; но трудность превратить сіи уединенныя и частныя бесѣды въ нѣкую гласную и всенародную, предстояла не малая. Недоставало къ тому ни мѣста для собранія, ни способовъ къ достаточному и прочному постановленію на твердомъ основаніи сего новаго заведенія. Тогда первое сомнѣніе отвращено было тѣмъ, что знаменитый по высокому дарованію своему въ стихотворствѣ, и по усердію къ рускому языку и слову, господинъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Гаврило Романовичь Державинъ, предложилъ домъ свой со всѣми потребными для чтеній въ немъ расходами и

надобностями. Хотя таковое съ его стороны щедрое пожертвованіе *) не могло доставить всѣхъ пособій, какія для существованія сего общества необходимы; однакожъ видя главную для чтенія предъ посѣтителями надобность удовлетворенною, положено было приступить къ избранію членовъ и составленію правилъ. Число дѣйствительныхъ членовъ избрано двадцать четыре, къ которымъ присовокуплены еще попечители, почетные члены и члены сотрудники (всѣхъ оныхъ имена означены будутъ ниже). Правила заключаютъ въ себѣ два главные предмета: 1) чтеніе предъ посѣтителями обоего пола въ осеннее и зимнее время каждый мѣсяцъ одинъ разъ. 2) Изданіе трудовъ своихъ, раздѣляя оные на два рода, такъ чтобы одно изъ сихъ изданій содержало въ се-

*) Онъ же для заведенія книгохранилища подарилъ *бесѣдѣ* на три тысячи шесть сотъ рублей книгъ. Мы сообщимъ имена и другихъ, которые по любви къ словесности предлагаютъ пособія свои къ постановленію на прочномъ основаніи сего общества.

бѣ просто словесность, а другое судъ о языкѣ и словесности. Въ оба сіи изданія присылать сочиненія свои никому не возбраняется. Для удобнѣйшаго соблюденія порядка и облегченія заботъ каждаго изъ членовъ, положено число ихъ раздѣлить на четыре части, названныя *Разрядами*. Такимъ образомъ каждый разрядъ состоитъ изъ шести дѣйствительныхъ членовъ, изъ которыхъ одинъ названъ *Предсѣдателемъ разряда*. Распоряженіе сіе найдено нужнымъ для того, дабы сіи разряды могли вести между собою очередь, и каждый мѣсяцъ, послѣ чтенія предъ посѣтителями, смѣнялись. Тотъ, чья очередь, называется *должностнымъ*. Онъ, хотя и сносится со всѣми другими, однакоже главное попеченіе о приготовленіи чтенія и напечатаніи онаго, лежитъ на немъ.

По составленіи такимъ образомъ правилъ или устава препровожденъ былъ оный чрезъ господина Вице-Адмирала Шишкова къ господину Министру Просвѣщенія, Его Сіятельству Графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому, для до-

клада о томъ Государю Императору. Вскорѣ потомъ воспослѣдовало Его Императорскаго Величества соизволеніе, обьявленное письмомъ отъ Господина Министра Просвѣщенія къ Господину Вице-Адмиралу Шишкову, слѣдующаго содержанія:

Милостивый Государь мой
Александръ Семеновичъ!

Полученный отъ Вашего Превосходительства уставъ, который имѣлъ я щастіе подносить Его Императорскому Величеству, сего утра мнѣ возвращенъ. Государь Императоръ одобрить изволилъ правила въ ономъ начертанныя, и повелѣлъ обществу любителей рускаго слова обьявить Высочайшее благоволеніе за сіе полѣзное намѣреніе. Что симъ исполняя съ истиннымъ почтеніемъ пребыть честь имѣю

Вашего Превосходительства
покорнѣйшій слуга
На подлинномъ подписано:
Г. Алексѣй Разумовскій.

17 Февраля 1811.

Подлинникъ сего письма хранится въ бесѣдѣ.

По полученіи отъ Его Императорскаго Величества утвержденія, общество любителей рускаго слова, принявъ на себя названіе *бесѣды*, открыло первое засѣданіе и чтеніе свое Марта 14 дня 1811 года, при собраніи двухъ сотъ человѣкъ обоего пола посѣтителей.

Имена особъ составляющихъ бесѣду.

Попечители:

Графъ Петръ Васильевичь Заводовскій.

Николай Семеновичь Мордвиновъ.

Графъ Алексѣй Кириловичь Разумовскій.

Иванъ Ивановичь Дмитріевъ.

Первый разрядъ.

Предсѣдатель.

Александръ Семеновичь Шишковъ.

Дѣйствительные члены:

Алексѣй Николаевичь Олениинъ.

Петръ Андреевичь Кикинъ.

Князь Дмитрій Петровичь Горчаковъ.

Князь Сергѣй Александровичь Шихматовъ.

Иванъ Андреевичь Крыловъ.

Члены Сотрудники:

Александръ Александровичь Хвостовъ.
Андрей Осиповичь Брежинскій.
Василій Федоровичь Тимковскій.
Иванъ Афанасьевичь Кованько.
Александръ Ермолаевичь Ермолаевъ.

Второй разрядъ.

Председатель.

Гаврило Романовичь Державинъ.

Дѣйствительные члены:

Иванъ Матвѣевичь Муравьевъ-Апостолъ.
Графъ Дмитрій Ивановичь Хвостовъ.
Александръ Федоровичь Лабзинъ.
Дмитрій Осиповичь Барановъ.
Федоръ Петровичь Львовъ.

Члены Сотрудники:

Яковъ Андреевичь Галинковскій.
Евстафій Ивановичь Станевичь.
Николай Ивановичь Язвицкій.
Николай Ивановичь Ильинъ.
Михайло Сергѣевичь Щулепниковъ.

Третій разрядъ.

Предсѣдатель.

Александръ Семеновичь Хвостовъ.

Дѣйствительные члены:

Князь Борисъ Володимировичь Голицынъ.

Князь Александръ Александровичь Шаховской.

Семенъ Семеновичь Филатовъ.

Сергѣй Никифоровичь Маринъ.

Петръ Ивановичь Соколовъ.

Члены сотрудники:

Графъ Сергѣй Павловичь Потемкинъ.

Петръ Ѳедоровичь Шапошниковъ.

Степанъ Ивановичь Висковатовъ.

Николай Радіоновичь Судовщиковъ.

Четвертый разрядъ:

Предсѣдатель.

Иванъ Семеновичь Захаровъ.

Дѣйствительные члены:

Гаврило Герасимовичь Полицковскій.

Яковъ Александровичь Дружининъ.

Петръ Матвѣевичь Карабановъ.

Александръ Александровичь Писаревъ.

Павелъ Юрьевичь Львовъ.

Члены Сотрудники:

Николай Романовичь Полипковскій.
Петръ Александровичь Корсаковъ.
Константинъ Васильевичь Злобинъ.

Почетные Члены.

Преосвященный Евгеній, Епископъ Вологодскій и Устюжскій.
Преосвященный Амвросій, Епископъ Тульскій и Белевскій.
Графъ Александръ Сергѣевичь Строгоновъ.
Михайло Михайловичь Философовъ.
Сергѣй Козьмичь Вязмитиновъ.
Графъ Федоръ Васильвеичь Растопчинъ.
Александръ Львовичь Нарышкинъ.
Василій Степановичь Поповъ.
Андрей Андреевичь Нарповъ.
Княжна Катерина Сергѣевна Урусова.
Дѣвица Анна Петровна Бунина.
Дѣвица Анна Алексѣевна Волкова.
Логинъ Ивановичь Голенищевъ-Кутузовъ.
Князь Петръ Михайловичь Волконскій.
Александръ Дмитріевичь Балашовъ.

Николай Исаевичь Ахвердовъ.
Осипъ Петровичь Козодавлевъ.
Павелъ Ивановичь Голенищевъ Кутузовъ.
Юрій Александровичь Нелединскій-Мелецкій.
Князь Александръ Михайловичь Голицинъ.
Михайло Михайловичь Сперанскій.
Петръ Степановичь Молчановъ.
Владиславъ Александровичь Озеровъ.
Платонъ Яковлевичь Гамалея.
Степанъ Яковлевичь Румовскій.
Николай Николаевичь Банпышь-Каменскій.
Андрей Федоровичь Дерябинъ.
Михайло Леонтьевичь Магницкій.
Сергѣй Семеновичь Уваровъ.
Василій Васильевичь Капнистъ.
Николай Михайловичь Карамзинъ.
Николай Петровичь Николевъ.
Иванъ Афанасьевичь Дмитревскій.

РѢЧЬ

ПРИ ОТКРЫТІИ БЕСѢДЫ.

Самое главнѣйшее достоинство человѣка, причина всѣхъ его превосходствъ и величій, есть *слово*, сей даръ небесный, вдохновенный въ него, вмѣстѣ съ душою, устами Самого Создателя. Какое великое благо проистекло изъ сего священнаго дара! Умъ человѣческій, посредствомъ онаго, вознесся до толикой высоты, что сталъ созерцать предѣлы всего міра, позналъ совершенство своего Творца, увидѣлъ съ благоговѣніемъ Его премудрость и воскурилъ предъ Нимъ жертву богослуженія. Поставимъ человѣка подлѣ живопнаго и сравнимъ ихъ состоянія. Почти во всемъ составѣ своемъ они сходны между собою: оба родятся, растутъ, спарѣются, живутъ и умираютъ; оба имѣютъ слухъ,

зрѣніе, обоняніе, осязаніе, вкусъ; оба насыщаются пищею, утоляютъ жажду, вкушаютъ сонъ, наслаждаются любовію, воспламеняются гнѣвомъ, чувствуютъ скорби и веселія. Но при толь одинакихъ свойствахъ и общихъ имѣніяхъ колико различны! Одинъ совокупился въ сонмы, въ народы, построилъ грады, корабли, взвѣсилъ воздухъ, исчислилъ песокъ, изслѣдовалъ высоту небесъ и глубину водъ. Другой скитается разсѣянъ по дебрямъ, по лѣсамъ, и при всей своей силѣ, крѣпости и свирѣпствѣ страшится, повинуется безсильнѣйшему себя твореніе. Ни острые когти его, ни страшные зубы, ни огромное пѣло, не могутъ противустоять слабой, мягкой рукѣ, но удобной поражать его громомъ и молніями. Откуду сіе чудесное преимущество? Какимъ образомъ не одаренный ни какими естественными орудіями, нагій, вѣпроплѣнный, торжествуетъ надъ яростію косматаго, твердокожаго, кохтистаго льва и тигра? Какимъ образомъ онъ движущагося медлѣнно по землѣ не успѣваетъ утекать быстрый елень, ниже улетать крылатая птица? Какимъ образомъ онъ того, кто утопаетъ въ лужѣ, не можетъ укрыть-

ся китъ во глубинѣ морей? Богъ сотворилъ человѣка бѣднымъ, слабымъ; но далъ ему даръ слова: тогда нагота его покрылась великолѣпными одеждами; бѣдность его превратилась въ обладаніе всѣми сокровищами земными; слабость его облеклась въ броню силы и твердости. Все ему покорилось: онъ повелѣваетъ всѣми живопными, борется съ вѣтромъ, спорится съ огнемъ, разверзаетъ каменныя нѣдра горъ, наводняетъ сушу, осушаетъ глубину. Таковъ есть даръ слова, или то, что разумѣемъ мы подъ именемъ *языка* и *словесности*! Если бы Творецъ во гнѣвѣ Своемъ отнялъ отъ насъ оный, тогда бы все исчезло, общежитіе, науки, художества, и человѣкъ, лишась величія своего и славы, сдѣлался бы самое нещастное и бѣднѣйшее живопное.

По сіе время разсуждали мы о семъ великомъ дарѣ въ отношеніи человѣка къ живопнымъ, но теперь посмотримъ на слѣдствія онаго въ отношеніи человѣка къ человѣку.

Когда, по сотвореніи мужа и жены, родъ человѣческій, чрезъ долгіе вѣки, умножился, и на подобіе великой рѣки временъ потекъ по всему пространству земнаго шара, тогда, по образу устроенія орудій гласа, и языки

начали измѣняться, дѣлаться различными. Каждый народъ сталъ говорить инымъ языкомъ, невразумительнымъ другому народу. Самыя буквы или письмена, изъявляющія разныя перемѣны голоса нашего, сдѣлались у каждаго особенныя. Тогда между народами произошли великія неравенства. Одинъ изъ нихъ любопытствуя, примѣчая, размышляя, изощрялъ свой умъ, простирался отъ изобрѣтенія къ изобрѣтенію, переходилъ отъ понятія къ понятію, дѣлилъ, дробилъ, опредѣлялъ ихъ, и чрезъ то распространялъ предѣлы языка своего и знаній. Другой не простирая мысленныхъ очей своихъ далѣ окружающихъ его лѣсовъ и горъ, оставался при не многихъ названіяхъ такихъ только вещей, которыми чувства его непосредственно поражались, или въ которыхъ имѣлъ необходимую нужду. Одинъ, обогатясь изобиліемъ словъ, почувствовалъ надобность изобрѣсть знаки или письмена для облегченія памяти своей, такожъ для сохраненія и сообщенія того всѣмъ, что однимъ или немногими выдумано. Другой при малыхъ познаніяхъ своихъ никогда не помышлялъ о томъ, и довольствовался одними изустными пѣсныхъ понятій своихъ преда-

ніями. Въ одномъ одаренные отличнымъ разумомъ старцы сообщали собранныя ими въ теченіе жизни ихъ примѣчанія или откровенія возрастающимъ юношамъ; а сіи, присовокупя къ тому собственные свои успѣхи, и въ свою очередь достигнувъ старости, преподавали ихъ новымъ юношамъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ посредствомъ примѣчаній, опытовъ, умствованій, возрасталъ языкъ, и посредствомъ языка изъ возраста въ возрастъ, изъ рода въ родъ разливалось ученіе. Въ другомъ, напротивъ, любопытство и опытность были бездѣйственны, старость не сообщала ничего юности, умъ пребывалъ всегда въ младенчествѣ, и самое величайшее благо, данное человѣку, то есть *даръ слова*, оставался безплоденъ, подобно сѣмени, которое хотя и сокрываетъ въ нѣдрахъ своихъ сладкіе плоды, однако не приноситъ оныхъ, доколѣ общее и долговременное о немъ попеченіе не понудитъ его изникнуть, пустить отрасли, раскинуться и разцвѣсти. Какія таинства открыло! какія чудеса произвело сіе попеченіе въ тѣхъ народахъ, которые познавъ пользу языка и словесности, устремили умъ свой на рас-

пространеніе оныхъ! Тогда человѣкъ сдѣлался безсмертенъ. Тогда слабый голосъ свой превратилъ онъ въ трубу грома, вѣщающаго во всѣ концы земли. Какимъ образомъ могъ онъ совершить сіе непостижимое чудо? Изобрѣтеніемъ письменъ. Онъ звукъ изобразилъ знаками, чертами, и сдѣлалъ, что сіи черты говорятъ зрѣнію то самое, что звукъ или голосъ говоритъ слуху. Симъ средствомъ дальность превратилъ онъ въ близость, отсутствіе соединилъ съ присутствіемъ; ибо живучи въ Европѣ разговариваетъ съ живущимъ въ Америкѣ, словно какъ бы онъ былъ съ нимъ въ одной храминѣ. Но сего еще мало: онъ изобрѣлъ книгопечатаніе. Тогда изъ хижины своей вознесъ онъ гласъ свой во услышаніе всѣмъ странамъ свѣта. Тогда изъ гроба своего, несуществующій болѣе, поучаетъ онъ еще самыхъ позднѣйшихъ потомковъ своихъ благонравію, вѣрѣ, добродѣтелямъ, мужеству, и часто силою краснорѣчія, самъ давно уже истлѣвшій, созидаетъ въ нихъ душу, умъ и сердце. До толикой степени языкъ и словесность отличили человѣка отъ человѣка! Отсюду видимъ мы превеликую разность между

огромными Афинскими зданіями и едва покрытыми шалашами дикихъ; между огнедышущимъ кораблемъ Европейца и чуть выдолбленнымъ челнокомъ Американца; между древнимъ Грекомъ или Римлянином и нынѣшнимъ Ирокойцемъ или Караибомъ. „Одинъ (говоритъ Ломоносовъ) „почти выше смерт„ныхъ жребія поставленъ, другой едва толь„ко опыт безсловесныхъ животныхъ разнит„ся; одинъ яснаго познанія пріятнымъ сія„ніемъ увеселяется, другой въ мрачной но„чи невѣжества едва бытіе свое видитъ.“ Такъ, конечно, разность сія превелика; но оная, хотя не въ такомъ чрезвычайномъ степени, однакоже существуетъ и между просвѣщенными народами: у однихъ науки, художества и словесность болѣе процвѣтаютъ, нежели у другихъ. Слѣдовательно степень просвѣщенія опредѣляется большимъ или меньшимъ числомъ людей упражняющихся и прилѣжащихъ къ полезнымъ знаніямъ и наукамъ. Народъ пріобрѣтаетъ всеобщее къ себѣ уваженіе, когда оружіемъ и мужествомъ хранитъ свои предѣлы, когда мудрыми поученіями и законами соблюдаетъ добронравовъ, когда любовь ко всему отечест-

венному составляетъ въ немъ народную гордость, когда плодоносными ума своего изобрѣтеніями не только самъ нужными для жизни вещами изобилуетъ и украшается, но и другимъ избытки свои сообщаетъ. О такомъ народѣ можно сказать, что онъ просвѣщенъ. Но что такое просвѣщеніе, и на чемъ имѣетъ оно главное свое основаніе? Безъ сомнѣнія на природномъ своемъ языкѣ. На немъ производится Богослуженіе, насаждающее сѣмена добродѣтели и нравственности; на немъ пишутся законы, ограждающіе безопасность каждаго; на немъ преподаются науки, отъ звѣздословія до земледѣлія. Самыя художества изъ него почерпаютъ жизнь и силу. Самая слава на немъ утверждаетъ бытіе свое: ибо можетъ ли слава оружія гремѣть въ роды родовъ, могутъ ли законы и науки процвѣтать безъ языка и словесности? Нѣтъ! безъ нихъ всѣ знаменитые подвиги и дѣла мужества тонутъ въ пучинѣ времени; безъ нихъ молчитъ нравоученіе, безгласенъ законъ, косноязыченъ судъ, младенчествуетъ умъ, не воспламеняется воображеніе, не растетъ природное дарованіе, и рука художника не производитъ ничего изящнаго

и превосходнаго. Когда Грецiя и Римъ возставали и облекались въ величество и славу, тогда и словесность ихъ возносилась до той же высоты. Они упали; но языки ихъ, хотя и мертвыми называются, однако и по днесь въ ученомъ свѣтѣ живутъ, и не допускаютъ памяти ихъ погибнуть. Гдѣ древнiе Вавилоны, Троя, Аѳины, Спарты? Гдѣ мраморныя столпотворенiя ихъ? Гдѣ огромныя, великолѣпныя зданiя? лежатъ повержены въ прахъ, и око путешественника смотря на оныя, не видитъ ничего, кромѣ мшистыхъ камней и зеленаго злака. Но между тѣмъ какъ рука времени все въ нихъ истребила, краснорѣчивое перо, тверже мраморовъ и мѣди, сохранило красоту ихъ въ воображенiи нашемъ. Какимъ образомъ по сiе время гремятъ у насъ имена и подвиги Агамемноновъ, Ахилловъ, Аяксовъ? Стихотворство сдѣлало ихъ безсмертными, и можетъ быть оно же преисполнило ихъ великостiю духа: ибо хотя и кажется, что сама природа влагаетъ въ насъ огнь смѣлости и мужества, однакоже въ какой славолюбивой душѣ не воспылаетъ, не умножится сей огнь при чтенiи въ Гомерѣ подвиговъ Ахилла и Гектора? Къ какимъ вели-

ким предпріятіямъ и дѣяніямъ не подвигнетъ его честолюбіе, когда воображаетъ онъ, что воспѣтъ будетъ Гомерами? Слава любитъ жить. Безсмертная душа наша и по разрушеніи тѣла алчетъ оставить по себѣ память. Но кто безъ гласа стихотворцевъ, безъ кисти дѣописателей, сохранитъ имена великихъ мужей? Горацій устами Ломоносова говоритъ:

Герои были до Атрида,
Но древность скрыла ихъ отъ насъ:
Что дѣлъ ихъ не оставилъ вида
Безсмертный стихотворцевъ гласъ.

Пользы, происходящія отъ языка и словесности, безчисленны. Никакое перо описать, никакія уста изречь ихъ не могутъ. На нихъ основаны безопасность, спокойство, благоденствіе, величіе и слава человѣческая. Но съ сими толь великими пользами сопряжена еще пріятность, превосходящая всѣ наши прочія услажденія; ибо какія мгновенно проходящія забавы или увеселенія, обыкновенно влекущія за собою или пресыщеніе, или скуку, могутъ равняться съ чистымъ, никогда непомрачаемымъ удовольствіемъ души и разума? Представимъ себѣ человѣка глупаго, безграмотнаго, ни ка-

кими знаніями не просвѣщеннаго, и потому не могущаго чувствовать никакихъ красотъ словесности; едва ли можно про него сказать, что онъ жилъ на свѣтѣ. Жилъ, но въ чемъ же преимуществовалъ онъ предъ тѣми, которыхъ называемъ мы безсловесными существами? Почти ни въ чемъ. Услажденія ихъ были общи, слѣдовательно и удовольствія одинаковы. Онъ ходилъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, дышалъ воздухомъ; и они все тоже дѣлали. Онъ вмѣстѣ со всѣми тварями видѣлъ великолѣпіе восходящаго солнца; но могло-ли оно въ душѣ его раждать то удивленіе, съ какимъ смотрѣлъ на него Невтонъ? Не имѣя понятія о безмѣрной величинѣ сего вѣчногорящаго свѣтила, могъ ли онъ восхитишься симъ восклицаніемъ:

Се солнце! искра славы Бога.

Онъ созерцалъ величественный мракъ ночи; но ни сребряная луна, тихо плавающая въ безпредѣльной глубинѣ воздуха, ни безчисленное множество сверкающихъ въ небесномъ сводѣ звѣздъ, не умиляли души его, не возбуждали въ немъ сей усердной къ Творцу оныхъ благодарности, сего благоговѣйнаго чувство-

вания, какое раждается отъ размышленія о необъятномъ пространствѣ той громады, въ которой цѣлы тѣмъ міровъ вращаются, и которую называемъ мы вселенною. Онъ держалъ въ рукахъ книгу, рѣдкое произведеніе, долговременный плодъ величайшаго ума; но она не больше, какъ и всякая другая, обращала на себя его вниманіе. Все для него было мрачно, природа безмолвна, единообразна. Безконечныя противуположности: высокое и низкое, обширное и малое, въ тѣсномъ понятіи его едва различествовали между собою. Восклицанія ученыхъ мужей:

Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!

Великъ въ строеніи червей, въ скудели тѣсной!

были для него пустые звуки, не производившіе въ умѣ и въ душѣ его никакова понятія, никакова чувствованія. Какая разность между симъ человѣкомъ, и тѣмъ, котораго умъ, просвѣщенный науками, украшенный знаніями, изощренный чтеніемъ книгъ, удобенъ наслаждаться высокими твореніями; почерпаль изъ нихъ любовь къ Богу, къ добродѣтели; видѣлъ умственными очами природу во

всей ея славѣ; чувствовать красоты языка и восхищаться сладкимъ пѣніемъ стихотворцевъ! Иногда съ изумленіемъ и восторгомъ внимаемъ мы звуку громогласной трубы; иногда съ пріятнымъ трепетаніемъ сердца слушаемъ голосъ тихой свирѣли. Индѣ искусное сочетаніе словъ, индѣ глубокій разумъ оныхъ, индѣ сила и сладость, попеременно водятъ насъ изъ удовольствія въ удовольствіе, изъ восторга въ восторгъ. Часто въ свободные часы, почерпая вмѣстѣ и пользу и пріятность, бесѣдуемъ мы съ великими умами и рѣдкими дарованіями. Иной разсуждая о человѣкѣ, и видя въ немъ чудесное соединеніе тѣла съ душою, сей слабой и бренной персти съ сильнымъ и нетлѣннымъ духомъ, скажетъ намъ о себѣ:

Я связь міровъ повсюду сущихъ,
Я крайня степень вещества;
Я средоточіе живущихъ,
Черта начальна Божества;
Я тѣломъ въ прахъ истлѣваю,
Умомъ громамъ повелѣваю;
Я царь—я рабъ—я червь—я Богъ!

Сіи гордыя и вмѣстѣ уничиженныя о самомъ себѣ размышленія сообразны съ при-

родою нашею; онѣ, попеременно, то возносятъ и надмѣваютъ, то смущаютъ и спрашатъ сердце и чувствіа наши. Сіи по душевнымъ силамъ нашимъ справедливыя слова: *я Царь, я Богъ!* наполняютъ великими о себѣ мыслями разумъ человѣка; но не меншая сего истинна: *я рабъ, я червь, я истлѣваю!* погружаютъ его въ уныніе: иногда гордость его усмиряется, величавыя воображенія исчезаютъ, скрежежущая зубами смерть поднимаетъ на него спрашную свою косу, гробы гремятъ костями и земля разверзаетъ черныя свои хляби поглотить его. О какъ иногда пѣлесное существо человѣческое воспрепещетъ! но душа его не поколеблется; онъ обратится къ Богу, къ источнику своему, и съ твердостію скажетъ:

Твое созданье я, Создатель!
Твоей премудрости я тварь.
Источникъ жизни, благъ Податель,
Душа души моей и Царь!
Твоей по правдѣ нужно было,
Чтобъ смертну бездну преходило
Мое безсмертно бытіе;
Чтобъ духъ мой въ смертность облачился,
И чтобъ чрезъ смерть я возвратился,
Отецъ! — въ безсмертіе Твое.

Тако высокія стихотворныя произведенія научаютъ насъ бесѣдовать съ Богомъ и съ самимъ собою.

Индѣ, обращая глаза наши на прошедшія времена, съ восторгомъ читаемъ мы описаніе даровъ, какими небесныя существа одарили новорожденнаго въ сѣверѣ багрянороднаго Ошрока:

Я увидѣлъ въ восхищеньи
Разтворенъ судебъ чертогъ;
Я подумалъ въ изумленьи,
Знать родился нѣкій Богъ.
Геніи къ Нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ Ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ принесъ Ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту;
Прозорливость тотъ небесну,
Разумъ, духа высоту.
Словомъ: всѣ Ему блаженства
И таланты подаря,
Всѣ вліяли совершенства,
Составляющи Царя;

Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ Немъ, рекъ:
Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ.

Тако пророчественное перо стихотворца за нѣсколько лѣтъ предсказало намъ по, чему тмочисленные народы радостное нынѣ видятъ событіе.

Иной плодовитымъ воображеніемъ и высокими стихами изобразитъ намъ царство зимы:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда не досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ,
Изсѣченъ изо-льда стоитъ прозрачный домъ;
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды,
Тамъ царствуетъ зима, снѣдающая годы.
Сія жестокая другихъ временъ сестра,
Покрыта сѣдиной, является бодра;
Соперница весны и осени и лѣта,
Бѣлѣйшею снѣговъ порфирою одѣта;
Виссономъ служатъ ей замерзлые пары,
Престолъ имѣетъ видъ алмазныя горы;
Огромные столпы, изъ льда сооруженны,
Сребристый мещутъ блескъ лучами озаренны;
По сводамъ солнечно сіяніе скользитъ,

И кажется тогда, громада льдовъ горитъ;
Стихія каждая бездушный видъ имѣетъ:
Ни воздухъ двигаться, ни огнь пылать не смѣетъ.
Тамъ пестрыхъ нѣтъ полей, но видны между льдовъ
Одни замерзлыя испарины цвѣтовъ;
Вода растопленна въ ущелинахъ лучами,
Окаменѣвъ виситъ на воздухѣ слоями.
Тамъ зримы кажутся вѣщаемы слова,
Но все умерщвлено, натура вся мертва;
И естьли что ни есть имѣетъ жизни свойство,
Такъ трепетъ то единъ, дрожь, блѣдность, безпокойство.
Сѣдые мразы тамъ сѣдыхъ раждаютъ чадъ:
Кудрявы иніи, мятели, томный гладъ.
Развалины градовъ снѣга изображаютъ,
Единымъ видомъ кровь которы застужаютъ;
Нетающи снѣга подобятся горамъ;
Студенымъ воздухомъ пещеры дышутъ тамъ.
Оттолѣ къ намъ зима державу простираетъ,
Въ лугахъ траву, цвѣты въ долинахъ пожираетъ,
И соки жизненны древесные сосетъ;
На хладныхъ крыліяхъ морозы къ намъ несетъ;
День гонитъ прочь отъ насъ, печальныя длитъ ночи,
И солнцу отвращать велитъ чело и очи;
Ее со трепетомъ лѣса и рощи ждутъ,
И стужи ей ковры изъ бѣлыхъ волнъ прядутъ;
На всю натуру сонъ и страхъ она наводитъ.

Другой отъ сихъ льдистыхъ пещеръ, гдѣ дышущая мразами зима произвела въ чувствахъ нашихъ нѣкое хладное содроганіе, поведетъ насъ на рапное поле, гдѣ свирѣпствуетъ страшная брань, и гдѣ онъ, представя намъ силу и храбрость Россіянъ, воспалитъ въ душѣ и въ очахъ нашихъ искры гнѣва и мужества, сими или тому подобными стихами:

Уже и моремъ и землею
Россійско воинство течетъ,
И сильной крѣпостью своею
За лѣсъ и рѣки Готфовъ жметъ.
Огня ревущаго удары,
И свистъ отъ ядръ летящихъ ярый,
Сгущенный дымомъ воздухъ рвутъ,
И тяжкихъ горъ сердца трясутъ;
Уже мрачится свѣтъ полдневный,
Повсюду видъ и слухъ плачевный.

* * *

Тамъ кони бурными ногами
Взвиваютъ къ небу прахъ густой,
Тамъ смерть межъ Готфскими полками
Бѣжитъ, ярясь, изъ строя въ строй,
И алчну челюсть отверзаетъ,
И хладны руки простираетъ,
Ихъ гордый исторгая духъ,
Тамъ тысящи валяются вдругъ.

Но естьли хочешь видѣть ясно,
Коль Росско воинство ужасно:

* *
*

Взойди на брегъ крутой высоко,
Гдѣ кончится землею понтъ;
Проспри свое чрезъ воды око,
Коль много обняль горизонтъ;
Внимай, какъ югъ пучину давитъ,
Съ пескомъ мутитъ, зыбь на зыбь ставитъ,
Касается морскому дну,
На сушу гонитъ глубину,
И съ моремъ дождь и градъ мѣшаетъ:
Такъ Россъ противныхъ низлагаетъ.

* *
*

Какъ ежели на Римлянъ злился
Плутонъ, являя гнѣвъ и власть,
И естьли градъ тому чудился,
Что Курцій, видя мрачну пасть,
Презрѣлъ и младость и породу,
Погибъ за Римскую свободу,
Съ разъѣзду въ оную скочивъ;
То ей! Квириты Маркъ вашъ живъ
Во всякомъ Россѣ, что безъ страху
Чрезъ огнь и рвы течетъ съ размаху.

* *
*

Всякъ мнитъ, что равенъ онъ Алкиду,
И что Немейскимъ львомъ покрытъ,
Или ужасную эгиду

*

Нося, враговъ своихъ страшитъ;
Пронзаетъ, рветъ и разсѣкаетъ,
Противныхъ силы презираетъ;
Смѣсившись съ прахомъ кровь кипитъ:
Здѣсь шлемъ съ главой, тамъ трупъ лежитъ,
Тамъ мечь съ рукой отбитъ валится.
Коль злоба жестоко казнится!

* * *

Такимъ образомъ представя ужасное зрѣлище битвъ, и возбудя въ груди нашей сильное движеніе; въ другомъ мѣстѣ успокоитъ и усладитъ онъ чувства наши прелестнымъ описаніемъ царства любви:

О коль прекрасенъ свѣтъ блистаетъ,
Являя видъ страны иной!
Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
Межъ бисерными облаками
Сіяетъ злато и лазурь.

* * *

Кристальны горы окружаютъ,
Струи прохладны обтекаютъ
Усыпанный цвѣтами лугъ.
Плоды румянцемъ испещренны,
И вѣтви медомъ орошенны,
Весну являютъ съ лѣтомъ вдругъ.
Восторгъ всѣ чувства восхищаетъ!

Какая сладость льется въ кровь?
Въ пріятномъ жарѣ сердце таетъ!
Не тамъ ли царствуетъ любовь?

* * *

И горлицъ нѣжное вздыханье,
И чистыхъ голубицъ лобзанье,
Любви являютъ тамо власть.
Древа листами помаваютъ,
Другъ друга вѣтьвми обнимаютъ,
Въ бездушныхъ тамъ любовна страсть!
Ручьи во слѣдъ ручьямъ крутятся,
То гонятъ, то себя манятъ,
То прямо другъ къ другу стремятся,
И слившись межъ собой журчатъ.

* * *

Нарцисъ надъ ясною водою,
Плѣненъ своею красотою,
Стоитъ, любуясь самъ собой.
Зефиръ, какъ ты по брегу дуешь,
Стокрапъ листки его цѣлуешь,
И сладкой тѣ кропишь росой;
Зефиръ, сихъ нѣжныхъ мѣстъ хранитель,
Куда свой правишь ты полетъ?
Зефиръ, кустовъ и рощь любитель,
Что прочь отъ нихъ тебя влечетъ?

* * *

Онъ легкими шумитъ крилами,
Взвивается подъ небесами
И льетъ на воздухъ аромать;

Царицу мѣстъ любовь срѣтаетъ,
Порфиру и власы взвѣваетъ;
Она спѣшитъ въ свой свѣтлый градъ.
Индійскихъ рѣкъ брега веселы,
Хотъ вѣчна васъ весна пестритъ,
Не чудны ваши мнѣ предѣлы,
Мой духъ красу любови зритъ.

* * *

Иной представитъ намъ другаго рода чудныя красоты. Онъ изобразитъ намъ Монархиню, сіяющую на небесахъ, на земли незабвенную, безсмертную, и напоминовеніемъ о Ея величіи, великодушіи, славѣ, исторгнетъ изъ очей нашихъ слезы радости и благодарности. Онъ скажетъ о Ней:

Представь Ее облакоченну
На Зороастровъ истуканъ,
Смотрящу тамъ на всю вселенну,
На огнезвѣздный Океанъ,
Вѣщающу: „О Ты превѣчный!
„Который волею Своей
„Колеса движешь быстротечны
„Врашцейся природы всей!

* * *

„Когда Ты есть душа едина
„Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ:
„То Ты жъ конечно и причина
„И нравственныхъ народныхъ дѣлъ;

„Тобою Царства возрастаютъ,
„Твое оружіе Царя;
„Тобой они и померцаютъ,
„Какъ блескъ вечернія зари.

* * *

„Наставь меня, міровъ Содѣтель!
„Да волѣ слѣдуя Твоей,
„Тебя люблю и добродѣтель,
„И зижду щастіе людей;
„Да вѣкъ мой на дѣла полезны
„И славу ихъ я посвящу,
„Самодержавства Скиптръ желѣзный
„Моей щедротой позлащу.

* * *

„Да удостоена любови,
„Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
„Чтобъ я за каждu каплю крови,
„За всякую бы каплю слезъ
„Народа моего, пролитыхъ,
„Тебѣ отвѣтствовать могла,
„И чувствъ души моей сокрытыхъ
„Тебя Свидѣтелемъ звала.“

* * *

Такова молитва Великой Екатерины! Молитва достойная быть изображенною золотыми буквами въ чертогахъ у Царей. Но что еще? Посмотримъ, каковою стихотворецъ изображаетъ Ее, когда Она по необхо-

димости правосудія долженствовала опредѣлять строгую смертнымъ участь.

Представь, чтобъ тутъ кидала взоры
Со отвращеніемъ Она
На тѣ ужасны приговоры,
Гдѣ смерть написана, война,
Свинцова грифеля чертами,
И медлѣнностью крѣпила ихъ —
И тутъ же горькими слезами
Смывала бы слова всѣ съ нихъ.

* * *

Но милости бъ опредѣлила
Она съ смѣющимся лицомъ,
Златая бы струя бѣжала
За скоропишущимъ перомъ,
И проливала бы съ Престолу
Нещетны тысящи прохладъ;
Какъ въ ясный день съ крутыхъ горъ долу
Лучистый съ шумомъ водопадъ.

* * *

Таковые стихи сами собою, то есть красотою мыслей своихъ, раждаютъ въ насъ любовь къ человѣколюбію, толь пламенными и пріятными чертами въ нихъ изображенному; но еще болѣе восхищаютъ они чувства наши тѣмъ, что сила красоты ихъ соединена съ силою всѣмъ извѣстной истины; ибо Екатерина Великая въ душѣ Своей

подлинно была такова. Стихотворецъ изобразя Ее *слывающею горькими слезами слова*, когда Она подписывала приговоры, *и златую струю бѣгущую за скоропишущимъ перомъ*, когда Она подписывала милости, не увеличилъ душевныхъ свойствъ Ея, но только умѣлъ о нихъ сказать съ приличнымъ достоинствомъ. Тожъ самое, съ подобнымъ же краснорѣчіемъ, сказалъ о Ней въ словѣ своемъ одинъ изъ нашихъ почтенныхъ ораторовъ. Вотъ каковою, по внушенію самой истины, изображаетъ онъ сію Монархиню:

„Воззримъ съ благоговѣніемъ на Ея образъ; „изочтемъ, естьли возможно, прекрасныхъ „свойствъ Ея сокровища. Сановитый ростъ „являлъ Царицу; великія небеснаго цвѣта „очи — проницаніе и милость; отверстое че„ло — престолъ ума; полныя руки — щедроты „символъ; осанка, поступь, гласъ — премудро„сти Богиню. Во всѣхъ движеніяхъ Ея ви„дима была величественная непринужден„ность; въ украшеніяхъ простота; во вкусѣ „изящность. Во всѣхъ разсужденіяхъ обита„ло особенное свойство сладостнаго убѣ„жденія; въ глаголахъ Аттическая соль, Ла„тинская краткость, Славенское великолѣ-

„піе. Какая въ велѣніяхъ кротость! Какая „нѣжность въ привѣтствіяхъ! Какая въ ожи„даніи терпѣливость! Повелѣвая, казалась „прослящею; даруя, одолженною; наставляя, „пріемлющею совѣты. Гнѣвъ Ея былъ пай„на кабинета, милость же обрадованныхъ „гласъ трубный. Никогда величіе не явля„лось съ благодушіемъ подобнымъ; ни еди„ный изъ Монарховъ толикаго уваженія, ни „едина изъ Царицъ толикія любви не при„влекала. Когда окруженная блистательнымъ „дворомъ своимъ являлась собранію чиновъ, „всякъ мнилъ тогда видѣти Святая Свя„тыхъ. Когда принимала пословъ въ облече„ніи Императорскаго велелѣпія, казалась ок„руженною и благостію небесъ, и священ„нымъ ужасомъ силы, могущества и власти, „въ единой Ей совокупленныхъ, и отъ еди„ныя происходящихъ. Когда удостоивала ко„го Своей бесѣды: величіе слагала, робѣю„щаго ободряла, скромную нужду предваря„ла, самые недостатки вѣщающаго Ей не„примѣтившею казалась. Титло человѣка „всегда предшествовало въ понятіяхъ Ея „титлу Самодержца. Нарицаніе Россіянъ ча„дами именованію подданнаго, любовь ихъ

„повиновенію предпочитала. Стражу Свою „въ сердцахъ народныхъ, славу въ блаже„ствѣ ихъ поставляла. Въ наградахъ щедра, „какъ мать природа; въ наказаніяхъ мило„стива, яко Отецъ Небесный. Колико не„щастныхъ, коихъ злодѣянія умѣли прогнѣ„вить Ангельское Ея сердце, оставлены бы„ли грызенію совѣсти, или естественному „посмиженію смерти, безъ утвержденія Ею „осудившаго ихъ приговора! Колико благо„получныхъ, кои немощи ради человѣческой „извинены были! Колико паковыхъ, которые „исправленіемъ погрѣшностей своихъ паки „сердце Ея къ себѣ приклонили! Отъ сама„го вступленія Своего на Престолъ сохра„нила Она равномѣрный блескъ славы до „послѣдняго дня Своея жизни: никогда не „изнемогла въ превратностяхъ щастія; ни„когда въ неудачахъ своенравія не оказала; „даже въ болѣзненныхъ припадкахъ ни жа„лобъ, ни унынія не изъявила. Отягчена „будучи игомъ правленія толь обширной „Державы, никогда бременемъ Своимъ не „скучала; никогда многозаботливымъ проче„ніемъ онаго не затруднялась. Будучи осто„рожна, никогда тщетнымъ сомнѣніемъ серд-

„ца Своего не терзала; благонадежна — ни-
„когда не ослабила Престола Своего безопа-
„сности. Таковыми огражденна правилами
„всегда была одинакова, премудра, велика;
„всегда Себѣ единой подобна.“

Въ обоихъ сихъ примѣрахъ мы видимъ Ее милосердою, какъ сама благость. Но посмотримъ еще, какимъ образомъ витійственное перо стихотворца представляетъ могущество Ея, великолѣпіе и славу, когда Она угощаема была приготовленнымъ для Ней пиршествомъ:

Богатая Сибирь, наклонишись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро.
Восточный, западный, сѣдые Океаны,
Тряслся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь.
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала.
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ.
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златый, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина.
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія пищи, снѣди,

Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли:
Лукуллы, Цесари, Трояны, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Какая кисть! какое воображеніе! всему въ сихъ дана жизнь, душа, движеніе. Всякъ въ свойственномъ своемъ видѣ предстоитъ высокой своей Повелительницѣ. Вмѣсто обыкновенно бывающихъ при столѣ слугъ, кто служитъ Ей? Сѣдые Океаны, Сибирь, Лѣсъ, Степи, Украина, Холмогоръ, Волга, Донъ, Нева, Тавръ, Рифей! Всѣ въ Ея подданствѣ. Каждый приноситъ Ей богатые избытки свои. Подлинно, смотря на сіе, зардѣлись бы лица у настоящихъ Лукулловъ, Цесарей, Трояновъ, и соединенное съ любопытствомъ удивленіе понудило бы

ихъ спросишь: *кого такъ утешаетъ свѣтъ?*— Но оставимъ трубу. Перейдемъ отъ грома стиховъ, отъ высоты мыслей, отъ сихъ возносящихъ душу сильныхъ восторговъ, къ тихимъ, сладкимъ удовольствіямъ ума и сердца. Стихотворство тысячами различныхъ гласовъ умѣетъ плѣнять и увеселять насъ. Посмотримъ, какъ иной остроумно и нѣжно и забавно опишетъ намъ ѣдущую по водамъ, сопровождаемую дворомъ своимъ Венеру:

Богиня учредивъ старинный свой парадъ,
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.
Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру рѣзвы волны,
Текутъ за ней веселья полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея ныряетъ,
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ;
Иной съ чудовищами споря,

Препнтъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,
Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ,
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ;
Иной съ трезубчатымъ жезломъ,
На Китѣ въ переди верьхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И что бы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральной громко трубитъ рогъ;
Другой изъ краевъ самыхъ дальныхъ
Успѣвъ приплыть къ Богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.
Сей видъ пріятность обновляетъ
И радость на ея челѣ.
О естьлибъ видъ сей, онъ вѣщаетъ,
Остался вѣчно въ хрусталѣ!
Но тщетно то Тритонъ желаетъ:
Исчезнетъ сей призракъ какъ сонъ,
Останется одинъ лишь камень,
А въ сердцѣ лишь нещастный пламень,
Которымъ втуне тлѣетъ онъ.
Иной приставъ къ Богинѣ въ свиту,
Отъ солнца ставитъ ей защиту,
И прохлаждаетъ жаркій лучь,

Пуская къ верху водный ключь.
Сирены, сладкія пѣвицы,
Межъ тѣмъ поютъ стихи ей въ честь,
Мѣшаютъ съ быльми небылицы,
Ее стараясь превознесть.
Иныя передъ нею пляшутъ,
Другія во услугахъ тутъ,
Предупреждая всякой трудъ,
Богиню опахаломъ машутъ;
Другіяжъ, на струяхъ несясь,
Пышатъ въ трудахъ по почтѣ скорой,
И отъ луговъ любимыхъ Флорой,
Подносятъ ей цвѣточну вязь.
Сама Фетида ихъ послала,
Для малыхъ и большихъ услугъ,
И только для себя желала,
Чтобъ дома былъ ея супругъ.
Въ благопріятнѣйшей погодѣ
Не смѣютъ бури тамъ пристать,
Одни Зефиры лишь въ свободѣ
Венеру смѣютъ лобызать.
Чудеснымъ дѣйствіемъ въ то время,
Какъ въ вѣяньи пшенично сѣмя,
Летятъ обратно бѣглецы,
Зефиры, древни наглецы:
Иной власы ея взвѣваетъ,
Межъ тѣмъ, открывъ прелестну грудь,
Перестаетъ на время дуть,
Власы съ досадой опускаетъ,

И съ ними спутавшись летитъ.
Другой невѣдомымъ языкомъ,
Со вздохами и нѣжнымъ крикомъ
Любовь ей на ухо свиститъ.
Иной пытаясь безъ надежды
Сорвать покровъ другихъ красотъ,
Въ сердцахъ вертитъ ея одежды,
И падаетъ безъ силъ средь водъ.
Другой въ уста и очи дуетъ,
И ихъ украдкою цѣлуетъ.
Гонясь за нею волны тамъ,
Толкаютъ въ ревности другъ друга,
Чтобъ, вырвавшись скорѣй изъ круга,
Смиренно пасть къ ея ногамъ.

* * *

Ежели искусные живописцы въ картинахъ своихъ увеселяютъ глаза наши подобными изображеніями, то сколько же таковыя изображенія должны быть превосходнѣе, когда начерпаваются сладкимъ перомъ плодовитаго воображенія? ибо, хотя живопись по справедливости почитается прекраснѣйшимъ произведеніемъ человѣческаго искуства, однакожъ оная есть только оживотворяемое подражаніе дышущаго жизнію стихотворства. Душу живописи составляютъ краски, душу стихотворства состав-

вляетъ языкъ. Нашъ языкъ есть одинъ изъ древнѣйшихъ, изъ ученѣйшихъ языковъ, праотецъ многимъ другимъ. Онъ не уступаетъ ни Греческому, ни Латинскому; не менше ихъ краткокъ, не менше силенъ, не менше богатъ. Всякое слово его есть плодъ размышленія, вѣпивь рожденная отъ корени, а не заимствованный отъ другихъ языковъ пустой мыслями звукъ. Онъ въ изображеніи важныхъ предмѣтовъ высокъ и великолѣпенъ, въ описаніи же обыкновенныхъ вещей сладокъ и простъ. Гдѣ надобно говорить громко и величаво, тамъ предлагаетъ онъ тысячи избранныхъ словъ, богатыхъ разумомъ, звучныхъ, и совсѣмъ особыхъ отъ тѣхъ, какими мы въ простыхъ разговорахъ объясняемся. Надлежитъ ли самую обыкновенную и простонародную мысль облечь въ важность и великолѣпіе? Онъ способенъ ко всѣму. Напримѣръ: Императрица Елисавета ѣдетъ съ великою скоростію изъ Москвы въ Петербургъ, и Ломоносовъ, мечтая солнце стыдящимся, что на колесницѣ своей не успѣваетъ за нею въ слѣдъ, самую простую мысль выражаетъ пристойно и величаво:

На коней пламенныхъ зардѣвшись негодуетъ,
И огненнымъ бичемъ за лѣность наказуетъ.

Надлежитъ ли, говоря о той же Императрицѣ, подобную же простую мысль, что Она *ѣздила верхомъ на охоту*, представить въ красивомъ и величественномъ видѣ, посмотримъ еще, какими звучными словами языкъ снабдилъ умъ стихотворца:

Коль часто долы оживляетъ
Ловящихъ шумъ межъ нашихъ горъ,
Когда богиня понуждаетъ
Звѣрей чрезъ трубный гласъ изъ норъ.
Ей вѣтры въ слѣдъ не успѣваютъ;
Коню бѣжать не воспящаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣшвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ броздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

* * *

Надобно ли глубокую, философическую мысль, напоминающую намъ о скоротечности времени и суетѣ мірской, представить не пышными, не величавыми, но простыми, однакожъ сильно усмиряющими гордость нашу стихами—вотъ они:

Суетенъ будешь
Ты человѣкъ,

*

Естьли забудешь
Краткой свой вѣкъ.
Время проходитъ,
Время летитъ,
Время проводитъ
Все, что ни льстится;
Щастье, забава,
Свѣтлость коронъ,
Пышность и слава,
Все только сонъ.
Какъ ударяетъ
Колоколъ часъ,
Онъ повторяетъ
Звономъ сей гласъ:
Смертный! будь ниже
Въ жизни ты сей,
Сталъ ты поближе
Къ смерти своей.

Надобно ли въ краткой басенкѣ уколоть крючкотворливо приказныхъ людей, часто подъ видомъ законовъ притесняющихъ беззащитную невинность, вотъ какіе стихи вложены въ уста зайца:

Толкнулъ какой-то льва рогами звѣрь:
За то скотинѣ всей рогатой
Нещастіе теперь
И ссылка платой.
Въ приказъ

Пришелъ о томъ Указъ.
Гоповъ осмотръ и высылка гопова.
Ступай, не говоря ни слова,
И понесите вонъ отсель тѣла,
Рога и души.
Великой зайцу страхъ та ссылка навела;
Рогами, мнипъ, сочтутъ въ приказѣ заичьи уши.
До зайца тотъ указъ ни въ чемь не надлежитъ,
Однако онъ какъ тѣ подобно прочь бѣжитъ.
Страхъ зайца побѣждаетъ,
И заяцъ разсуждаетъ:
Подьячій лютъ,
Подьячій плутъ,
Подьяческія души
Легко пожалуютъ въ рога большія уши;
А ежели судьи и судъ
Меня оправятъ,
Такъ справки, выписки однѣ меня задавятъ.

* * *

Такимъ образомъ въ сочиненіяхъ нашихъ найдемъ мы всякаго рода пріятности: глубокомысленное, громкое, сильное, острое, нѣжное, забавное. Языкъ нашъ такъ обширенъ и богатъ, что чемъ долѣе кто упражняется въ ономъ, тѣмъ больше открываетъ въ немъ новыхъ сокровищъ, новыхъ красотъ, ему единому свойственныхъ, и которыя на всякомъ другомъ языкѣ не могутъ быть вы-

ражены съ такою силою и достоинствомъ. Словесность наша можно раздѣлить на три рода. Одна изъ нихъ давно процвѣтаетъ, и сколько древностію своею, столько же изяществомъ и высотою всякое новѣйшихъ языковъ витійство превосходитъ. Но оная посвящена была однимъ духовнымъ умствованіямъ и размышленіямъ. Отсюду нынѣшнее наше наречіе или слогъ получилъ, и можетъ еще болѣе получить, не досязаемую другими языками высоту и крѣпость. Вторая словесность наша состоитъ въ народномъ языкѣ, не столь высокомъ, какъ священный языкъ, однако же весьма пріятномъ, и который часто въ простотѣ своей сокрываетъ самое сладкое для сердца и чувствъ краснорѣчіе. Оба сіи роды словесности, весьма различныя между собою, требуютъ не малаго въ нихъ упражненія, дабы напоиться духомъ ихъ, и научиться чувствовать красоты оныхъ; ибо безъ того могутъ онѣ быть подобны драгоцѣнному камню, который до тѣхъ поръ не привлекаетъ къ себѣ взоровъ, покуда искусная рука художника не сниметъ съ него покрывающую блескъ его корку. Возмемъ сіи двѣ словесности, то есть

священныя книги и народныя стихотворенія на другихъ языкахъ, и сравнимъ ихъ съ нашими, мы увидимъ, какъ далеко они отъ насъ отстаютъ. Трепія словесность наша, составляющая тѣ роды сочиненій, которыхъ мы не имѣли, процвѣтаетъ не болѣе одного вѣка. Мы взяли ее отъ чужихъ народовъ, но заимствуя отъ нихъ хорошее можетъ быть слишкомъ рабственно имъ подражали, и гоняясь за образомъ мыслей и свойствами языковъ ихъ, много отклонили себя отъ собственныхъ своихъ понятій. Прочитаемъ нѣкоторыхъ ученыхъ иностранцевъ, разсуждающихъ о словесностяхъ своихъ: они доказываютъ, что самые величайшіе писатели ихъ сколько въ правилахъ и размноженіи родовъ сочиненій обязаны древнимъ Греческимъ и Римскимъ стихотворцамъ, столько же въ выраженіяхъ и словахъ одолжены священному и народному языку своему. Они не отвергали сихъ двухъ языковъ, но избирая изъ нихъ различныя красоты умѣли дать имъ новый блескъ, и тѣмъ словесность свою обогатили и возвысили. Когда они изъ скудныхъ источниковъ своихъ почерпали силу краснорѣчія, то намъ ли съ

богатымъ языкомъ своимъ смотрѣть только на образъ ихъ мыслей и объясненій, неища въ собственныхъ нашихъ хранилищахъ той высоты и пріятности, какихъ они въ хранилищахъ своихъ никогда не могли находить? Не взирая однакоже на сей опытъ самаго начала не обдуманно избранный нами путь, отчасу далѣе отводящій насъ отъ двухъ богатѣйшихъ въ языкѣ нашемъ источниковъ, и не смотря на то, что мы не болѣе одного вѣка упражняемся въ свѣтскихъ сочиненіяхъ, словесность наша, даже и въ семъ родѣ, покрайней мѣрѣ во многихъ частяхъ, едва ли уступаетъ словесностямъ другихъ народовъ. Мы изъ малаго числа приложенныхъ здѣсь примѣровъ видѣли, какъ громко и пріятно знаменитые наши витіи умѣютъ бряцать на лирахъ. Останется только приложить намъ еще большій трудъ къ изслѣдованію всей обширности языка нашего, къ извлѣченію наружу тѣхъ блистающихъ въ немъ красотъ, которыя отъ устремленія очей нашихъ на чужія несродныя намъ красоты лежатъ въ прахѣ и забвеніи. Обратимъ глаза свои на нихъ, полюбимъ свое: тогда предъ свѣтомъ сіянія ихъ померкнетъ вол-

шебный блескъ чужеязычныхъ прелестей, подобно какъ луна померькаетъ предъ ясными лучами солнца. Похвально знать чужіе языки, но непохвально оставлять для нихъ свой собственный. Мы уже сказали, что языкъ есть первѣйшее достоинство человѣка, слѣдовательно свой языкъ есть первѣйшее достоинство народа. Безъ него нѣтъ словесности, нѣтъ наукъ, нѣтъ просвѣщенія. Но какимъ средствомъ можетъ процвѣтать и возвышаться словесность? единственнымъ; когда всѣ вообще любятъ свой языкъ, говорятъ имъ, читаютъ на немъ книги; тогда только рождается въ писателяхъ ревность посвящать жизнь свою трудамъ и ученію; тогда только появляются сіи великіе умы, которыхъ произведеній не можетъ поглотить ниже самое всеснѣдающее время. Ибо что извлекаетъ изъ душъ нашихъ силу на всякіе трудные подвиги и дѣянія? Слава. Но какой славы можетъ ожидать самый трудолюбивѣйшій умъ, или самый превосходнѣйшій пѣснопѣвецъ тамъ, гдѣ его никто не читаетъ? Что же подвигнетъ множество умовъ съ великимъ трудомъ и усиліемъ тѣснишься въ тотъ Храмъ, куда рѣд-

кіе достигаютъ, когда и достигнувъ въ оный будетъ онъ въ лаврахъ своихъ спокоенъ ни кѣмъ не зримый? Напротивъ того какая между умами ревность, рвеніе и состязаніе тамъ, гдѣ каждому изъ нихъ милліоны людей опредѣляютъ цѣну! Гдѣ съ отличными дарованіями человѣкъ не умретъ страшится, но вѣчно жить надѣется! Особливо же рвеніе сіе возбуждается въ немъ, когда онъ еще при жизни своей слышитъ, что облеченныя имъ въ красоту слога превосходныя мысли повторяются нѣжнѣйшими устами прекраснѣйшаго пола. Какая превеликая происходитъ изъ сего польза для словесности! Женщины, сія прелестнѣйшая половина рода человѣческаго, сія душа бесѣдъ, сіи любезныя учительницы, внушающія въ насъ языкъ ласки и вѣжливости, языкъ чувствъ и страсти, женщины, говорю, суть тѣ высокія вдохновенія, которыя воспламеняютъ духъ нашъ къ пѣнію. Сталъ ли бы пѣть соловей, естьли бы не надѣялся быть услышанъ тою, для которой онъ голосъ свой на столько различныхъ звуковъ измѣняетъ и дробитъ? Трудолюбивые умы вымышляютъ, пишутъ, составляютъ выраженія, опредѣ-

ляютъ слова; женщины, читая ихъ, научаются чистотѣ и правильности языка; но сей языкъ, проходя чрезъ уста ихъ, становится яснѣе, глаже, пріятнѣе, слаще. Такимъ образомъ возрастаетъ словесность, гремитъ стихотворная труба, и раздаются сладкіе звуки свирелей. Но гдѣ нѣтъ любви къ языку своему, тамъ все молчитъ, все вянетъ, подобно тишинѣ ночи, подобно въ осеннее время саду, часъ отчасу больше теряющему зеленыя свои листья.

Сіи-то всѣ разсужденія и причины, сами по себѣ важныя и полезныя, но слабо исчисленныя и показанныя мною, побудили нѣкоторое число любителей составить общество, которое бы подъ названіемъ *бесѣды любителей русскаго слова*, трудами своими и ежемѣсячными чтеніями предъ собраніемъ почтенныхъ посѣтителей и посѣтительницъ, могло по силамъ своимъ приносить всевозможную пользу. Мы приступаемъ къ сему съ робостію. Предлежащій намъ трудъ страшитъ насъ, силы наши слабы. Но великій Монархъ, покровитель наукъ, Александръ первый, ободряетъ насъ гласомъ Своимъ. Въ чьей груди при семъ священномъ гла-

сѣ невозникнетъ крайнее усердіе, не возгорится огонь, могущій раждать силы? такъ! Онъ мановеніемъ кроткихъ очей Своихъ вливаетъ въ несмѣлыя сердца наши бодрость и охоту. Неусыпное попеченіе Его о распространеніи наукъ и полезныхъ знаній, не есть ли гласъ, призывающій каждаго по мѣрѣ способностей своихъ содѣйствовать сему великому Его намѣренію? Рука Его въ Столицѣ сей насаждаетъ ученіе. Москва, Казань, Дерптъ, Вильна, Харьковъ и многіе другіе города, заведенными въ нихъ Университетами, гимназіями и училищами, не вопіютъ ли громко? Не славятъ ли десницу Его, разливающую повсюду свѣтъ наукъ. Посланные по Его повелѣнію многіе по всему пространству Россіи путешественники, для собиранія всякаго рода древностей и достопамятныхъ свѣденій, могущихъ озарить лучами свѣта мракъ исторіи, не свидѣтельствуютъ ли благотворнаго промысла Его о просвѣщеніи врученныхъ Ему народовъ? Многія изліянныя Имъ на отличившихся художниковъ щедроты не тоже ли самое подтверждаютъ? Подвигнутые сими Монаршими дѣяніями мы спремимся въ слѣдъ волѣ Его,

и не способностями нашими, но духомъ Его оживотворяемые, течемъ по гласу Его прудимься, сколько можемъ, надъ тѣмъ первоначальнымъ ученіемъ, на которомъ всякое другое ученіе основывается и созидается, то есть, надъ языкомъ и словесностію. Мы сдѣлали первый шагъ. Начало наше не соотвѣтствуетъ нашему желанію, но какое же начало бываетъ совершенно? Общія силы, общая ревность и участіе всѣхъ любителей словесности умножатъ наши способы, а благосклонныя посѣщенія почтенныхъ слушателей придадутъ усердію нашему новое рвеніе угождать имъ и приносить пользу.

Александръ Шишковъ.

БЕЗСМЕРТІЕ.

Куда съ желаньемъ ненасытнымъ
О! сердце пламенно летишь?
Какимъ мечтаньемъ несбытнымъ
Въ алчбѣ твоей себѣ ты льстишь?
Тебѣ присущный гладъ желая утоленья,
Во всемъ, что вкругъ него онъ ищетъ насыщенья;
Но міръ съ сокровищми ему своими малъ.
Проникъ парящій умъ въ святилище науки;
Наполнены сребромъ и златомъ хищны руки;
И все ты алчущій Танталъ.

* * *

Изъ смертоносныхъ жерлъ, гремящіе перуны
Бросающій Герой, вселенной потрясалъ.
Бряцая сладостно въ златыя арфы струны,
Пѣвецъ вселенную плѣнялъ.
Но ни народное тому порабощенье,
Ни общее сему въ плескахъ восхищенье,
Неподали прямыхъ отрадъ.
Все тотъ же въ сердцѣ гладъ.

* * *

Пролейтесь роскоши рѣкою;
И расточительной рукою,
Устройся велелѣпный пиръ.
Уже при сладкомъ звукѣ лиръ,

Изъ пурпуровыхъ гроздъ Вакхъ нектаръ выжимаетъ.
Самъ Комусъ пышную трапезу учреждаетъ
По всюду раздался забавы шумной гулъ;
И съ чашею въ рукахъ пирующій заснулъ.
Но ахъ! и послѣ пробужденья,
Все тоже алчное желанье наслажденья.
Все таже въ сердцѣ пустота.
Знать смертный цѣль твоя не та.

* * *

Когда любовною наполненное страстью,
Въ объятьяхъ роскоши и нѣгъ,
Обманчивыхъ Сиренъ подъ властью,
О сердце! ищешь ты утѣхъ;
Тутъ съ сею страстію, то ревность съединенна,
Въ веселіи твои мѣшаетъ острый ядъ,
То самымъ симъ весельемъ утомленна,
Лишается душа возлюбленныхъ усладъ.
Нѣтъ, нѣтъ, всѣ роскоши, всѣ пышности на свѣтѣ,
Тебѣ не удовлетворятъ.
О сердце! ты любви ошиблося въ предметѣ.
Желанія твои къ безсмертію парятъ.

* * *

Къ безсмертью! не къ тому молвы всеобщей звуку,
Что мнимо-славныхъ дѣлъ въ потомствѣ память длитъ.

Что все стирающу нещадна время руку,
Надъ именемъ сдержавъ, чтитъ оное велитъ.
Но къ оному Божественному дару,
Что смерти лютыя противуставъ удару,
Намъ данна бытія удѣлъ
Преноситъ времянной сей жизни за предѣлъ.

* * *

Безсмертье! сладостно и вдругъ ужасно слово.
Безсмертье! сердца гладъ ты утолишь одно.
Но ежели къ тебѣ чье сердце неготово;
Содрогнется оно.

* * *

Къ корысти, къ роскоши, въ свой вѣкъ приобученный,
Съ весельемъ можетъ ли вообразить тотъ часъ,
Когда безсмертія неумолимый гласъ,
Вспревожитъ духъ его смятенный!
Какъ хладна общія гробницы пустота,
Поглотитъ земнородныхъ плѣмя;
И мѣдны вѣчности врата
Алмазнымъ повергнувъ ключемъ затворитъ время:
Тутъ конча царствіе свое,
Съ надѣждой, спутницей своею, и сестрою,
Прейдетъ оно въ небытіе;
И жребіи всѣхъ существъ Всевышняго рукою
Явится утвержденъ.
Ахъ! дивноль, что сію минуту,

Только беззаконнымъ люту,
Злодѣй изгнать изъ мыслей побужденъ!

* * *

О! ты, что Божество продерзко отрицаешь,
Что гроба за дверьми не чаешь бытія,
Что въ времени себя постыдно заключаешь,
Хоть страшенъ правый Судія,
Уничтоженіемъ ты льстишь себѣ напрасно;
Ты есть: такъ быть не льзя престать уже тебѣ,
И сколько для тебя безсмертье ни ужасно,
Но къ сей назначенъ ты судьбѣ.
Ты всѣ сокровища оставя у могилы,
Возмешь духовное стяжанье лишь съ собой
Туда, гдѣ Вышни силы,
Нечистой совѣсти раскроютъ свитокъ твой.
Тамъ, кажда дерзка мысль, изчадье адскихъ правилъ,
Въ укоръ тебѣ пойдетъ во слѣдъ;
Тамъ, кажда капля слезъ, что ты пролить заставилъ,
Кипяща на тебя падетъ.
Вотще ума продерзкаго доводы,
Прельщеньемъ упоенъ, чтилъ истинною ты;
Единый взглядъ на мрачны гроба своды:
И суемудрія изчезнутъ всѣ мечты.

* * *

Но въ сердце заглянувъ къ себѣ нельстивымъ
взоромъ,
Кто въ вѣчность могъ отверзть безтрепетно
врата?
Чья совѣсть такъ чиста,
Чтобъ смѣло съ ней предстать предъ вѣчнымъ
приговоромъ?
Сый!
Воззвавъ изъ ничего меня въ существованье,
Дай силы мнѣ законъ исполнить Твой святый,
Да сердца моего свершится упованье;
И червь, совлекшійся земныя чешуи,
Одѣянъ чрезъ Тебя одеждою неплѣнной,
На крыльяхъ вѣры неизмѣнной,
Да воспаритъ въ селенія Твои.

К. Д. Горчаковъ.

БАСНИ.

I.

ОГОРОДНИКЪ И ФИЛОСОФЪ.

Весной въ своихъ грядахъ такъ рылся огородникъ,
Какъ будто бы хотѣлъ онъ вырыть кладъ;
Мужикъ ретивый былъ, работникъ,
И дюжъ и свѣжъ на взглядъ:
Подъ огурцы одни онъ взрылъ съ полсотни грядъ.
Дворъ обо дворъ съ нимъ жилъ охотникъ
До огородовъ и садовъ,
Великой краснобай, названой другъ природы,
Недоученый Философъ,
Который лишь изъ книгъ болталъ про огороды;
Однакожъ за своимъ онъ вздумалъ самъ ходить,
И тоже огурцы садить.
А между тѣмъ смѣялся такъ сосѣду:
Сосѣдъ! какъ хочешь ты потѣй,
А я съ работою моей
Далеко отъ тебя уѣду,
И подлѣ моего твой огородъ во всемъ,
Казаться будетъ пустыремъ;
Да правду говорить, я и тому дивился,
Что огородишко твой кое-какъ идетъ;
Какъ ты еще не раззорился?
Ты чай вѣдь никакимъ наукамъ не учился?—

И нѣкогда, сосѣда былъ отвѣтъ:
Прилѣжность, навыкъ, руки;
Вотъ всѣ мои пути и науки,
Мнѣ Богъ и съ ними хлѣбъ даетъ. —
Невѣжа! возставашь противъ наукъ ты смѣешь? —
Нѣтъ баринъ, не толкуй моихъ такъ худо словъ,
Коль ты что путное затѣешь,
Я перенять всегда готовъ —
А вотъ увидишь ты, лишь лѣта бъ намъ дождаться? —
Но баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?
Ужъ я кой-что посѣялъ, посадилъ;
А ты и грядъ еще не взрылъ —
Да, я не взрылъ за недосугомъ;
Я все читалъ
И вычиталъ,
Чѣмъ лучше: заступомъ ихъ взрыть, сохой иль плугомъ?
Но время не уйдетъ —
Какъ васъ; а насъ оно не очень ждетъ,
Послѣдній отвѣчалъ, и тутъ же съ нимъ разстался,
Взялъ заступъ свой —
А философъ пошелъ домой,
Читалъ, выписывалъ, справлялся,
И въ книгахъ рылся и въ грядахъ,
Съ утра до вечера въ трудахъ:
Едва съ одной работой сладитъ,

Чють на грядахъ лишь что взойдетъ;
Въ журналахъ новость онъ найдетъ,
И все изроетъ, пересадитъ
На новой ладъ и образецъ.
Какой же вылился конецъ?
У огородника взошло все, и поспѣло—
Онъ съ прибылью—и въ шляпѣ дѣло;
А философъ
Безъ огурцовъ.

II.

Г У С И.

Предлинной хворостиной
Мужикъ гусей гналъ въ городъ продавать,
И правду истинну сказать:
Не очень вѣжливо чествлъ свой гуртъ гусиной.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню;
(А гдѣ до прибыли коснется:
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и невиню;
Но гуси иначе объ этомъ толковали,
И встрѣтяся съ прохожимъ на пути,
Вотъ какъ на мужика пѣняли:
Гдѣ можно насъ гусей нещастнѣе найти,
Мужикъ такъ нами помыкаетъ
И насъ какъ птицъ простыхъ гоняетъ;
А этова не смыслитъ неучь сей,

Что онъ обязанъ намъ почтеньемъ;
Что мы свой знатной родъ ведемъ отъ тѣхъ гусей,
Которымъ нѣкогда былъ долженъ Римъ спасеньемъ,
Тамъ даже праздники имъ въ честь учреждены.
А вы хотите быть за что отличены?
Спросилъ прохожій ихъ — да наши предки — знаю,
И все читалъ; но вѣдать я желаю,
Вы сколько пользы принесли? —
Да наши предки Римъ спасли —
Все такъ; да вы что сдѣлали такое?
Мы? ничего — такъ чтожъ и добраго въ васъ есть.
Оставте предковъ вы въ покоѣ;
Имъ по дѣламъ была и честь;
А вы друзья лишь годны на жаркое.

Басню эту можно бы и болѣ пояснить,
Да чтобъ гусей не раздразнить.

III.

ОСЕЛЪ и СОЛОВЕЙ.

Оселъ увидѣлъ соловья,
И говоритъ ему: послушайко дружище;
Ты, сказываютъ, пѣть великой мастерище:
Желалъ бы очень я
Самъ посудить, твое услышавъ пѣнье,
Велико ли въ тебѣ умѣнье.
Тутъ соловей являть свое искуство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ, тянулъ, переливался;
То нѣжно онъ ослабѣвалъ
И томной въ далекѣ свирѣлью отдавался,
То мѣлкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался:
Внимало все тогда
Любимцу и пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чють чють дыша пастухъ имъ любовался
И только иногда,
Внимая соловью, пастушкѣ улыбался.
Скончалъ пѣвецъ и ждалъ хвалы себѣ потомъ.
Изрядно, говоритъ оселъ, сказать неложно,
Тебя безъ скуки слышать можно;
А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ —

Ещебъ ты болѣ навоспрился,
Когда бы у него не множко поучился—
Услыша судъ такой, мой бѣдной соловей
Вспорхнулъ—и полетѣлъ за придевять полей.

Избави Богъ и насъ отъ этакихъ Судей.

Иванъ Крыловъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ
ПРИ
ГРОБѢ БЛАГОДѢТЕЛЯ *).

La douleur de l'homme sensible est comme la lampe religieuse et solitaire qui veille auprès des tombeaux: et qui serait assez barbare pour l'éteindre? (LA HARPE).

Миръ праху твоему, другъ человѣковъ, благотворитель нещастныхъ! пятнадцатый разъ зрѣлыя жатвы подсѣкаются блиста-

*) Сочиненіе сіе посвящено памяти П. А. Демидова, однимъ изъ его воспитанниковъ, Гмъ Станевичемъ. Мы находимъ оное достойнымъ вниманія читателя по тремъ причинамъ: во первыхъ, въ прославленіи благотворенія видимъ должный памятникъ, воздвигаемый добрымъ дѣламъ. Во вторыхъ, въ изъявленіи сердечныхъ чувствованій питомца, взираемъ съ пріятностію на священный долгъ благодарности. Въ третьихъ, мы имѣемъ мало такихъ сочиненій, какими Англія хвалится въ своемъ *Юнгѣ*. Мрачность ихъ нравоучительна; она имѣетъ свои красоты, пріятности и пользу. Наконецъ отдадимъ и ту справедливость сочинителю, что *размышленіе его при гробѣ своего благодѣтеля* заслуживаетъ имѣть здѣсь мѣсто, какъ по силѣ воображенія, такъ и по хорошему слогу.

ющимъ серпомъ, пятнатцатый разъ деревья обнажаются отъ своихъ листьевъ, и цвѣты умираютъ у подножія твоего памятника; безсомнѣнія благодарность, подобная моей, часто украшала ими гробъ твой; но я, скитающійся въ странахъ чуждыхъ, не приходилъ орошать его моими слезами. Се нынѣ, исполненный тѣми же горячими чувствованіями, еще болѣе во мнѣ созрѣвшими, и послѣ долговременнаго отсутствія живѣйшими, возвращаюсь къ драгоцѣнному праху твоему, снова бесѣдовать съ нимъ, и поучаться отъ него высокимъ правиламъ благочестія..... Но что вижу? Рука времени разрушаетъ уже памятникъ твой, и скоро сравняетъ его съ землею! Мѣсто праха твоего не отличится отъ мѣста праха беззаконника! Благодарные юноши, дѣти воспитанныхъ тобою отцевъ, наслышась отъ нихъ о благодѣяніяхъ твоихъ, придутъ искать гроба твоего и не найдутъ его болѣе!..... не найдутъ?..... Но памятникъ добродѣтели не исчезаетъ; онъ подобно ей вѣченъ; груды камней не сосплавляютъ его; онъ на земли поставленъ въ сердцѣ не умирающей благодарности, и на небесахъ внесенъ въ нетлѣн-

ную книгу дѣлъ человѣческихъ. Воздвигнутыя гордынею смертныхъ надгробія, равно какъ и зодчіе ихъ, погибнутъ. Всуе человѣкъ возноситъ до облакъ хранилище своихъ останковъ, и отягощаетъ прахъ свой подобнымъ Вавилонскому зданіемъ: время прикоснется ему, и чѣмъ оно выше, тѣмъ громче трескъ паденія его возвѣститъ людямъ малость величія и бренность ихъ искусства. Посредѣ ли непрестанныхъ превращеній искать неизмѣняемыхъ знаковъ существованія нашего? Земному ли представлять небесное? Сіи усилія человѣческія показываютъ токмо непреодолимое желаніе жить послѣ смерти, желаніе, изъявляющее предчувствіе другой жизни, ожидающей насъ за предѣломъ гроба. Сіе предчувствіе напоминаетъ намъ, что не въ согроможденіи камней должна жить память наша, но въ добродѣтельныхъ, благоугодныхъ Богу дѣлахъ. Камень сохраняетъ имя, но дѣла лежащаго подъ нимъ гласятъ въ семъ камнѣ честь его или безчестіе. Мѣдь и мраморъ исчезнутъ, но дѣла останутся. Типъ не умретъ благотвореніемъ, Неронъ злодѣяніемъ. Нѣтъ памятника, могущаго воспротивиться всеснѣ-

дающему времени. Памятникъ человѣку земля: черепъ ея составленъ изъ плоти поглощенныхъ ею смертныхъ. Каждый шагъ напоминаетъ намъ: здѣсь лежитъ прахъ тебѣ подобнаго! боимся услышать стонъ, и кажется, что чувствуемъ трепетаніе хрустящихъ подъ стопами нашими костей. Такъ! все твердитъ намъ о прехожденіи бытія и суетности земныхъ упованій нашихъ. Такъ! законы времени разрушатъ памятникъ твой, мужъ праведный! но тотъ, которой добродѣтельными дѣлами сооружается въ сердцахъ благодарныхъ, не истребится во вѣки. Безсмертіе есть удѣлъ твой. Истинна напишетъ имя твое между именами друзей человѣчества, и грядущія времена съ восторгомъ станутъ произносить оное. Добродѣтель торжественно прославитъ тебя; она похититъ знаменитое сіе преимущество у стихотворцевъ, которые и самыя щастливыя дарованія свои учиняютъ иногда продажными, истощая ихъ на прославленіе людей недостойныхъ. Рабы щастія и предразсудковъ! чувства возмущаются, когда мы внемлемъ звукамъ лиръ вашихъ, отъемлющихъ у добродѣтели славу, облекая въ нее

пороки, — когда видимъ лучшій даръ природы злоупотребленъ и поруганъ: но да отличатъ грядущія времена гласъ безкорыстной истины отъ гласа корыстолюбивой лжи, и всеобщее презрѣніе да покроетъ васъ безчестіемъ. Сокройся отъ взора моего лесть, гнусное чадо любостяжанія! а ты, о благодарность! Божество душъ безхитростныхъ и кротkихъ, ты, часто воспламеняющая духъ мой, пріиди и нынѣ, въ сіи священныя минуты, собесѣдовать со мною на гробѣ моего благотворителя; пріиди проникнуть во глубину сердца моего; пріиди одушевить меня небеснымъ огнемъ твоимъ и подобно голубю, принесшему въ Ноевъ ковчегъ вѣтвь радости и спасенія, принеси ко мнѣ чистую, непорочную лиру, да вознесуся и пою добродѣтель.

А ты, о время! если невсегда отклоняешь отъ смертныхъ слухъ твой, внемли гласу тебя молящихъ. Пощади сей памятникъ, толико священный для сердецъ благодарныхъ. Да среди всѣхъ развалинъ онъ невредимъ пребудетъ, и въ самыя поздныя времена да озлащается лучами солнца, и сребряный блескъ луны да изливается на

его урну. Чадолюбивые родители да питаютъ подлѣ него удовольствіе, приносимое имъ просвѣщеніемъ дѣтей ихъ, возращенныхъ и воспитанныхъ тѣмъ, коего прахъ онъ сохраняетъ. Юноши и старцы, облагодѣтельствованные имъ, да приходятъ сюда украшать гробъ его цвѣтами и да возвращаются въ домы свои съ новою и теплѣйшею къ добродѣтели любовію. Да вечерняя звѣзда освѣщаетъ иныхъ путь обратный, или восходящая заря утра застигаетъ другихъ въ сихъ священныхъ упражненіяхъ, и тихій вѣтерокъ сдуваетъ съ ланитъ ихъ слезы на хладный камень.

Коль мрачно жилище смерти! глубокая тишина; подобная вѣчному сну, царствуетъ въ огражденіи усопшихъ. Ночь, распростирая широкія крылья свои, осѣняетъ мраками темнолазуревый сводъ неба, и разстилаетъ тѣни по лицу земли. Слабые лучи звѣздъ, проницая сквозь густыя вѣтьви дремлющихъ кипарисовъ, играютъ между гробами. Ничто не прерываетъ общаго молчанія. Ужасъ объемлетъ мысли и устрашенное воображеніе повсюду встрѣчаетъ тѣмы смертей, торжествующихъ надъ безгласными

плѣнниками своими, повержеными въ крѣпкіе никогда неразрушаемые узы. Какое ужасное зрѣлище для человѣка, упоающаго въ порокахъ и сладостяхъ роскоши! онъ единаго взора, обращеннаго на оное, кровь стынетъ въ жилахъ его, и сердце хладомъ страха объятое ледѣнеетъ! се десницею тяжкія болѣзни онъ долговременнаго и прелестнаго сна своего возбужденный, внезапу привлекается онъ ко врапамъ сего вѣчнаго жилища: окостѣнелые глаза его и отверстыя уста являютъ, коль люпое въ душѣ его свирѣпствуетъ отчаяніе! но кого вѣра спасительною рукою ведетъ по пути добродѣтели, кого чистотою совѣсти своей веселящагося препровождаетъ она отъ колыбели ко гробу, тотъ не чувствуетъ сихъ ужасовъ. Спокойствіе преклоняетъ его къ мирнымъ размышленіямъ, производящимъ въ душѣ его благоговѣніе и любовь къ Творцу природы. Тогда мрачные и трепетъ вселяющіе виды въ свѣтлое торжество премѣняются. Смерть сама не въ образѣ поглащающаго на вѣки чудовища, но въ лицѣ кротkаго ангела, шествующаго возвѣстить о будущемъ блаженствѣ, вселяетъ довѣріе въ душу непорочна-

го, воспламеняетъ мысли его радостнымъ упованіемъ, и преждевременно показуетъ ему Святая святыхъ. Гробы разверзаются и въ тлѣніи не ничтожество уже смертнаго, но прозябеніе будущаго величія его открываютъ. Безсмертіе и вѣчность объемлютъ разумъ праведника. Сквозь мраки заблужденія, земное поприще его облежащіе, просіяваетъ ему безконечное блаженство: такъ является взору нашему луна, когда густоту окружающихъ ее облаковъ прогнавши, изъ-за тонкаго облака свѣтитъ. Но всюду возвѣщается присудствіе Бога; душа наша въ священномъ собесѣдованіи съ Нимъ вкушаетъ непостижимую радость. Глаголы умершихъ, въ нѣкакихъ таинственныхъ пророченіяхъ о грядущемъ назначеніи человѣка, исходятъ изъ земли. Внимая имъ освобождаемся мы отъ узъ страстей, свергаемъ съ себя иго плоти, и возносимся превыше всего земнаго. Оттолѣ устремляя духовное наше око на мірскія блага, не прельщаемся уже ни великолѣпіемъ царей, ни пышностію сильныхъ и богатыхъ. Все сіе кажется намъ ничтожествомъ, или не тѣмъ, чего безсмертная жаждетъ душа. Мы проливаемъ слезы

сожалѣнія о слѣпотѣ и заблужденіи людей, когда видимъ, что они ко вреду своему и погибели мгновенно исчезающій блескъ щастія предпочитаютъ не помрачающемуся никогда благихъ дѣлъ сіянію. Напротивъ того въ веселіи духа взираемъ на благотворителя роду человѣческому. Каждое дѣяніе его приноситъ отраду нещастнымъ; каждой шагъ его сопровождается ихъ благословеніями. Другъ смертныхъ не имѣетъ нужды въ высокомъ санѣ: доброта природы превосходнѣе въ немъ даровъ щастія; онъ во всякомъ званіи знаменитъ; во всякомъ состояніи славенъ: ибо такова есть власть добродѣтели. Возведетъ ли его судьба на высочайшую степень почестей, украсивъ чело его царскимъ вѣнцемъ, онъ становится веселіемъ и отрадою земнородныхъ. Приближитъ ли ко престолу Монарха, онъ дѣлается защитникомъ невинныхъ и утѣсненныхъ. Надѣлитъ ли его богатствами, онъ мѣсто отца у сиротъ заступаетъ. Одаритъ ли его талантами, онъ благотворитъ смертнымъ, показуя имъ въ просвѣщеніи точный путь къ благополучію. Наконецъ хотя бы онъ простой земледѣлатель, или пастухъ былъ,

то и тогда честность его, трудолюбіе, вѣрность и услуги каждому, поставятъ его предъ престоломъ Вышняго на ровнѣ съ благодѣтельными владыками. Онъ получитъ право на благодарность и пріобрѣтетъ почтеніе отъ ближнихъ; достоинъ будетъ, чтобы искусная рука соревнителя Фидіева вмѣстѣ съ Вѣнценосцами изваяла образъ его, даже и во мраморѣ дышущій добродушіемъ; или бы кисть Апеллесова посвятила себя на то, дабы представить его въ видѣ божества благотворительнаго. Добродѣтель всего почтеннѣе, всего превыше. Никакая слава безъ ней не есть истинная слава. Правила ея всегда одинаковы, непремѣнны: страхъ Божій и любовь къ ближнему составляютъ главное существо ея. Она ко всѣмъ любящимъ ее преклонна, благодѣтельна, попечительна о ихъ спокойствіи, щастіи, безмятежности; къ нелюбящимъ же сострадательна, и во всякое время, подобно солнцу, готова озарять ихъ теплотворными лучами своими, какъ скоро они не заграждаютъ себя отъ нихъ облакомъ страстей своихъ и развратовъ. Нещастенъ тотъ, кого лучь ея не согрѣваетъ. Вѣчный мракъ царствуетъ

въ той пещерѣ, куда солнечный лучь не доспигаетъ, и змѣи избираютъ ее въ жилище себѣ: такъ царствуетъ непресѣтанная буря и темнота въ сердцѣ того, кто уклоняется добродѣтели; одни пороки когда въ немъ гнѣздятся. Хотя бы судьба учинила его обладателемъ пространныхъ владѣній, но доставитъ ли онѣ ему то благополучіе, коего не обрѣтаетъ въ себѣ самомъ? Тщетно буйные отвергая наставленія мудрыхъ, посмѣяваются надъ ихъ ученіемъ, и самое любомудріе суетнымъ познаніемъ именуютъ. Раболѣпствуя своему кумиру щастія, они распалѣваются въ нравахъ и на лонѣ самой роскоши, какъ послѣднія отъ человѣковъ, воздыхаютъ. Чѣмъ празднества свѣтозарнѣе, тѣмъ мрачнѣе ихъ душа, всуе ищущая упѣшенія въ мірскихъ забавахъ. Пресыщенная наслажденіями, погрязшая въ нечестіи, она не обрѣтая въ себѣ болѣе знаменія Творца своего, изрыгаетъ на Него хулу и бѣснуяся тщится потушить послѣднюю искру своея божественности, дабы въ семъ окаменѣніи не чувствовать ни угрызеній совѣсти, ни тайныхъ вѣщаній о будущемъ. Горе тому, чей духъ во узахъ плоти страждетъ. Доко-

лѣ называютъ его властелиномъ несмѣтныхъ сокровищей, лесть усыпаетъ цвѣтами путь его: но едва колесо щастія низвратится, тогда всѣ отъ сего падшаго отступаютъ и предаютъ его собственному отчаянію. Имя его погибнетъ съ шумомъ, и развѣ останется только для однихъ проклятій.

Смертные! приходите въ сіи ограженія, гдѣ смерть владычествуетъ; приходите сюда, познавать самихъ себя и цѣль бытія вашего. Не ужасайтеся унылой оныхъ мрачности, приводящей въ трепетъ робкое ваше воображеніе. Чего страшиться чистую совѣсть имѣющему? Буде же грозный гласъ ея уличаетъ васъ въ преступленіи ея законовъ, то поспѣшите предстать предъ судилище нравственности и разума, поспѣшите предстать и выдти со славою побѣдителя. Такая побѣда надъ самимъ собою помрачаетъ всѣ побѣды завоевателей свѣта. Придите поучаться таинствамъ мудрости. Книги Философовъ скажутъ вамъ менѣе, нежели камни покрывающіе прахъ вашихъ предковъ. О! коль удобны они управлять движеніями сердца, не совсѣмъ раз-

вращеннаго. Какъ краснорѣчиво вѣщаютъ они нашимъ чувствамъ! и самый ожесточенный человѣкъ не можетъ взирать равнодушно на сіи печальные слѣды разрушенія плоти нашей. Невольный трепетъ объемлетъ его и смертный хладъ, разливаясь по жиламъ, потрясаетъ душу его всѣми ужасами порока. Мужъ праведный не имѣетъ причины сего спрашиваться; онъ охотно заблуждается между сими гробницами и сладкія мечты погружаютъ духъ его въ нѣкое восхитительное забвеніе. Наконецъ вышедъ изъ онаго предается онъ увлекающимъ мысли его размышленіямъ. Се, мнитъ онъ, пристанище твое, о смертный! куда ты входишь послѣ многихъ претерпѣнныхъ въ жизни сей кораблекрушеній. Здѣсь находишь ты предѣлъ твоимъ предпріятіямъ, непрестанно къ дѣятельности тебя побуждавшимъ; здѣсь гордыня твоя познала напослѣдокъ ничтожество своего величія; здѣсь погасъ пламень страстей твоихъ, коимъ возжигалъ ты свѣтильникъ вѣроисповѣданія на сожженіе твоихъ братій, или отдѣляя отъ него тлетворныя искры браней, для единаго адскаго любочестія, вос-

пламенялъ вселенную. Распространившійся всюду пожаръ, поядавшій веси и грады вмѣнялъ ты въ торжество. Опустошенія были твои трофеи; а стенанія ближнихъ, крики радости. Здѣсь все кончилось съ тобою, и глыба земли вмѣстила того, кому цѣлый шаръ земный казался быть тѣснымъ. Громы потрясаютъ сводъ небесный и бури ревутъ надъ землею, но уже не возмущаютъ глубокаго твоего покоя. Новыя вражды, воздвигнутыя тебѣ подобными мятежными умами, сокрушаютъ царства, но рука твоя, метавшая прежде молніи раздоровъ, лежитъ уже недвижима. На чемъ полагалъ ты основаніе славы своей, для коей упивался кровію человѣковъ? Куда дѣвалъ ты груды злата, коимъ принесъ въ жертву нещастныя семейства, покой, честь и совѣсть свою? Гдѣ оставилъ блестящіе чертоги, которые соорудилъ на костяхъ сиротъ и бѣдныхъ? Ужели ты мнилъ, что смерть никогда не коснется челу твоему? Уже ли въ буйномъ ослѣпленіи щастія ты полагалъ, что естьли гробъ есть край жизни нашей, то оный равно и бытія нашего есть предѣлъ? Тщетно уповалъ ты най-

ши убѣжище въ ничтожности: Тотъ, Кто изъ праха тебѣ быть повелѣлъ, воззоветъ тебя опъ смерти паки къ жизни: по и другое для всемощныя десницы едино. Къ чему сомнѣніе пивое? Къ чему мнимоглубокое, но въ самомъ дѣлѣ безразсудное возраженіе, что ты предбудущаго бывшія своего понимать не можешъ? Какъ! развѣ ты не существуешъ? Развѣ ты не рожденъ? Когда же рожденъ и существуешъ, то почему продолженіе бывшія пивого непониманіемъ онаго опвергаешь, когда еще больше непоняпнаго для тебя, рожденія своего опвергнуть не можешъ? Войди въ себя человѣкъ! Душа пвоя есть искра Божества. Нося въ бывіи своемъ печать Его всемогущества, не ужели чаешъ, что оно прекратится съ пвоимъ дыханіемъ? и если ли грубое тѣло распадаясь не испребляется, душѣ ли невещественной исчезнуть должно? Безсмѣнія въ суемудріи искалъ ты своего ушѣшенія, и вѣрилъ что если персть паки въ землю обращается, такъ и духъ нашъ возвратится стихіямъ заимствованныя отъ нихъ части свои. Почто сплетаешъ ты невѣроятныя басни? Почто

удаляясь отъ источника истинны, прибѣгаешъ къ нелѣпому лжемудрствованію? Обремененная злыми дѣлами совѣсть твоя, подобно беззаконному сыну, не дерзающему предстать предъ лице разгнѣваннаго отца, безумнымъ и не естественнымъ образомъ ищетъ исторгнуться изъ круга безпредѣльной, всеобъемлющей власти. Вселенная управляется верховнымъ разумомъ, коего искра образуетъ въ насъ то, что мы душею именуемъ, и сію-то божественную искру должны мы возвратить въ чистотѣ Тому, отъ Кого приняли ее. Такъ! душа моя безсмертна: самое торжество злодѣя убѣждаетъ меня въ событіи надеждъ, что настанетъ нѣкогда торжество праведника. Благость, даровавшая мнѣ жизнь, не прейдетъ съ прекращеніемъ оной на земномъ поприще; возобновляющаяся непрестанно природа свидѣтельствуетъ, что она сохранится и за предѣломъ гроба; а вѣра убѣждаетъ, что глаголы нечестивыхъ посрамятся и любящіе Бога возвеселятся о спасеніи своемъ.

Нѣжныя чувствованія наполняли душу мою; тихая горесть преклоняла меня къ задумчивости и слезы текли по лицу мое-

му; я наслаждался тогда всею роскошью сердца чувствительнаго и благодарнаго, которое при гробѣ любезнаго ему человѣка столь охотно предается мечтаніямъ. Воображенію моему всюду представлялись развалины; все рушилось во кругъ меня; звуки падающихъ царствъ и престоловъ раздавалися въ ушахъ моихъ, подобно глухимъ отзывамъ ревущаго вдали грома. Черноги, возникающіе на мѣстѣ упавшихъ хижинъ, и хижины, стоящія на развалинахъ чертоговъ, живо изображали непостоянность вещей человѣческихъ. Какъ вихри пролетѣли вѣки, увлекая съ собою владыкъ и рабовъ. Неизмѣримое пространство, раздѣлявшее ихъ во время жизни, уничтожилось подъ лезвіемъ косы смерти. Прошло презорство и киченіе кумира, уничиженіе и безгласіе жертвы; исчезли веселыя восклицанія однихъ, и глубокіе вздохи другихъ: владыки обнялись съ рабами, и познали другъ въ другѣ братій. Тако за предѣломъ гроба сравнялися между собою и сильные и немощные, и богатые и бѣдные; туда преселилися и добродѣтельные и порочные; но сколь различно было прехожденіе ихъ отъ земнаго въ небесное жилище!

Казалось мнѣ, я смотрѣлъ на послѣдній часъ жизни сластолюбиваго властелина, разспавающагося со всѣми благами свѣта, и чувствовалъ лютое его мученіе: угрызеніе совѣсти, сердце его какъ змій сосущее, написано было на страждущемъ его лицѣ. — Страхъ и отчаяніе терзали помящуюся душу сего нещастнаго. Взоры его погасали уже, но въ нихъ являлись еще укоризна и гнѣвъ: онъ устремлялъ ихъ на стоящихъ хладнокровно во кругъ одра его льстецовъ, и отверзая уста свои, слабымъ голосомъ силился произнесть: „скоро по разрушеніи мо„емъ вы увидите во мнѣ человѣка, а не „Бога; увидите мерзость своего ласкатель„ства и мое безуміе, что преклонялъ къ „нему слухъ мой.“ Тако умиралъ злочестивый. Я отвратилъ взоры мои отъ сего ужаснаго зрѣлища, и увидѣлъ лежащаго при послѣднемъ издыханіи бѣднаго, добродѣтельнаго старца, окруженнаго рыдающимъ семействомъ. Смерть приближалася къ нему: онъ, аки бы посѣщающему его вожделѣнному гостю, дружелюбно простиралъ къ ней руку свою. Луч чистѣйшія совѣсти блисталъ въ спокойствѣ его лица. Онъ оставлялъ сіе не-

полненное горестей земное пребываніе съ такою свѣтлою улыбкою, какъ бы провидѣлъ уже будущее свѣтозарное свое блаженство. Очи его закрылись, кровь охладѣла, уста не двигались, но и въ сей ужасной премѣнѣ образа человѣческаго, казалось, не смерть надъ нимъ, а онъ надъ смертію торжествуетъ. Тако умиралъ благочестивый. Но что же по смерти ихъ? Всѣ они шекли предъ судъ Вышняго, да каждый отвѣществуетъ по дѣламъ своимъ. О, коль ужасное и купно величественное зрѣлище открылось когда взорамъ моимъ! Правосудный Правитель созданныхъ Имъ безчисленныхъ міровъ, окруженный свѣтоносными ликами Силъ Небесныхъ, во всей боголѣпной славѣ Своей, сидѣлъ на Престолѣ. По едину страну Его въ стройномъ чинѣ предстояли друзья человѣчества, благотворители роду смертныхъ, спокойны, тихи, безбоязненны, ожидающи услышать сладостныя словеса Обладателя вѣчности. По другую страну Его, въ видѣ безобразнаго сонмища, съ потупленными взорами стояли рабы страстей, утѣснители невинности, гнусные мучители народовъ, наги, трепещущи, блѣдны. Вся природа въ глубокомъ

молчаніи внимала сему страшному суду. И се съ высоты престола слышится гласъ: „вы хранители общаго блага, живите вѣч„но со Мною, тамъ, гдѣ нѣтъ печали; вы „же, любители однихъ себя, низринитесь „отъ Меня, туда, гдѣ нѣтъ надежды.“ Едва сіи слова изъ устъ Превѣчнаго излетѣли, громъ грянулъ, свѣтила погасли, природа премѣнилась, смерть поглотившая всю тварь обратила на себя убійственную руку: сразила себя послѣднюю, и кости ея истлѣли на кострѣ зажженнаго свѣта. Ужасное видѣніе! еще я содрагаюсь, когда о тебѣ помышляю. О вы, смертные, забывающіе законы естества и человѣчества, трепещите! Мечтаніе сіе не прейдетъ мимо. Посредѣ всемѣстнаго опустошенія десница разгнѣваннаго Бога преклонитъ нѣкогда надменную выю порока, преклонитъ и пригвоздитъ долу. Добродѣтель единая съ новымъ блескомъ вознесетъ чело свое. Внемлите заблаговременно гласу Ея васъ предостерегающему. Се! съ возвышающею прелести ея дружелюбною улыбкою, подобною первому лучу весенняго солнца, краснорѣчивымъ молчаніемъ вѣщаетъ она къ вамъ: „смерт-

полненное горестей земное пребываніе съ тихою свѣтлою улыбкою, какъ бы провидѣлъ уже будущее свѣтозарное свое блаженство. Очи его закрылись, кровь охладѣла, уста не двигались, но и въ сей ужасной премѣнѣ образа человѣческаго, казалось, не смерть надъ нимъ, а онъ надъ смертію торжествуетъ. Тако умиралъ благочестивый. Но что же по смерти ихъ? Всѣ они шекли предъ судъ Вышняго, да каждый отвѣществуетъ по дѣламъ своимъ. О, коль ужасное и купно величественное зрѣлище открылось когда взорамъ моимъ! Правосудный Правитель созданныхъ Имъ безчисленныхъ міровъ, окруженный свѣтоносными ликами Силъ Небесныхъ, во всей боголѣпной славѣ Своей, сидѣлъ на Престолѣ. По едину страну Его въ стройномъ чинѣ предстояли друзья человѣчества, благотворители роду смертныхъ, спокойны, тихи, безбоязненны, ожидающи услышать сладостныя словеса Обладателя вѣчности. По другую страну Его, въ видѣ безобразнаго сонмища, съ попущенными взорами стояли рабы страстей, утѣснители невинности, гнусные мучители народовъ, наги, трепещущи, блѣдны. Вся природа въ глубокомъ

молчаніи внимала сему страшному суду. И се съ высоты престола слышится гласъ: „вы хранители общаго блага, живите вѣч„но со Мною, тамъ, гдѣ нѣтъ печали; вы „же, любители однихъ себя, низринитесь „отъ Меня, туда, гдѣ нѣтъ надежды.“ Едва сіи слова изъ устъ Превѣчнаго излетѣли, громъ грянулъ, свѣтила погасли, природа премѣнилась, смерть поглотившая всю тварь обратила на себя убійственную руку: сразила себя послѣднюю, и кости ея истлѣли на кострѣ зажженнаго свѣта. Ужасное видѣніе! еще я содрагаюсь, когда о тебѣ помышляю. О вы, смертные, забывающіе законы естества и человѣчества, трепещите! Мечтаніе сіе не прейдетъ мимо. Посредѣ всемѣстнаго опустошенія десница разгнѣваннаго Бога преклонитъ нѣкогда надменную выю порока, преклонитъ и пригвоздитъ долу. Добродѣтель единая съ новымъ блескомъ вознесетъ чело свое. Внемлите заблаговременно гласу Ея васъ предостерегающему. Се! съ возвышающею прелести ея дружелюбною улыбкою, подобною первому лучу весенняго солнца, краснорѣчивымъ молчаніемъ вѣщаетъ она къ вамъ: „смерт-

Вездѣ оставилъ намъ уроки:
Сколь слабъ и тщетенъ человѣкъ.

* * *

Ты вѣдалъ тайны всей природы,
Изгибы зналъ людскихъ сердецъ,
Твой духъ парилъ въ небесны своды,
И славился тобой Творецъ!

* * *

Скончавъ ты пѣснь кровавыхъ боевъ *),
Сей жизни скользкій путь воспѣлъ;
По тернамъ велъ своихъ Героевъ,
Чрезъ дебри къ мудрости привелъ.

* * *

Вводилъ ты ихъ во искушенье,
Чтобъ бренность вѣдали свою. —
Я Кадма зря въ его паденьѣ,
Себя въ немъ живо познаю.

* * *

На собственны надѣясь силы,
Онъ при соблазнахъ духомъ палъ;
Онъ палъ въ объятія Таксилы,
И всѣхъ страстей невольникъ сталъ.

* * *

Но ты къ раскаянью склонишься
Велишь Герою своему,

---

*) Россіада.

Велишь унизиться, смириться,
Къ Творцу всѣхъ силъ воззвать ему.

* * *

И — льется сила животворна
Съ небесъ на Кадмовъ томный гласъ,
Водѣ цѣлительной подобна,
Въ ней всѣхъ страстей огонь погасъ.

* * *

Твои творенья освѣщаетъ
Благій, животворящій лучь,
Онъ съ истинны покровъ снимаетъ,
Онъ далъ тебѣ къ познанью ключь.

* * *

Сей тайны ключь отверзъ конечно
Тебѣ по смерти къ Небу дверь;
Чего ты здѣсь искалъ сердечно,
Обрѣлъ то въ вѣчности теперь.

* * *

Ты чтилъ здѣсь правду, добродѣтель,
Ты блесковъ славы убѣгалъ;
Вся жизнь твоя тому свидѣтель:
Чему училъ, то исполнялъ.

* * *

Душа твоя коварствъ не знала,
Любила музъ и тишину,
Себя отъ шумовъ отдаляла,
Вела сама съ собой войну.

* * *

Впадалъ и ты во искушенье,
Какъ всякій въ мірѣ человѣкъ;
Но къ Богу въ слезномъ умиленье
Твой духъ съ раскаяніемъ текъ.

* * *

Твой вздохъ единъ, слеза едина,
Склоняли къ благости Творца.
Завидная твоя судьбина!
Щедротамъ Божьимъ нѣсть конца!

* * *

И самыя твои творенья,
Гдѣ яду капли не излилъ,
Тебѣ послужатъ въ очищенье;
Ты ими смертныхъ родъ училъ.

* * *

Вкушай Небесное блаженство,
Гдѣ свѣтится во свѣтѣ Свѣтъ,
Гдѣ радость, миръ и совершенство;
Ты кончилъ поприще суетъ!

Княжна Катерина Урусова.

СТИХИ
КЪ БЕСѢДѢ
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА *).

Среди Петрополя Афины
Возстали въ наши времена;
Раскинутся, какъ райски крины,
Наукъ готовы сѣмена.
Полночныхъ странъ жестоки хлады
Въ душахъ не потушаютъ жаръ:
Гдѣ солнце есть, тамъ безъ преграды
Растетъ высокій мудрыхъ даръ.
Но гдѣ же солнце теплотою,
Гдѣ, на какихъ брегахъ Скамандръ,
Предъ нашей хвалится Невою,
Коль наше солнце Александръ?
На Росскомъ днесь парнасѣ зрится
Отверзтый музамъ новый храмъ,
Предъ ними въ тишинѣ курится
Наукъ изящныхъ фиміамъ.
Тамъ жертву чисту совершаетъ
Мужей отличнѣйшихъ соборъ,
Свѣтильникъ разума сіяетъ,
Яснѣетъ тамъ душевный взоръ.

*) Сіи стихи присланы въ бесѣду отъ почтенной сочинительницы (почетнаго члена бесѣды) съ тѣмъ, чтобъ оные были напечатаны: почему во исполненіе воли ея оные здѣсь и помѣщаются.

Словесность Руская любезна
Средь ихъ бесѣды предсѣдитъ,
Чиста, пріятна и полезна,
Минуты сладкія даритъ.
Ліются токи Ипокрены,
Тамъ бьютъ ключи Кастальскихъ водъ.
Въ семъ храмѣ юноши и жены
Безсмертія вкушаютъ плодъ.
Не такъ, какъ гордые Масоны,
Что насъ нескромными зовутъ:
Бесѣды наши за препоны
Въ таинственныхъ работахъ чтутъ,
Полъ женскій слабымъ почитаютъ
Не только тѣломъ, но умомъ;
А здѣсь Пииты дозволяютъ
Намъ также дѣйствовать перомъ;
На тихія ума забавы
Они намъ право здѣсь даютъ,
И насъ съ собой къ жилищу славы
Стезей цвѣтущею ведутъ.
Красы языка исчисляя
Даруютъ мыслямъ новый свѣтъ,
Ошибки слога исправляя
Живятъ воображенья цвѣтъ.
О вы! наукой знамениты,
Вожди къ парнасскимъ высотамъ,
Почтенны Росскіе Пииты,
Давъ пищу новую сердцамъ,
Путь нашъ къ парнасу освѣщайте

Небеснымъ знанія огнемъ,
И силу духа подкрѣпляйте,
Да въ трудномъ поприщѣ своемъ
Изъ чувствъ своихъ вѣнцы сплетая
Души признательность явимъ,
И вамъ въ усердьи подражая
Дань слову Рускому дадимъ.

Анна Волкова.

СОНЪ

ОСАДА КРѢПОСТИ

(Подражаніе Италіянскому).

Какое чудное мечтанье!
Какой я видѣлъ странный сонъ!
Еще сердечно трепетанье
И страхъ во мнѣ оставилъ онъ.
Я зрѣлъ — о дивная премѣна!
Игра ума, когда мы спимъ!
Что будто ты, моя Милена,
Съ прелестнымъ личикомъ твоимъ,
Съ твоею нѣжной красотою,
Съ умильностью твоихъ очей,
Вдругъ стала каменной горою
Съ ужасной крѣпостью на ней!
Входъ замкнутъ мѣдными врапами,
Предъ коими подъемный мостъ.
Съ златымъ колчаномъ за плечами
Младые Лели, всѣ рость въ роспь,
Не смѣтныя составя силы,
Съ стрѣлами острыми въ рукахъ,
Легки, проворны, грозны, милы,
Стоятъ спѣсиво на часахъ.
Никто въ ворота не ворвется,
Ни лаской, ни грозою словъ:
Крылатый стражъ всему смѣется,
И всякаго убить гошовъ.

Какія силы одолѣютъ,
Во снѣ я разсуждалъ съ собой,
Какіе Рыцари посмѣютъ
Сразиться съ крѣпостью такой?
Какъ вдругъ пять воиновъ избранныхъ,
Отличныхъ блескомъ копія,
Отъ разныхъ странъ въ доспѣхахъ бранныхъ
На приступъ зрѣлъ идущихъ я.
Изъ нихъ шелъ первый чернобровой,
Румяныя имѣлъ уста,
Бѣлѣе кости былъ слоновой,
И назывался *Красота*.
Осанистъ, ловокъ, строенъ тѣломъ,
Какъ юная весна сіялъ,
Въ лицѣ онъ ласковомъ и смѣломъ
Съ пріятствомъ власть соединялъ.
За нимъ шло страшно ополченье,
Храбрѣйшихъ воиновъ соборъ:
Улыбка, сладость, угожденье,
Лесть, шутка, страстный взоръ.
На крѣпость съ жадностью смотрѣли,
Гордясь красивымъ шишакомъ,
И нетерпѣніемъ горѣли
Идти въ ворота на проломъ.
Вперый по немъ изъ краевъ дальныхъ,
По имени *Богатство* шелъ,
Онъ рать въ одеждахъ златотканныхъ,
Съ собой блистающую велъ.
У конныхъ збруи дорогія

Являли видъ и свѣтъ зари,
У пѣшихъ ружья золотыя
Съ алмазной пулею внутри.
Въ шатрахъ ихъ радости и смѣхи,
Пиры, скаканья, плески рукъ,
За ними въ слѣдъ текутъ утѣхи,
Влечетъ къ себѣ ихъ злата звукъ.
Идутъ, побѣду вѣрною считаютъ,
И въ гордомъ разумѣ своемъ,
Гремящаго въ себѣ мечтаютъ,
Низшедшаго златымъ дождемъ.
Съ надеждою на превосходство
Тамъ третій витязь выступалъ,
Онъ прозывался *Благородство*,
И взоръ спѣсиво вкругъ метналъ:
Горой недвижимой, прекрасной,
Приготовлялся овладѣть,
И лавръ побѣды громогласной
Мнилъ на чело свое надѣть.
Предъ онымъ зрѣлися несомы,
На мѣсто ружей и знамень,
Старинны грамоты, дипломы,
И родословіе именъ.
Тщеславіе повелѣвало
Сей ратію полубоговъ,
И часто женщинъ ослѣпляло
Скорѣе чемъ сама любовь.
Четвертой рыцарь былъ *Почтенье*:
Онъ тѣмъ доволенъ что служилъ,

И всякое въ любви мученье
Безъ ропота переносилъ.
Его всѣ войска кротки, скромны,
Безъ дерзости и безъ затей:
То были вздохи, взгляды томны,
Чюпь видные изъ-подъ бровей;
То были ласки торопливы,
Услужливость, тишайшій гласъ,
Желанья робки, боязливы,
Унылости въ пристойный часъ.
То были воли, но подвластны
Единымъ волямъ дорогой;
То были грусти, муки страстны,
Но скрыты лишь въ душѣ одной.
Съ великой ратью показался
Тамъ пятый витязь наконецъ,
Сей витязь *Дерзость* назывался,
И былъ удалый молодецъ:
Скоръ мыслью, быстръ глазами,
Препятствій не боялся онъ,
Летѣлъ со смѣлыми руками
Туда, гдѣ больше оборонъ.
Огнемъ и храбростью возженный
Всегда успѣшно воевалъ,
Отъ стѣнъ стократно отраженный
Къ стѣнамъ онъ снова приступалъ.
Всѣ пять подвижниковъ стремились
Внутрь крѣпости съ различныхъ странъ,
На гору какъ орлы взносились

И били громко въ барабанъ.
Но крѣпость гордо, безъ болѣзни,
Смотрѣла съ высоты на нихъ,
Она готовила имъ казни
Изъ рукъ защитниковъ своихъ,
То вѣдая, что храбры Лели
Ее усердно берегли,
Что мѣтко стрѣлы ихъ свистѣли,
И все, чему коснулись, жгли.
Взвилася пыль — Я ужаснулся,
Хотѣлъ на верхъ горы взглянуть;
Но тутъ, Милена, я проснулся,
Трепещущу имѣя грудь.

А. Шишковъ.

770989A

АИШЕ и АЛИ.

Свѣтлый мѣсяцъ осребряетъ
Мшистый Ялтинскій утесъ,
Мать дочерьми опираетъ
Ясны очи тутъ отъ слезъ,
Говоритъ: не плачь напрасно
Аише, любезна дочь:
Твой Али женихъ твой страстной
Быть сулился въ эту ночь.

* * *

Свѣтлый мѣсяцъ осребряетъ
Всѣ верхи окрестныхъ горъ,
На тропу межъ нихъ вперяетъ
Аише свой жадный взоръ.
Вдругъ кукушки голосъ томной
Три разъ въ лѣсѣ раздался:
У невѣсты нѣжной, скромной,
Хладъ по сердцу разлился.

* * *

„Что за горе предвѣщаетъ,
„О кукушка! мнѣ твой гласъ?
„Ахъ почто онъ возмущаетъ
„Ожиданья лестный часъ?
„Не къ добру моя родная!
„Съ нимъ случится что нибудь!

И поверглася стоная
Аише къ родной на грудь.

* *
*

Лучь удвоилъ мѣсяцъ ясной,
Ту тропинку освѣтилъ,
По которой, съ мыслью страстной,
Къ брачну дню Али спѣшилъ.
Аише тогда взглянула,
Съ нетерпѣньемъ къ той странѣ,
Вся отъ радости вздрогнула:
Скачетъ милой на конѣ.

* *
*

Чувства въ очи преселились
У Аиши нѣжной вдругъ,
Жадны взоры устремились
На тропу, гдѣ ѣдетъ другъ.
Не тряхнется, не дыхаетъ,
Въ конской топотъ слухъ вперя;
Матери рукой махаетъ
Ничего не говоря.

* *
*

Но откуду ни взялася
Тутъ каленая стрѣла,
Засвистѣла, поднялася,
Кровь невинну пролила.
Въ сердце пылкое пронзенный
Подъ конемъ Али лежитъ:

Лютой ревностью вспаленный,
Ахъ! сразилъ его Сашпъ.

* * *

Свѣтлый мѣсяцъ скрылся въ горы,
Тѣнь простерлась по волнамъ.
Аише стремится скорый
Шагъ удвоить по скаламъ.
Прибѣгаетъ — сердце страстно
Ищетъ съ жадностію Али.
О позорище ужасно!
Онъ поверженъ на земли.

* * *

Пылко сердце онѣмѣло,
Огнь любви въ очахъ потухъ,
Обагренно блѣдно тѣло
Испустило страстный духъ.
Къ трупу хладну устремила
Аише свой тусклый взглядъ:
Горесть слезы изсушила,
Сердце сжалъ печали ядъ.

* * *

Но остатки столь любезны,
Жалкимъ зрѣлищемъ своимъ
Скоро токъ открыли слезный,
И она поверглась къ нимъ.
Ей въ отчаяньѣ ласкала
Тщетная еще мечта:

Бѣдна, милому искала
Влить лобзаньемъ жизнь въ уста.

* * *

Вдругъ пучина взволновалась,
Въ темномъ лѣсѣ вѣтръ завылъ,
Къ верху пыль столномъ взвивалась,
Громъ верхи холмовъ разилъ.
Анше открыла вѣжды:
Зритъ стихій ужасный споръ.
Всей лишенная надежды,
Къ понту мещетъ мрачный взоръ.

* * *

Говоритъ: волнуйся море!
Усугубте вѣтры вой!
Въ васъ я бездны скрою горе,
Въ васъ окончу жребій мой:
И воздвигши къ небу руки,
Еле дышуща, блѣдна,
Всѣ скончала разомъ муки,
Въ бездну бросилась она.

Князь Д. Горчакэвъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАЩИМСЯ ВЪ СЕЙ КНИЖКѢ СОЧИНЕНІЯМЪ:

Стран.

Предувѣдомленіе . . . . . .

Рѣчь при открытіи бесѣды . . . . . 1.

Безсмертіе . . . . . 46.

Басни, I. Огородникъ и Философъ . . . . . 61.

——— II. Гуси . . . . . 53.

——— III. Оселъ и соловей . . . . . 56.

Размышленіе при гробѣ благодѣтеля . . . . . 67.

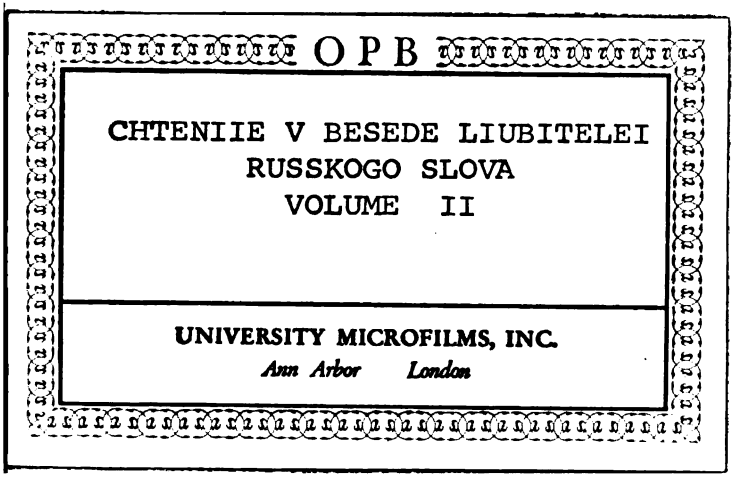
Къ Творцу Кадма . . . . . 78.

Стихи къ бесѣдѣ . . . . . 82.

Сонъ . . . . . 86.

Аише и Али . . . . . 90.

(Изъ *оныхъ читаны въ бесѣдѣ: рѣчь, безсмертіе, и три басни*).


OPB
CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME II
UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

HIS "O-P BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
RIGINAL EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
NIVERSITY MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1961

304C
Vol 2
Pts 1 & 2

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1811 ГОДА.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770990A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. *Санктпетербургъ* 1811 *года Маія* 7 *дня.*

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тиликовской.

THE NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

РАЗСУЖДЕНІЕ
О ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗІИ,
ИЛИ
ОБЪ ОДѢ.

Ода, слово Греческое, равно какъ и псальмъ, знаменуетъ на нашемъ языкѣ пѣснь. По нѣкоторымъ отличіямъ въ древности носила на себѣ имя Гимна, Пеана, Диѳирамба, Сколіи; а въ новѣйшихъ

Примѣчаніе. Хотя еще въ 1752 году покойный Профессоръ Тредьяковскій писалъ о семъ предметѣ; но весьма кратко, показавъ только слегка свойство, назначеніе и главныя черты оды; а о красотахъ ея, или о прямомъ достоинствѣ, а равно и о противномъ тому, не изъяснилъ въ подробности. Здѣсь сочинитель почерпнувъ изъ лучшихъ писателей и изъ собственныхъ своихъ долговременныхъ въ семъ родѣ поэзіи опытовъ, показываетъ всѣ принадлежности изящной лиры. — Но что бы представить съ одной стороны обиліе и силу, а съ другой гибкость и способность Россійскаго языка къ изо-

PERL. JAN 21 1935

временахъ иногда она тоже, что Кантата, Ораторія, Романсъ, Баллада, Стансъ и даже простая пѣсня. Составляется строфами, или куплетами, мѣрнымъ слогомъ, разнаго рода и числомъ стиховъ; но въ глубокомъ отдаленіи вѣковъ единообразныхъ въ ней строфъ не примѣчается. Въ древнѣйшія времена препровождаема была простою мелодіею; пѣвалась съ лирою, съ псалтирью, съ гуслями, съ арфою, съ цитрою, а въ новѣйшія и съ прочими инструментами, но болѣе кажется со струнными. — По

браженію ясно и сладкозвучно всѣхъ чувствъ сердца человѣческаго, привелъ въ примѣры нѣсколько въ переводахъ изъ древнихъ, а болѣе изъ подлинныхъ произведеній отечественныхъ Лириковъ, избѣгая при томъ елико возможно собственныхъ. — Въ необходимыхъ же только случаяхъ, когда не зналъ въ чужеземныхъ и не находилъ въ Русскихъ, или думалъ, что они вполнѣ не объясняютъ его мыслей, употребилъ свои. — Слово *одія* по Гречески пою, происходитъ отъ мѣста называемаго *одіон* гдѣ въ Аѳинахъ пѣвали рапсодіи или отрывки Гомеровой Иліяды и Одиссеи.

лирѣ, или по составу къ музыкѣ способному, называется ода лирическою поэзіею.

Лирическая поэзія показывается отъ самыхъ пеленъ міра. — Она есть самая древняя у всѣхъ народовъ; это отливъ разгоряченнаго духа; отголосокъ разпроганныхъ чувствъ; упоеніе, или изліяніе восторженнаго сердца. Человѣкъ изъ праха возникшій и восхищенный чудесами мірозданія, первый гласъ радости своей, удивленія и благодарности, долженъ былъ произнести лирическимъ воскликновеніемъ. Все его окружающее: солнце, луна, звѣзды, моря, горы, лѣса и рѣки напояли живымъ чувствомъ и изторгали его гласы. Вотъ истинный и начальный источникъ оды; а потому она не есть, какъ нѣкоторые думаютъ, одно подражаніе природѣ, но и вдохновеніе оной, чѣмъ и отличается отъ прочей поэзіи. — Она не наука; но огнь, жаръ, чувство.

Кто первый ввелъ ее въ употребленіе, опредѣлить трудно. Нѣкоторые по Священному Писанію присвояютъ то Іува-

лу сыну Ламехову, показателю гуслей и пѣвницы *). — Язычники Аполлону, научившему пастырей играть на свирѣли и сочинившему, послѣ пораженія Тифона, хоръ называемый Номосъ. — Иные же Меркурію, сдѣлавшему изъ черепахи лиру. — Новѣйшіе писатели полагаютъ корень вообще поэзіи въ совокупномъ сосгавѣ человѣка духовнаго и тѣлеснаго, снабженнаго творческою силою воображенія и гармоніи. Въ самомъ дѣлѣ человѣкъ, а особливо ума пылкаго, наполненный мыслями, будучи въ уединеніи и въ полной свободѣ, обыкновенно въ задумчивости своей предавшись мечтанію, говоритъ съ собою, насвистываетъ, или напѣваетъ что нибудь. Самые грубые народы, во всѣхъ временахъ и во всѣхъ странахъ свѣта, даже незнавшіе употребленія огня, въ Мексикѣ, въ Перу, въ Бразиліи, въ Канадѣ, въ Камчаткѣ, въ Якутскѣ и въ другихъ почти необитаемыхъ мѣстахъ, носили и носятъ на себѣ сіе отраженіе лучей Премудраго Создателя. Они самую дикость свою оста-

*) Въ книгѣ бытія глава 4 стихъ 21.

вили и начали собираться въ общества не чрезъ что другое, какъ чрезъ пѣніе и лиру, подъ которою разумѣю всякое музыкальное орудіе. Впрочемъ, какъ бы то нибыло, но поелику не знаемъ мы старѣе лирической поэзіи Еврейской, видимой нами въ Боговдохновенныхъ пѣсняхъ Пророковъ; то и должно отдать въ изобрѣтеніи оды преимущество сему народу, не токмо по древности его сочиненія; но и по высокому образу мыслей, каковыхъ въ самыхъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ языческихъ Лирикахъ не встрѣчаемъ. — Но положимъ, что всякаго другаго, низшаго рода пѣснопѣнія, могутъ источникомъ своимъ имѣть страсти, обстоятельства, природу; однако высокіе, священные псальмы *), ничто иное суть, какъ вдохновеніе Божіе.

Таковая первостепенная, священная ода есть самое выспреннее, пламенное твореніе. Она быстротою, блескомъ и силою своею, подобно молніи, объемля

*) Псальмъ происходитъ отъ глагола Греческаго ψάλλο бряцаю, слегка ударяю по струнамъ, по Еврейски Небель.

въ единый мигъ вселенную, образуетъ величіе Творца. — Когда сверкаетъ въ небесахъ, тогда же низвергается и въ преисподнюю; извивается, что бы скорѣе цѣли своей достигнуть; скрывается, что бы ярчѣе облистать; прерывается и умолкаетъ, дабы вновь незапно и съ вящшимъ явившись устремленіемъ, болѣе звукомъ и свѣтомъ своимъ удивить, ужаснуть, поразить земнородныхъ.— Вотъ примѣръ:

„Освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижеся
„и трепетна бысть земля.

Псаломъ 76 стихъ 19.

или:

„Тогда во всѣ предѣлы свѣта
„Какъ молнія достигнулъ слухъ,
„Что царствуетъ Елисавета,
„Петровъ въ себѣ имѣя духъ.

Ломоносовъ.

Гимнъ пареніемъ своимъ нѣсколько ниже оды. — Хотя и можнобы сей послѣдней предоставить въ отличительное свойство ужасъ и удивленіе могуществу, а первому благодарность и славословіе за благодѣяніе и покровитель-

ство; но по всегдашнему ихъ смѣшенію опредѣлить прямую черту между ими трудно. Гимнами Евреи въ разныхъ случаяхъ воспѣвали истиннаго Бога и чудеса Его; а язычники покланяемыхъ ими боговъ и человѣковъ, прославившихся знаменитыми подвигами.—Возносили ихъ при жизни, славословили и по смерти. — Гробы ихъ, когда умолкала зависть, дѣлались у язычниковъ олтарями, а пѣсни гимнами. — Сіе находимъ у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ. — Гимны содержали въ себѣ часть религіи и нравоученія. Они пѣвались при Богослуженіи, ими объясняемы были оракулы, возвѣщаемы законоположенія, преподаваемы до изобрѣтенія письменъ славныя дѣла потомству, и проч. —

Лира, или псалтирь, согласовались ихъ предметамъ. Пѣли Гимны при восхожденіи солнца, при наступленіи нощи, при новомѣсячіи и ущербѣ луны, при собираніи жатвы и винограда, при заключеніи мира и при наслажденіи всякаго рода благополучіемъ; а равно и при появленіи войны, мороваго повѣтрія и

какого либо инаго бѣдствія, не отъ одного, или нѣсколькихъ молебщиковъ, но отъ лица всего народа. — Чрезъ гимны возносились благодаренія, славословія, моленія и жалобы Божествамъ. Гласы ихъ, были гласы благоговѣнія, наставленія, торжественности, радости, великолѣпія; или вопли негодованія, сѣтованія, мщенія, унынія, плача и печали. Вотъ что были въ глубокой древности оды и гимны, и что въ храмахъ, на театрахъ, въ чертогахъ и на стогнахъ народныхъ ими воспѣвалось. Они были иногда подсказываемы Конархистомъ (Декламаторомъ), какъ у насъ стихиры, или провозглашаемы самимъ Поэтомъ при звукѣ струнномъ. Видно сіе изъ многихъ псальмовъ Давида:

„Исповѣдайтеся Господеви въ гуслехъ: въ „псалтири десятострунѣмъ пойте Ему.„

Псал. 32. *ст.* 2.

Изъ одъ Пиндара:

„Златая арфа Аполлона,
„Подруга чернокудрыхъ Музъ!
„Твоимъ въ молчаньи звукамъ внемлетъ
„Монархъ веселья — пляска, ликъ.

„Когда же хоромъ управляя,
„Даешь къ совосклицанью знакъ:
„Огнь быстрый, вѣчный, вседробящій —
„Ты можешь молньи потушить!„

Изъ пѣсни Игоря:

„Едва Баянъ вѣщіе персты на струны вкладаше,
„и абіе они сами славу Князей рокотаху.„

На конецъ при разпространившемся общежитіи, изъ собраній народныхъ перешло пѣснопѣніе и въ круги семействъ.— Тамъ воспѣвалось имъ все житейское: любовь, ненависть, дружба, вражда, всякая охота, сельскія упражненія, жизнь пастушья и тому подобное, изъ коихъ послѣдняя, по нѣкоторымъ писателямъ, беретъ у всѣхъ первенство. Сочинители ихъ и купно пѣвцы были у Египтянъ, Финикіянъ, Индѣйцовъ, Грековъ, Римлянъ, Аравитянъ и прочихъ народовъ, которые въ южной Европѣ назывались Бардами *), а на Сѣверѣ Скальдами. — Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и Друидовъ; но другіе называютъ ихъ только провѣщателями при жертвоприно-

*) Бардъ пѣвецъ, собственно Галламъ и Британамъ принадлежащій.

шепіяхъ *). — То же ли, по дару вдохновенія, были у Евреевъ Пророки, а у Славянороссовъ по глаголу баю, Баяны? оставляю на разсужденіе искуснѣйшихъ въ древности; но скажу только, что всѣ ихъ пѣсни по содержанію своему были почти у всѣхъ одинаковы; а по свойству (характеру) ихъ, или выраженіямъ чувствъ, совсѣмъ различны. — Климатъ, мѣстоположеніе, вѣра, обычай, степень просвѣщенія и даже темпераменты имѣли надъ всякимъ свое вліяніе. Но вообще примѣчается, что чѣмъ народъ былъ дичѣе, тѣмъ пламеннѣе было его воображеніе, отрывистѣе и короче слогъ, менѣе связи, разпространенія и послѣдствій въ идеяхъ; но болѣе живописной природы въ картинахъ и болѣе вдохновенія. Напротивъ того, у образованныхъ обществъ болѣе разнообразія, распространенія, пріятности, блеску въ мысляхъ и мягкости въ языкѣ. Израильскій Пророкъ проповѣдуя единство Божіе,

*) И не угрюмые Друиды
Дадутъ глухимъ вытьемъ отвѣтъ.

Ломон.

движетъ силою Его холмы, обращаетъ рѣки къ вершинамъ, касается горамъ и дымятся. — Греческій Бардъ, восхищенный славою своихъ витязей, гремитъ на Ипподромѣ съ бѣгомъ колесницъ, мчится съ преспѣяніемъ коней, увеличивая, или украшая о нихъ свои понятія блескомъ двусоставныхъ словъ, называя Юпитера Громовержцемъ, Нептуна Землепрепоясателемъ, Венеру голубоокою, Діяну быстроногою и проч. — Скальдъ Шкотовъ, видитъ на облакахъ летающія тѣни своихъ предковъ, мечи на ихъ бедрахъ изъ сѣвернаго сіянія, мрачную безмолвную природу и кровавыя брани. — Славянороссійскій Баянъ изображаетъ ратное воспитаніе и ревность свою къ службѣ Князя, что на концѣ копья онъ взлелѣянъ, доспѣхами повитъ и вычерпаетъ шлемомъ своимъ быстрыя рѣки. Словомъ: всякій древній народъ, а особливо сѣверные, воспѣвая свои подвиги и свои упражненія, изъяснялися, относительно чувствъ своихъ, въ ихъ гимнахъ и одахъ своимъ образомъ; ставили славу свою въ героиче-

скихъ своихъ пѣсняхъ, гордились ими и не имѣя ихъ, почитали себя нещастливыми.

Но ода, или гимнъ, изображаютъ только чувства сердца вразсужденіи какого либо предмета, а не дѣйствія его.— Гдѣ же останавляются на дѣйствіи, тутъ ужѣ сближаются къ Эпопеѣ. — Слогъ имѣютъ твердый, громкій, возвышенный, благородный, однако сходственный всегда съ предметомъ; въ противномъ случаѣ, теряютъ свою изящность.—Доказываетсл сіе одою на щастіе Жанъ-Баптиста Руссо, переведенною Г. Ломоносовымъ и Сумороковымъ.— Послѣдняго слогъ не соотвѣтствуетъ высокому содержанію подлинника. — И такъ гимнъ и ода заимствуютъ свое нарѣчіе, свои краски, свою силу отъ воспѣваемаго ими предмета; но никогда площадныхъ, или простонародныхъ словъ себѣ не дозволяютъ, развѣ въ такомъ родѣ будутъ писаны; но здѣсь таковыя не имѣютъ мѣста.—Впрочемъ качество, или достоинство высокихъ одъ и гимновъ составляютъ: вдохновеніе, смѣ-

лый приступъ, высокость, безпорядокъ, единство, разнообразіе, краткость, правдоподобіе, новость чувствъ и выраженій, олицетвореніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія или уклоненія, перескоки, обороты, околичности, сомнѣнія и вопрошенія, противоположности, заимословія, иносказанія, сравненія и уподобленія, усугубленія или усилія и прочія витійственныя украшенія; не рѣдко нравоученіе, но всегда сладкогласіе и вкусъ.

Хотя изъ вышепомянутыхъ украшеній многія въ особенности принадлежатъ Риторикѣ и объяснены тамъ подъ именами разныхъ троповъ и фигуръ; но покажемъ, что такое они у Лирика и какъ онъ ихъ употребляетъ:

Вдохновеніе: ничто иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ Неба, лучь Божества. Поэтъ въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгараяся свышнимъ онымъ пламенемъ, или простѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что ему велитъ его сердце. — Не разгорячась и

не чувствуя себя восхищеннымъ и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе раждается прикосновеніемъ случая къ страсти Поэта, какъ искра въ пеплѣ оживляяся дуновеніемъ вѣтра, воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддерживается окружными видами, согласными съ страстію, которая его трогаетъ и обнаруживается спечатлѣніемъ, или изліяніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспѣваются. — Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ и въ высокомъ пареніи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій. Отъ того-то въ превосходныхъ Лирикахъ всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство, всякое чувство выраженіе, то высокое, то пламенное, то сильное, или особую краску и пріятность въ себѣ имѣющее. Но вдохновеніе можетъ быть не всегда высокое, а чаще между порывнымъ и громкимъ посредственное, заемлемое отъ воспѣвае-

маго предмета, обстоятельствъ или собственнаго состава и расположенія Поэта; а потому и можетъ быть у всякаго свое и по временамъ отличное вдохновеніе по настроенію лиры, или по наитію Генія.—Изчислять всѣ его виды, было бы весьма пространно.—Но вотъ нѣкоторые примѣры:

Грознаго:

„Намъ въ ономъ ужасѣ казалось,
„Что море въ ярости своей
„Съ предѣлами Небесъ сражалось,
„Земля стенала отъ зыбей;
„Что вихри въ вихри ударялись,
„И тучи съ тучами спирались,
„И устремлялся громъ на громъ;
„И что надуты водъ громады
„Текли покрыть пространны грады,
„Сравнять хребты горъ съ влажнымъ дномъ.

Ломон.

Гнѣвнаго:

„О ты, что въ горести напрасно
„На Бога ропщешь человѣкъ!
„Внимай, коль въ ревности ужасно
„Онъ къ Іову изъ тучи рекъ!
„Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистал

„И гласомъ громы прерывая,
„Словами небо колебалъ,
„И такъ его на распрю звалъ. —
„Гдѣ былъ ты, какъ передо мною
„Безчисленны тьмы новыхъ звѣздъ
„Моей возженныхъ вдругъ рукою
„Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ,
„Мое величество вѣщали? — и проч.“

Ломон.

или:

„Претящимъ окомъ Вседержитель
„Воззрѣвъ на полкъ вечерній рекъ:
„О дерзкій мира нарушитель,
„Ты мечь противъ Меня извлекъ!
„Я правлю, солнце, землю, море,
„Кто можетъ спорить со Мною въ спорѣ?“

Ломон.

Торжественнаго:

„Уже со многими народы
„Гласитъ эѳиръ, земля и воды,
„И камни вопіютъ теперь!
„Къ намъ щедро Небо преклонилось,
„И щастье наше обновилось:
„На тронъ взошла Петрова Дщерь.“

Ломон.

или:

„Тогда отъ радостной Полтавы
„Побѣды Росской звукъ гремѣлъ;

„Тогда не могъ Петровой славы
„Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
„Тогда Вандалы побѣжденны,
„Главы имѣли преклоненны,
„Еще при пеленахъ Твоихъ;
„Тогда предъявлено судьбою,
„Что съ трепетомъ передъ Тобою
„Падутъ полки потомковъ ихъ.“

Ломон.

Радостнаго:

„Коликой славой днесь блистаетъ
„Сей градъ въ прибытіи Твоемъ!
„Онъ всѣхъ веселій не вмѣщаетъ
„Въ пространномъ зданіи своемъ;
„Но воздухъ наполняетъ плескомъ,
„И нощи тьму отъемлетъ блескомъ. —
„Ахъ еслибъ нынѣ Россовъ всѣхъ
„Къ Тебѣ горяща мысль открылась;
„Тобъ мрачна ночь отъ сихъ упѣхъ
„На вѣчный день перемѣнилась!“

Ломон.

или:

„Геройскихъ подвиговъ хранитель
„И проповѣдатель Парнассъ,
„Временъ и рока побѣдитель,
„Возвыси нынѣ свѣтлый гласъ;
„Приближи къ небесамъ вершины,
„И для похвалъ Екатерины,

„Какъ наша радость, разцвѣтай,
„Шуми ручьями съ гласомъ лиры,
„Бореи преврати въ Зефиры,
„Представь зимой въ полнощи рай.“

Ломон.

Спокойнаго:

„Царей и Царствъ земныхъ отрада
„Возлюбленная тишина,
„Блаженство селъ, градовъ ограда,
„Коль ты полезна и красна!
„Вокругъ тебя цвѣты процвѣютъ
„И класы на поляхъ желтѣютъ;
„Сокровищъ полны корабли
„Дерзаютъ въ море за тобою;
„Ты сыплешь щедрою рукою
„Свое богатство по земли.“ и проч.

Ломон.

или:

„Въ долинѣ онъ стоитъ обширной,
„Гдѣ вѣчная цвѣтетъ весна;
„Стада гуляютъ въ пастбѣ жирной,
„Всегдашня тамо тишина:
„Ни слезъ, ни стона тамъ не знаютъ,
„Другъ друга жители лобзаютъ;
„Щитъ Марсовъ, шлемъ и копіе
„Лежатъ увитые цвѣтами;
„Возлегши миръ на нихъ локтями,
„Стрежетъ оружіе сіе.“

Херасковъ.

или:

„Сонъ сладостный не презираетъ
„Ни хижинъ бѣдныхъ поселянъ,
„Ниже дубравъ не убѣгаетъ,
„Ни низменныхъ, ни тихихъ странъ,
„На конхъ по колосьямъ нивы
„Подъ тѣнью облаковъ игривый
„Перебирается Зефиръ,
„Гдѣ царствуетъ покой и миръ.“

Изъ *Горація.*

Тихаго:

„Россійско солнце на восходѣ
„Въ сей обще вожделѣнный день,
„Прогнало въ ревностномъ народѣ
„И ночи и печали тѣнь.
„Воспомянувъ часы веселы,
„Красуйтесь щастливы предѣлы,
„Въ сердцахъ усугубляйте жаръ.“

Ломон.

или:

„Владѣешь нами двадцать лѣтъ,
„Иль лучше льешь на насъ щедроты,
„Монархиня, коль благъ совѣтъ
„Для Россовъ вышнія доброты!“

Ломон.

или:

„Такъ вскликнувъ я повергся долу:
„Заглохнулъ стонъ болотна дна,

„Замолкло лѣса бушеванье,
„Затихла тише тишина. —
„Лежалъ простертымъ, чуть дыхая,
„Въ цвѣтахъ на берегу ручья,
„Надъ коимъ мѣсяцъ серпозлатый
„Блистналъ, блѣдиѣлъ, темнѣлъ, — изчезъ.“

Изъ Коцебартена.

Страстнаго:

„Увижуль съ нимъ тебя, — и въ мигъ
„Трепещетъ сердце, грудь тѣснится,
„Немѣетъ рѣчь въ устахъ моихъ
„И молнія по мнѣ стремится;
„По слуху шумъ, по взорамъ мракъ,
„По жиламъ хладъ я ощущаю;
„Дрожу, блѣднѣю; — и какъ злакъ
„Упадши, вяну — умираю.“

Изъ Сафы.

или:

„Жизнь во мнѣ тобой хранится,
„Казнь и благо дней моихъ;
„Духъ хотъ съ тѣломъ разлучится,
„Буду живъ безъ связи ихъ. —
„Тѣнь моя всегда съ тобою
„Неразлучно будетъ жить,
„Окружать тебя собою,
„Взглядъ твой, вздохъ и мысль ловить.“

Нелединскій.

или:

„Небеса, Цари, вселенна,
„Все мнѣ милая моя. —
„Лишь взглянула — я любовникъ;
„Пожелала — я Поэтъ.“

Князь Горчаковъ.

Нѣжнаго:

„Какъ мать стенаньемъ и слезами
„Крушится о сынѣ своемъ,
„Что онъ противными вѣтрами
„Отгнанъ живетъ въ краю чужемъ. —
„Она минуты всѣ считаетъ,
„На брегъ по всякой часъ взираетъ,
„И проситъ щедры небеса.“

Ломон.

или:

„Не видя пламенной Беллоны,
„Въ Едемскихъ жили бы садахъ,
„Имѣли бы свои законы
„Написанны въ твоихъ очахъ.“

Херас.

или:

„Въ бесѣдѣ ли съ тобой бываю,
„Тебя одну въ ней вижу я,
„Шаги твои всѣ замѣчаю;
„Гдѣ взоръ твой, тамъ душа моя;
„И съ кѣмъ ни молвилабъ ты слово
„Читая въ милыхъ мнѣ очахъ,

„Тебѣ отвѣтствовать готово
„Мое все сердце на устахъ.“

Неледъ.

или:

„Всякъ въ своихъ желаньяхъ воленъ:
„Лавры! васъ я не ищу;
„Я и мирточкой доволенъ,
„Коль опъ милой получу.“

Дмитріевъ.

Пріятнаго:

„Млекомъ и медомъ напоенны,
„Тучнѣютъ влажны берега,
„И яснымъ солнцемъ освѣщенны
„Смѣются злачные луга.“

Ломон.

или:

„Тамъ миръ въ поляхъ и надъ водами,
„Тамъ вихрей нѣтъ, ни шумныхъ бурь;
„Межъ бисерными облаками
„Сіяетъ злато и лазурь.“

Ломон.

или:

„Я слышу Нимфъ поющихъ гласы,
„Носящихъ сладкіе плоды;
„Тамъ въ гумнахъ чистятъ тучны класы:
„Шумятъ огромныя скирды;
„Среди охотничей тревоги
„Лѣсами раздаются роги,

„Въ покоѣ представляя брань. —
„Сіе Богинѣ несравненной
„Въ избытокъ принесутъ осенной
„Земля, вода, лѣсъ, воздухъ въ дань.“

Ломон.

или:

„Какіе радостные плески,
„Огней торжественные блески,
„Куренія отъ олтарей? —
„Мольбы! — Се лира для Царей!“

Хераск.

Умилительнаго:

„Ты судъ и милость сопрягаешь,
„Повинныхъ съ кротостью казнишь,
„Безъ гнѣва злобныхъ исправляешь,
„Ты осужденныхъ кровь щадишь.
„Такъ Нилъ смиренно протекаетъ:
„Береговъ своихъ онъ не терзаетъ,
„Но пользой выше прочихъ рѣкъ,
„Своею сладкою водою,
„Въ лугахъ зеленыхъ пролитою,
„Златой даетъ Египту вѣкъ.“

Ломон.

или:

„Иль мало смертны мы родились,
„И должны удвоять свой тлѣнъ?
„Ещель мы мало утомились
„Житейскихъ тягостью бремень?

„Воззри на плачь осиротѣвшихъ,
„Воззри на слезы престарѣвшихъ,
„Воззри на кровь рабовъ Твоихъ.
„Къ тебѣ любовь и радость свѣта,
„Въ сей день зоветъ Елисавета:
„Низвергни брань съ концевъ земныхъ.“

Ломон.

или:

„А Ты, который обладаешь
„Единъ подсолнечною всей,
„На милость души преклоняешь
„Возлюбленныхъ Тобой Царей,
„Хранишь отъ злаго ихъ навѣта!
„Содѣлай, да владыки свѣта
„Внушатъ мою нелестну рѣчь;
„Да гласу правды кротко внемлютъ,
„И на злодѣевъ лишь подъемлютъ
„Тобою имъ врученный мечь!“

Калистъ.

Унылаго:

„Но ахъ, жестокая судьбина!
„Безсмертія достойный мужъ,
„Блаженства нашего причина,
„Къ несносной скорьби нашихъ душъ,
„Завистливымъ отторженъ рокомъ,
„Насъ въ плачѣ погрузилъ глубокомъ!
„Внушивъ рыданій нашихъ слухъ;
„Верьхи, Парнасски возстенали,

„И Музы воплемъ провождали
„Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ.“
Ломон.

и л и:

„Что такъ смущаешся, волнуешь,
„Безсмертная душа моя?
„Отколѣ пламенны желанья?
„Отколь тоска и грусть твоя?
„Се холмы синіе мерцаньемъ,
„Лугъ запахомъ спокойствіе льетъ;
„Но ахъ! ни что не утоляетъ
„Унынья томна твоего!“
Изъ Козег.

и л и:

„Лѣса влекущіе къ покою!
„Черногъ любви и тихихъ дней!
„Куда вы съ прежней красотою
„Сокрылись отъ моихъ очей?
„Васъ та же зелень украшаетъ;
„Но мнѣ того ужъ не являетъ,
„Чѣмъ духъ бывалъ прельщаемъ мой:
„Вездѣ меня тягчатъ печали;
„Вездѣ, гдѣ прежде возхищали
„Утѣхи, щастье и покой.“
Калн.

и л и:

„Безъ друга и безъ милой
„Брожу я по лугамъ;
„Брожу съ душей унылой
„Одинъ по берегамъ. —

„Тамъ тѣ же все встрѣчаю
„Кусточки и цвѣшки:
„Но ахъ! не облегчаю
„Ни чѣмъ моей тоски!“

Дмитр.

или:

„Гдѣ найду я выраженья?
„Все, что чувствую сказать,
„Не достанетъ воображенья
„Чувствъ души моей обнять. —
„Только два ихъ понимаю:
„Время на двое дѣлю,
„При тебѣ — все забываю,
„Или безъ тебя — терплю.“

Неледин.

Печальнаго:

„Безгласна видя на одрѣ
„Защитника, отца, героя,
„Рыдали Россы о. Петръ;
„Вездѣ наполненъ воздухъ воя,
„И сѣтовали всѣ мѣста:
„Земля казалася пуста:
„Взглянуть на Небо — не сіяетъ,
„Взглянуть на рѣки — не текутъ,
„И горъ высокость осѣдаетъ;
„Натуры всей пресѣкся трудъ.

Ломон.

или:

„Россы! се Елисавета,
„Се Она во гробѣ здѣсь,

„И лучей лишенна свѣта
„Предается плѣну днесь;
„Се конецъ Ея судьбинѣ;
„Плачте Россы, плачте нынѣ
„О Монархинѣ своей.

Сумороковъ.

и л и:

„Плачетъ, стонетъ, сердцемъ ноя,
„Ходитъ милаго во кругъ —
„Но увы! прелестна Хлоя! . . .
„Ужъ не встанетъ милый другъ.“

Дмитр.

Утѣшительнаго:

„Сіе, о смертный, разсуждая,
„Представь Зиждителеву власть,
„Святую волю почитая,
„Имѣй свою въ терпѣньи часть.
„Онъ все на пользу нашу строитъ,
„Казнитъ кого, или покоитъ.
„Въ надеждѣ тяготу сноси,
„И безъ роптанія проси.“

Ломон.

и л и:

„Теперь по всѣмъ градамъ Россійскимъ,
„По селамъ и степямъ Азійскимъ
„Единогласно говорятъ:
„Какъ Богъ продлитъ чрезъ вѣчно время
„Дражайшее Петрово племя:
„Щастлива жизнь и нашихъ чадъ:

„Не будетъ страшной ужъ премѣны,
„И отъ Россійскихъ храбрыхъ рукъ
„Разрушатся прошивныхъ стѣны
„И сильныхъ изнеможетъ лукъ.

Ломон.

и л и:

„Не озлобляйся ты злодѣевъ клеветою,
„Богъ зритъ дѣла твои и Самъ вездѣ съ тобою.“

Хераск.

и л и:

„Надежды должно ль намъ лишаться,
„Томить себя, стенать, терзаться,
„Когда проходитъ все какъ прахъ;
„Когда для насъ и горестъ люта
„И часъ и каждая минута
„Къ блаженству будущему шагъ.“

Кап.

и л и:

„Лиза! рай всѣхъ чувствій моихъ!
„Мы не знатны, ни велики;
„Но въ объятіяхъ твоихъ
„Меньшель щастливъ я владыки?

Дмитр.

Забавнаго:

„Зевесъ быкамъ далъ роги,
„Копыты лошадямъ,
„Проворны зайцамъ ноги,
„Зубасты зѣвы львамъ;

„Способность плавать рыбамъ,
„Паренiе орламъ,
„Безстрашный духъ мущинамъ:
„Но что жъ онъ далъ женамъ?
„Чѣмъ все то замѣнить?
„Красой ихъ надѣляетъ:
„Огонь и мечь и щитъ
„Красавица сражаетъ.“

Изъ Анакреона.

и л и:

„Други! время скоротечно
„И не видишь, какъ летитъ,
„Молодыми быть не вѣчно,
„Старость въ мигъ насъ посѣтитъ. —
„Что же дѣлать? — такъ и быть!
„Въ ожиданьи будемъ пить.“

Дмитр.

и л и:

„Ребята, намъ въ полѣ
„Отъ солнца сгорѣть,
„Дня жарка мнѣ болѣ
„Нѣтъ мочи терпѣть.
„Мы можемъ собраться
„Въ другой разъ сюда,
„Купаться, купаться
„Теперь череда.“

Шишковъ.

Шутливаго:

П . . . . . Европѣ ужъ извѣстно,
Что силъ Донскихъ ты страшный вождь.

Въ разплохъ, какъ бы колдунъ, всемѣстно
Ты съ тучь падешь, какъ снѣгъ, какъ дождь.
По черныхъ вороновъ полету,
По дыму, гулу, мхамъ, звѣздамъ,
По рыску волчью, видя мѣту,
Подходишь къ вражьимъ вдругъ носамъ,
И зря на тускъ, на блескъ червонца,
По солнцу, иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаулъ,
И тайный ставишь караулъ. —
Въ травѣ идешь — съ травою равенъ;
Въ лѣсу — и равенъ лѣсъ съ главой;
На конь вскокнешь — конь тихъ, не нравенъ,
Но вихремъ мчится подъ тобой. —
По камню ль черну змѣемъ чернымъ
Ползешь ты въ ночь, — и слѣду нѣтъ;
Орломъ ли въ мглѣ паришь сгущенной, —
Стрѣлу сѣчешь ей въ слѣдъ пущенной,
И брося петли во кругъ шей,
Фазановъ удишь, какъ Ершей.

Смѣлой приступъ, или громкое вступленіе, бываетъ отъ накопленія мыслей, которыя подобно водѣ, сперснившейся при плотинѣ, или скалѣ, вдругъ прорываясь сквозь оныя, съ шумомъ начинаетъ свое стремленіе. — Едвали можно воспарять выше таковаго начала! — Имѣющій вкусъ тотчасъ останóвится

тутъ, гдѣ примѣтишь себя упадающимъ. Но находятся однако оды, которыя начинаются тихо и отъ часу выше восходятъ своимъ пареніемъ. — Бываютъ и такія, которыя имѣютъ ровное и прямое направленіе; а другія мѣстами порывны и извивисты, каковы всѣ Г. Ломоносова, смотря по предметамъ, какіе они описываютъ. — Вотъ примѣры громкаго, тихаго и вдругъ возвышающагося вступленія.

Громкаго:

„Вонми, о небо! что реку,
„Земля! услышь мои глаголы:
„Какъ дождь на нивы потеку
„И какъ роса на злачны долы,
„Прольюсь и въ бездны преисподни
„Пѣть имя, чудеса Господни.“

Второзаконія глава 32.

или:

„Внемлите вси предѣлы свѣта,
„И вѣдайте, что можетъ Богъ!
„Воскресла намъ Елисавета:
„Ликуетъ Церковь и чертогъ.“

Ломон.

Тихаго:

„Заря багряною рукою
„Отъ утреннихъ спокойныхъ водъ

„Выводитъ съ солнцемъ за собою
„Твоей державы нывый годъ. —
„Благословенное начало
„Тебѣ Богиня возсіяло.
„И нашихъ искренность сердецъ
„Предъ трономъ Вышняго пылаетъ,
„Да щастіемъ твоимъ вѣнчаетъ
„Его средину и конецъ.“

Ломон.

Тихаго и вдругъ возвышающагося:

„Сквозь тучи вкругъ лежащи черны,
„Твой горній кроющи полетъ,
„Носящи страхъ намъ, скорби зельны,
„Ты грянулъ на конецъ! — и свѣтъ
„Отъ молніи твоей горящей,
„Сердца Альпійскихъ горъ потрясшей,
„Струей вселенну пролетѣлъ;
„Чрезъ неприступны переправы
„На высотѣ ты новой славы
„Явился, сѣверный Орелъ!“

Изъ оды на переходъ Альпійскихъ горъ.

Высокость, или выспренность Лирическая, есть ничто иное, какъ полетъ пылкаго, высокаго воображенія, которое возноситъ Поэта выше понятія обыкновенныхъ людей, и заставляетъ ихъ, сильными выраженіями своими по живо чувствовать, чего они не знали, и что

имъ прежде на мысль не приходило. Но высокость бываетъ двоякаго рода: одна *чувственная*, и состоитъ въ живомъ представленіи веществъ; другая *умственная*, и состоитъ въ показаніи дѣйствія высокаго духа. Первая принадлежитъ къ лирѣ, а другая къ драмѣ. По сему-то иногда живое чувственное не можетъ быть высокимъ умственнымъ; ни самое высокое умное не можетъ быть живымъ чувствомъ. — Словомъ, что живо, то не есть еще высоко; а что высоко, то не есть еще живо. И такъ по сему понятію, лирическое высокое заключается въ быстромъ парсніи мыслей, въ безпрерывномъ представленіи множества картинъ и чувствъ блестящихъ, громкимъ, высокопарнымъ, цвѣтущимъ слогомъ выраженное, который приводитъ въ восторгъ и удивленіе. — Высокое же драматическое, содержится въ тихомъ и спокойномъ дѣйствіи души великой, которая, бывъ выше другихъ, и въ слабостяхъ человѣка, твердостію и мужествомъ его, а не блескомъ однимъ воображенія и гро-

момъ словъ, показываетъ въ немъ высокое существо и заставляетъ разумъ почитать его, или благоговѣть предъ нимъ. Кратко, прямая высокость состоитъ въ силѣ духа, или въ истинѣ, обитающей въ Богѣ. — Одно справедливо изящное въ томъ и другомъ случаѣ есть только высоко. Въ одѣ, которая изображаетъ, какъ пѣснь лирическая, превосходныя чувства, и тутъ же, какъ эпопея, или драма, описываетъ дѣйствіе великодушія, могутъ быть помѣщаемы и та и другая высокость; но только Поэтомъ вкусъ имѣющимъ, что бы не распространить дѣйствія и тѣмъ не охладить чувствъ. — Вотъ примѣры и той и другой высокости и вообще ихъ обѣихъ.

Чувственной:

„Отверзлась дверь, не видѣнъ край,
„Въ пространствѣ заблуждаетъ око.“

Ломон.

или:

„Лице любови коль прекрасно,
„Въ ночи горятъ коль звѣзды ясно
„И проницаютъ тихій понтъ;

„Подобно сей Царицы взгляды
„Сквозь души и сердца идутъ.

Ломон.

или:

„Люди съ солнцемъ — людямъ ясно,
„А со мною — все туманъ.“

Московскій журналъ.

Умственной:

„Онъ тигровъ челюсти терзаетъ,
„Волнамъ и вихрямъ запрещаетъ,
„Велитъ лунѣ и солнцу стать.

Ломон.

или:

„Взглянувъ въ Россію кроткимъ окомъ,
„И видя въ мракѣ ту глубокомъ,
„Со властью рекъ: да будетъ свѣтъ, —
„И бысть!.....“

Ломон.

или: (въ нѣжномъ слогѣ).

„О души моей веселье,
„Для кого мнѣ жизнь мила!
„Я послѣдне ожерелье
„За тебя бы отдала!“

Москов. журн.

Вообще чувственной и умственной:

„О вы, не дремляющія очи,
„Стрегущія небесный градъ!
„Вы бодрствуя во время ночи,
„Когда, покоясь, смертны спятъ,
„Взираете сквозь тѣнь густую
„На цѣлу широту земную. —
„Но чаю, что вы въ оный часъ,

„Впротивъ естественному чину,
„Петрову зрѣли Дщерь едину,
„Когда пошла избавить насъ.“

Ломон.

и л и:

„Умреть иль побѣдить здѣсь должно:
„Умремъ! — кликъ вторить по горамъ.“

Безпорядокъ Лирическій значитъ то, что восторженный разумъ не успѣваетъ чрезмѣрно быстротекущихъ мыслей расположить Логически. — По тому ода плана не терпитъ. — Но безпорядокъ сей есть высокой безпорядокъ, — или безпорядокъ правильный. Между періодовъ, или строфъ, находится тайная связь, какъ между видимыхъ, прерывистыхъ колѣнъ перуна неудобозримая нить горючей матеріи. Лирикъ въ пространномъ кругу своего свѣтлаго воображенія видитъ вдругъ тысячи мѣстъ, отъ которыхъ, чрезъ которыя и при которыхъ достичь ему предмета, имъ преслѣдуемаго; но ихъ нарочно пропускаетъ, или такъ сказать, совмѣщаетъ въ одну совокупность, чтобъ скорѣе до него долетѣть. — При всемъ томъ, естьли не предводитъ его разумъ, то хотя пре-

провождать долженъ. — Иначе, сей мнимой безпорядокъ, будетъ въ самомъ дѣлѣ безпорядокъ, горячка, бредъ. — Вотъ примѣръ лирическаго безпорядка, въ которомъ Поэтъ, какъ изступленный мечется отъ одной мысли къ другой, кажется безъ всякой связи, но сколько шутъ ума и сколько красотъ!

„Восторгъ внезапный умъ плѣнилъ,
„Ведетъ на верьхъ горы высокой,
„Гдѣ вѣтръ въ лѣсахъ шумѣть забылъ,
„Въ долинѣ тишина глубокой. —
„Внимая нѣчто ключь молчитъ,
„Который завсегда журчитъ,
„И съ шумомъ внизъ съ холмовъ стремится;
„Лавровы вьются тамъ вѣнцы,
„Тамъ слухъ спѣшитъ во всѣ концы;
„Далече дымъ въ поляхъ курится.“

Ломон.

Единство страсти, или одно главное чувство, въ лирической пѣсни, какъ въ эпопеи и драмѣ единство дѣйствія, господствовать долженствуетъ; ибо разсѣяніе за многими предметами отнимаетъ силу и быстроту у лиры. А для того посвятя ее радости, можно теряться въ восхищеніяхъ и даже дерзать

почти на сумазбродство; но отнюдь не переходить къ печали. — Начиная ненавистію, не надлежитъ оканчивать любовью. Иначе любовь не будетъ уже противницею ненависти, или останется тою же самою страстію, какою и была, но только подъ сокрытіемъ. — Сіе противострастіе видно въ нижеслѣдующей строфѣ:

„Такъ ты, такъ ты, таковъ-то любъ! —
„Но ахъ! средь самыхъ тѣхъ минутъ,
„Когда тебя я ненавижу,
„Когда тобой я грусть терплю,
„Съ тобой я твой порокъ люблю,
„Въ тебѣ еще все прелесть вижу.

Впрочемъ единствомъ называется и то, когда Поэтъ предмета своего ни на мигъ не упускаетъ изъ виду. — Примѣры сему: у Анакреона почти во всѣхъ одахъ; у Горація въ книгѣ 1, въ одѣ 10 къ *Меркурію*, и между моими многія, изъ коихъ та ода и *Гимнъ кротости* во II части на стран. 142 напечатанный, ниже сего помѣщается:

Къ Меркурію:

„Краснорѣчивый внукъ Атланта,
„Меркурій! — дикій нравъ смягчившій грубыхъ
смертныхъ

„И образъ давшій ихъ движенью тѣлъ красивый
„По правиламъ Палестры. —
„Тебя, Боговъ и Діл вѣстникъ,
„Пою, обрѣтшаго выпуклозвонку лиру,
„Въ уловкахъ хитраго, искуснаго все въ шутках
„Похитить, скрыть что хочешь. —
„Обманомъ нѣкогда изъ стада —
„Бывъ юнъ еще—воловъ ты свелъ у Аполлона,—
„И онъ, коль неотдашь, грозилъ; но стрѣлъ
въ мигъ въ тулѣ
„Не взвидѣвъ, — разсмѣялся.
„Ты щедраго въ пути Пріяма
„Былъ вождь, какъ онъ Пергамъ оставилъ и
сквозь стана
„Прошедъ враговъ Троянъ, избѣгнулъ лютыхъ
стражей
„Фесальскихъ и Атридовъ.
„Вчиняя души благочестны
„Въ селеньяхъ радости, и легкія ихъ стаи
„Гоняя золотымъ жезломъ, ты всѣмъ пріятенъ
„Богамъ небесъ и ада.“

Гимнъ кротости:

„Сіянье радужныхъ небесъ,
„Души чистѣйшее спокойство,
„Блескъ тихихъ водъ, Эдемъ очесъ,
„О кротость! Ангельское свойство!
„Отлivъ отъ Бога Самаго!
„Тебѣ, тобою восхищенный,

„Настроиваю вдохновенный
„Я струны сердца моего.
„Когда среди усердна жара
„Другихъ Піитовъ лирный звукъ
„Царя земнаго полушара
„Гремитъ, — и онъ изъ щедрыхъ рукъ
„Имъ сыплетъ бисеръ многоцѣнный—
„Его наградъ я не прошу;
„Но послѣ всѣхъ, лептъ чувствій бренный
„Тебѣ я, кротость! приношу.
„Тебѣ! и ты того достойна.
„Ты ожерелье красоты,
„Ты сану мудрости пристойна,
„Все лучшимъ сотворяешь ты;
„И добродѣтели святыя
„Усовершаются тобой,
„У зависти и стрѣлы злыя
„Отъемлетъ милый образъ твой.
„Подругаль гдѣ, ты дѣвъ прекрасныхъ? —
„Ихъ скромный взглядъ — магнитъ сердецъ.
„Наперсницаль въ любви женъ страстныхъ?
„Въ семействахъ щастья ты вѣнецъ.
„Идутъ ли за твоей рукою
„Въ совѣтахъ мужи и въ бояхъ? —
„Плѣняютъ и враговъ тобою
„Въ ихъ самыхъ страшныхъ должностяхъ.
„А естьли Царская порфира
„И скиптръ украсятся тобой,
„Монархъ тотъ благодѣтель міра.

„Не солнцуль равень онь красой?
„На высотѣ блистая трона,
„Онъ освѣщаетъ и живитъ;
„Въ предѣлахъ своего закона
„Течетъ и всѣмъ благотворитъ.
„Не совмѣщаяся съ звѣздами,
„Онъ саномъ выше всѣхъ своимъ;
„Но равными для всѣхъ лучами
„Онъ свѣтитъ праведнымъ и злымъ.
„Проходитъ взоръ его сквозь бездны —
„И чела узниковъ златитъ;
„Чертоги наполняя звѣздны,
„Сіяньемъ въ хижины летитъ.
„Куда свой путь ни обращаетъ,
„Въ село, въ обитель, или градъ:
„Народъ его волной вспѣнчаетъ,
„И дѣти на него такъ зрятъ,
„Какъ бы на Бога лучезарна.
„Преклонишись старцы на клюкахъ,
„Движеньемъ сердца благодарна
„Сверкаютъ радостью въ очахъ.
„Такъ кротость! такъ, ты привлекаешь
„Народныя къ себѣ сердца;
„Всѣхъ паче качествъ сосшавляешь
„Въ Царѣ отечества отца.
„Ты милосерда и снизходишь
„Въ людскія страсти, суеты;
„Надломленныя не преломишь
„Былинки, по неправдѣ, ты.

„Сквозь врать проходить сокровенныхъ
„Всеобщая къ тебѣ любовь,
„Въ странахъ ты слышишь отдаленныхъ
„Пролитую слезу и кровь;
„И какъ елень въ жаръ къ току водну
„Стремится жажду утоляшв,
„Такъ человѣчества ты къ стону
„Спѣшишь, чтобъ скорбь скорѣй унять.

„Ты не тщеславна, не спесива,
„Пріятельница тихихъ музъ;
„Привѣтлива и молчалива,
„Во всемъ умѣренность—твой вкусъ;
„Языкъ и взглядъ твой не обидѣлъ
„Ни гдѣ, ни какъ и никого;
„О естьлибы тебя не видѣлъ,
„Не написалъ бы я сего.“

Разнообразіе бываетъ проякое: одно въ картинахъ и чувствахъ, другое въ слогѣ и украшеніяхъ, третіе въ механизмѣ стиховъ, словоударенiи или рифмѣ.—Въ первомъ, Поэтъ имѣющій вкусъ, старается выставить разныя картины одну послѣ другой противоположныя, какъ то: ужасныя и пріятныя и проч. Во второмъ, согласуетъ слогъ свой съ описаніемъ предметовъ, или природы, понижая, или возвышая оный, громкими

или тихими выраженіями. — Въ третьемъ, перемѣняетъ стопосложеніе, мѣры и паденія, созвучно дѣйствію описываемому, медлѣннымъ или быстрымъ теченіемъ стиха. — Все сіе весьма поражаетъ и удивляетъ слушателей. — Но таковое разнообразіе должно всегда усиливать единство, дѣлать главный предметъ привлекательнѣйшимъ, богатѣйшимъ, блистательнѣйшимъ тѣмъ самымъ, когда разные лучи его, какъ отраженія солнечныя, видомъ или качествомъ своимъ подобные ему, отъ всѣхъ его окружающихъ картинъ, дѣйствій, звуковъ, побочныхъ чувствъ и извитій обращаются на лицо единства, и въ немъ одномъ сливаясь, распространяютъ, украшаютъ и усугубляютъ его великолѣпіе. Но тутъ надобно великое искусство, чтобъ всѣ сіи разнообразія постепенно сами по себѣ возвышались; картины становились блистательнѣе, чувства живѣе, звуки поразительнѣе, извитія перепутанностію своею болѣе любопытство возбуждали, и наконецъ всѣ бы они какою неожиданною нечa-

линостію, приводящею въ восторгъ и удивленіе, съ громомъ и блескомъ, или пріятнымъ чувствомъ вдругъ разрѣшались. — Надобно однако, чтобъ при всѣхъ тѣхъ разнообразіяхъ не было ничего натянутаго, темнаго, замѣшаннаго, непостепеннаго, излишняго, или — какъ Пиндаръ говоритъ — такой несоразмѣрной нагрузки, которая отягощаетъ воображеніе; но все бы было ясно, все дѣльно, все естественно и необходимо такъ, чтобы перешагнувъ рѣку, не говорить уже о переходѣ ручья. — Впрочемъ всякая другая неприличная разнообразность будетъ пестрый шутовской нарядъ, смѣхъ въ благоразумномъ читателѣ произвести могущій. — Образцы разнообразія относительно картинъ можно видѣть въ одахъ Пиндара и Горація. — Ломоносовъ имъ наполненъ. — Прочіе наши Поэты, а особливо Петровъ, показываютъ его довольно. Касательно же другихъ разнообразій, какъ то: возвышенія и пониженія слога, перемѣны звуковъ отъ стопосложенія; то незнающему чужеземныхъ языковъ, а особли-

во Греческаго и Латинскаго, ни изъяснить, ни понять того не можно; но чтобъ читающіе только по Руски, могли имѣть о нихъ нѣкоторое понятіе; смѣю предложить въ моихъ сочиненіяхъ оды; *къ любителъ художествъ, на взятіе Варшавы; Персея и Андромеду.* — Первыя въ I части, на страницахъ 147 и 281, а послѣдняя во II части, на страницѣ 275. — Наконецъ разнообразіе бываетъ и въ планѣ. Иные при самомъ началѣ объявляютъ цѣль свою, другіе скрываютъ ту до конца, третьи такъ утаеваютъ, что и угадать трудно. Примѣръ перваго: у Ломоносова въ одѣ 19, *на новый* 1764 *годъ*; второго: у меня въ I части, въ одѣ LVIII *Павлинѣ*; третьяго: у Горація во II книгѣ въ одѣ IV, въ *Калліопѣ*, которой переводъ здѣсь слѣдуетъ и о коей понынѣ толкователи не согласны, съ какимъ намѣреніемъ она писана. — Для показанія же разнообразія въ картинахъ, приведемъ въ примѣръ отрывки изъ *Пиндара*, *Ломоносова* и цѣлую небольшую мою оду *на шествіе Амфитриты.*

Изъ Горація

Къ Каллiопѣ.

„Сойди ко мнѣ съ небесъ Царица, Калiопа!
„И громкою трубой,—иль нѣжнымъ звономъ струнъ
„Опѣ циѳры Ѳеба, — иль когда предпочитаешь
„Ты голосъ свой всему,—воспой безсмертну пѣснь.
„Уже мнѣ слышится!—иль обаяся
„Прелестною мечтой, брожу въ густой чащѣ
„Священныхъ рощъ, и шумъ прохладнаго Зефира
„И тихій внемлю токъ журчащаго ручья?
„Такъ на горѣ, Велькурѣ, еще въ маденствѣ сущій,
„За рубежемъ родной Апуліи моей,
„Игрою упомленъ, въ снѣ сладкомъ осѣненный
„Таинственно вѣтьми я былъ отъ голубей.
„Всѣмъ населющимъ вершины Ахероній
„Навѣсисты скалы лѣсныхъ Банпискихъ дебрь
„И тучи пажити долинъ Низкоферейскихъ,
„Казалось жителямъ то нѣкимъ чудомъ, — что

„Не уязвляемый ни отъ медвѣдей лютыхъ,
„Ни черноядныхъ змѣй, подъ злачнымъ лавромъ я
„И миртовой въ тѣни почилъ священной рощи. —
„Не безъ покрова знать Боговъ былъ отрокъ
смѣлъ!

„Меня, любящаго струи и ваши пѣсни,
„Ни съ Филипинскихъ рать бѣжавшая полей,
„Ни древо Адское, ни волны Полинура
„Не погубили морь Сицильскихъ въ хлябяхъ ихъ.
„Я вашъ, Камены, вашъ. — На холмы ли Са-
бински,
„Въ прохладный ли Пренестъ, въ пологій ли
Тибуръ,
„Или въ приморскіе вхожу вертепы Байски,
„Ни гдѣ и ничего, бывъ съ вами, не страшусь.
„Доколѣ вы со мной, пловцемъ пущусь охотно
„Въ ряющійся Босфоръ, въ пески Ливійски пѣть;
„Британовъ къ странникамъ и Коноканъ свир-
рѣпыхъ,
„Піющихъ конску кровь, Донъ Скиѳскій посѣщу,
„Вы, подвигъ Цезаря великаго окончить,
„Какъ размышлятъ онъ въ пещерѣ Піеридъ,
„И воинство свое шлетъ въ браняхъ утомленно
„Во грады на покой, — прохладой щедрите.
„И днесь блаженные ему совѣты, кротки
„Вдохнувъ, ликуете. — Мы знаемъ, страшный
громъ
„Чей свергъ Титановъ полкъ; землей и моремъ
бурнымъ

„Кто правитъ царствами и смертныхъ и
Боговъ.
„Не малымъ ужасомъ Юпитера смутила
„Самонадѣйная та буйна, юна рать,
„Что силясь мышцами подъявъ брато-содружно
„Лѣсистый на Олимпъ вскатитъ вверьхъ Пеліонъ.
„Но что возмогъ Пиѳей? — Что Мимъ ужа-
сномочный?
„Что Ретъ и Энцеладъ, надмѣнно съ корней
рвавши
„И въ бѣшенствѣ своемъ бросавши дерева?
„Противъ эгида что гремящаго Паллады?
„И пламенный Вулканъ, Царица и небесъ
„Стояла, Хера *) гдѣ, и не слагающій
„Съ рамень своихъ стрѣлогремящій свѣтлый
тулъ,
„И моющій власы разсыпанны, златые,
„Струящися въ ключахъ Кастальскихъ чистыхъ
водь,
„И въ отчихъ родшися витающій дубравахъ
„Ликійскихъ, Патернскій и Дельѳскій Апполонъ?
„Лишенна падаетъ благоразумья сила
„Подъ бременемъ своимъ. — Благоразумьемъ мощь
„Соразмѣряему возводятъ Боги выше. —
„Но ненавистна имъ возставшая на нихъ.
„Свидѣтель словъ моихъ да будетъ Гигъ
сторукій
„И непорочныя Діяны Оріонъ,

*) Юнона.

„Помнившій на соблазнъ. — Онъ скоро укро-
щеннымъ
„Сталъ въ дерзости своей дѣвической стрѣлой.
„На собственныхъ своихъ низверженна чу-
довищъ
„Земля, стеня скорбитъ о чадахъ тѣхъ ея,
„Что сдхнуты молніей во мрачны бездны ада,
„И Этна брошенна на нихъ — еще горитъ.
„Нечестіе стрещи опредѣленна птица
„Рвать невоздержнаго не престаетъ до днесь
„Типія печени, и влюбчива связуетъ
„Пиритоя еще трехъ-сотны склепы узъ.“

Изъ Пиндара:

„Сидитъ на скипетрѣ Зевеса
„Орелъ, пернатыхъ царь, и внизъ
„Спустя высокопарны крылья,
„Во сладостномъ забвеньи спитъ.
„Пріятна мгла, смѣжая вѣжди,
„Главу его на перси гнетъ;
„Бряцаньемъ тихимъ утомленный
„Чуть зыблется хребетъ его. —

„Но тотъ, кого Зевесъ не любитъ,
„Дрожитъ отъ звонкихъ пѣсней музъ;
„Трепещетъ на землѣ и морѣ
„Вся груба, суща тварь отъ нихъ;
„Трепещетъ и Тифей стоглавый,
„Воитель бывый на Боговъ:
„Навержень страшною горою,
„Онъ въ мрачномъ шартарѣ лежитъ.

*

„Изъ челюстей своихъ извержетъ
„Потоками всежрущій огнь,
„Который днемъ сквозь тучи дыма
„Сверкаетъ искрами въ Аэръ:
„А ночью вихрями крутяся,
„Горящимъ, каменнымъ дождемъ
„Съ ужаснымъ грохотомъ и ревомъ
„Въ морскую глубину падетъ.“

Изъ Ломоносова:

„Тамъ тьмою острововъ посѣянъ,
„Рѣкѣ подобенъ Океанъ.
„Небесной синевой одѣянъ
„Павлина посрамляетъ вранъ.
„Тамъ тучи разныхъ птицъ летаютъ,
„Что пестротою превышаютъ
„Одежду нѣжныя весны;
„Питаясь въ рощахъ ароматныхъ
„И плавая въ струяхъ пріятныхъ,
„Не знаютъ строгія зимы.

„И се Минерва ударяетъ
„Въ верьхи Рифейски копіемъ:
„Сребро и злато истекаетъ
„Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
„Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
„Что Россамъ въ руки предается
„Драгой его металлъ изъ горъ,
„Который тамъ натура скрыла;
„Отъ блеску дневнаго свѣтила
„Онъ мрачный отвращаетъ взоръ.

Шествіе по Волхову Россійской Амфитриты:

„Что сіяетъ отъ заката
„Въ полнощь, полудневный свѣтъ?
„Средь багряна, стекляна злата
„Кто по Волхову плыветъ?
„Полкъ Тритоновъ трубитъ въ трубы;
„Рыбъ на днѣ сребрится бѣгъ,
„Пляшутъ холмы, скачутъ дубы,
„Съ плескомъ рукъ бѣжитъ въ слѣдъ брегъ,
„И шумятъ струи жемчужны!

„Посидонъ ли съ Амфитритой
„Озираетъ ходъ по рѣкъ,
„Чтобъ судами ставъ покрытой
„Онъ довольство всюду влекъ?
„Иль Прекраса перевозитъ
„Въ Выбудцкъ Игоря въ ладьѣ,
„Огнь къ себѣ любви въ немъ множитъ,
„Жметъ и сердце имъ свое?
„Красота съ геройствомъ дружны!

„Нѣтъ — не древнихъ дивъ картина
„Удивляетъ смертныхъ взглядъ;
„Шествуетъ Екатерина
„Со Георгомъ въ Петроградъ!
„Ладогана зрю сурова —
„Снѣго блещущи власы
„Онъ взбугря чела сѣдова,

„Изъ-подъ длани на красы
„Взоръ стремитъ звѣзды полночной.

„Какъ — гласитъ: Екатерина!
„Вновь мнѣ блещетъ Божество?
„Имя, вѣсть о Ней едина
„Мнѣ восторгъ и торжество!
„Рекъ — и взоръ къ прекрасной дщери
„Осклабляя — подалъ знакъ,
„Что бъ Ее весть Понта въ двери....
„И Нева преклонши зракъ,
„Въ Градъ ведетъ преузорочный.

„Петрополь встаетъ на встрѣчу,
„Башни всходятъ изъ-подъ волнъ.
„Не Славенска внемлю вѣчу,
„Слышу музъ Аѳинскихъ звонъ. —
„Вижу мраморы, граниты
„Богу взносятся на храмъ;
„За заслуги знамениты
„Въ памятъ вождямъ и Царямъ
„Зрю кумиры изваянны.

„Вижу, — Сѣвера Столица
„Какъ цвѣтникъ межъ рѣкъ цвѣтетъ,
„Въ свѣтѣ всѣхъ градовъ Царица
„И ее прекраснѣй нѣтъ!
„Бельтъ въ безмолвіи зерцало
„Держитъ предъ ея лицемъ,
„Что бы прелестьми блистало

„И въ дали народамъ всѣмъ,
„Какъ румяный отблескъ зарьный.

„Вижу ленты летучи
„Разноцвѣтны по судамъ;
„Лѣсъ пришелъ изъ мачтъ дремучій
„Къ камнетесанымъ брегамъ.
„Вижу пристаней, цѣпь зданій,
„Торжищъ, стогновъ чистоту,
„Злачныхъ рощъ, путей, гуляній
„Блескъ, богатство, красоту, —
„Красотѣ Царя подобну!

„Межъ народа тамъ Онъ зрится,
„Какъ Отецъ между дѣтей;
„Но здѣсь молнія стремится
„Отъ Его въ строяхъ мечей —
„И отзывъ Его перуна
„Ужъ трясетъ среду земну.
„Онъ избравъ днесь вождя юна
„На рогатую луну
„Повелѣлъ вести брань злобну.

„Фениксъ сей изъ праха отча
„Вставъ парить во звѣздный кругъ;
„Гордость, зависть, злоба молча
„Въ немъ признавъ воинскій духъ,
„Защищать Стамбулъ престанутъ,
„Въ Азію Магметъ уйдетъ;
„Вновь Эллады лиры грянутъ

„И почтитъ тогда весь свѣтъ
„Александра олтарями.

„Но доколѣ совершится
„Древній сей пророчій гласъ,
„Норда Царь тѣмъ веселится
„Что межъ льдовъ растетъ Парнассъ;
„Что художествы, науки
„Разцвѣтавъ въ Его тѣни,
„На Него простерши руки
„Славословятъ щедры дни
„И вѣнецъ сулятъ съ звѣздами.

„Но всѣхъ лучше украшеній
„Милосердья олтари;
„Духъ мой полнъ тамъ восхищеній,
„Гдѣ равны Богамъ Цари. —
„Вижу вдовъ, сиротъ приптворы,
„Рукодѣльи юношъ, дѣвъ,
„За болящими призоры,
„И всѣхъ нивъ благихъ посѣвъ
„Зрю Маріиной рукою!

„Вижу домъ весь благодатный,
„Братьевъ, Сестръ, — Божествъ соборъ, —
„Тихій нравъ и какъ пріятный
„Лучь — Елисаветинъ взоръ!
„Поспѣшай къ намъ Амфитрита,
„Россовъ всѣхъ ушѣшь сердца;
„Да лушей Орла повита
„Будетъ юнаго птенца
„Намъ рожденнаго Тобою!“

Краткость. — Извѣстно, что пламенное чувство изъясняется кратко, но сильно. — Поелику высокая ода наполняется горячимъ, сильнымъ чувствомъ: то и разумѣется, что ода должна быть кратка, или по крайней мѣрѣ не слишкомъ длинна; ибо предполагается, что возбуждена мгновеннымъ чувствомъ какого либо предмета; а потому и не можетъ то чувство долго продолжаться въ равной силѣ.—Естьлижъ кому превосходное вдохновеніе, или даръ, позволитъ распространяться; то надобно, что бы онъ пламени своему умѣлъ придавать непрестанно новую пищу; что бы все продолженіе было такъ напитано душею, какъ цѣпь, электрическою силою, которая при малѣйшемъ къ ней прикосновеніи ока, или слуха, издавала бы отъ каждаго звена своего блескъ и трескъ. Повтореніе однихъ и тѣхъ же мыслей, одѣтыхъ только другими словами безъ чувствъ, нетокмо бываетъ ненужно, но и непріятно. Въ томъ великая тайна, что бъ проницательную, быструю душу умѣть занимать всегда новымъ любопыт-

ствомъ. По сей-то причинѣ всѣ лучшіе Лирики предметъ свой показывали только съ той стороны, которая болѣе поражаетъ, и едва сдѣлавъ ею впечатлѣніе, столь же стремительно оставляли, какъ за нее принимались. — Впрочемъ краткость не въ томъ одномъ состоитъ, чтобъ сочиненіе было недлинно, но въ тѣсномъ совмѣщеніи мыслей, чтобы въ немногомъ сказано было много, и пустыхъ словъ не было. Вотъ примѣры краткости въ цѣломъ твореніи и въ слогѣ возвышенномъ и простомъ.

Въ цѣломъ возвышенномъ:

„Коль зрѣлище красно, пріятно,
„Гдѣ вкупѣ братія живетъ!
„Благоуханье ароматно
„Какъ на браду съ главы течетъ,
„Браду священну Аарона,
„Струящусь на ометы ризъ;
„Или Синая и Ермона
„Когда верьхи преклонишись внизъ,
„Багрянымъ серебромъ сверкаютъ,
„И каплетъ на цвѣты роса:
„Такъ въ вѣкъ на домъ ихъ изливаютъ
„Благословенье небеса.“

Псал. 132.

Въ цѣломъ простомъ:

„Сабинскаго вина, простова,
„Не много изъ большихъ кувшиновъ
„Днесь выпьетъ у меня Мецень!
„Что самъ на Греческихъ винъ гнѣзда
„Наливъ, я засмолилъ въ топъ день—

„Когда, любезнѣйшій мой рыцарь,
„Народъ тебя встрѣчалъ въ театрѣ
„Со плескомъ рукъ — и громъ отъ хвалъ
„Твоихъ съ береговъ родимыхъ Тибра
„Звучалъ сверьхъ Ватиканскихъ горъ.

„Ты у себя вино Секубско
„И сладки пьешь Калески соки;
„Но у меня ихъ нѣтъ — и гроздь
„Ни Формiанскiй, ни Фалернскiй
„Моихъ не благовонитъ чашъ.“

изъ Горац.

Въ слогѣ возвышенномъ:

„Идетъ ли къ трону — всѣмъ любима!
„Зажглась война — непобѣдима!
„Желаешь мира — миръ цвѣтетъ!“

Херас.

и л и:

„Ты дхнешь — дубовъ столѣтнiй лѣсъ
„Косматымъ корнемъ вверхъ ложится;
„Гремишь — и каменный утесъ
„. . . . . падетъ, крушится.“

Бобровъ.

Въ слогѣ простомъ:

„Простое сердца чувство
„Для свѣта ни чего;
„Тамъ надобно искуство,
„А я — незналъ его.

Моск. журн.

Правдоподобіе во всякомъ сочиненіи, а болѣе въ одѣ, или гимнѣ, нужно, потому, что лира издревле посвящена на сохраненіе дѣлъ народа, или лучше, на разширеніе славы его. Поелику же истинна одна даетъ вымысламъ вѣроятіе, а вымыслы истинну только украшаютъ, то и надобно, чтобъ лирическая пѣснь содержала въ себѣ нѣкоторую правду, или быль, а безъ того она не достигнетъ своего назначенія. Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобъ собраны были всѣ приличія и принадлежности къ воспѣваемому предмету въ пособіе, дабы ему чрезъ нихъ казаться болѣе вѣроятнымъ. Безъ сего не возбудитъ онъ вниманія, не затвердится въ памяти у современниковъ и не перейдетъ чрезъ преданіе къ потомству.—На примѣръ: ежели Лирикъ говоритъ, что *тотъ велѣлъ*

волнамъ,—и волны отступили, то должно что бы *тотъ* былъ Богъ, или по крайней мѣрѣ человѣкъ, снабженный Божескою силою, дабы возмогъ творить такія чудеса; что бы былъ Юпитеръ, когда двумя шагами претекъ вселенную; что бы былъ Россъ обладатель полсвѣта, когда полсвѣта очертилъ блестящій его мечь. — Безъ сей осторожности всякое подобное кичливое изреченіе предъ прямымъ знатокомъ будетъ не золото, а шумиха, могущая забавлять только дѣтей.—Вотъ примѣры правдоподобія:

„Но естьли гордость ослѣпленна
„Дерзнетъ на насъ воздвигнуть рогъ;
„Тебѣ, въ женахъ благословленна,
„Противъ ее помощникъ Богъ.
„Онъ верьхъ небесъ къ Тебѣ преклонитъ,
„И тучи страшныя нагонитъ
„Во срѣтенье врагамъ Твоимъ.
„Лишь только ополчишься къ бою,
„Предъидетъ ужасъ предъ Тобою,
„И слѣдомъ воскурится дымъ.“

Ломон.

и л и:

„Самъ Богъ ведетъ, и кто противу?
„Кто ходъ Его остановитъ?

„Какъ океанскихъ водъ разливу
„На встрѣчу кто поставитъ щитъ?

Ломон.

и л и:

„Колоссъ Россійскій! свой смири прегордый видъ,
„И Нильскихъ зданія высокихъ пирамидъ
„Престаньте болѣе считаться чудесами!
„Вы смертныхъ бренными содѣланы руками:
„Нерукотворная здѣсь Росская гора
„Внявъ гласу Божію изъ устъ Екатерины,
„Пришла во градъ Петровъ чрезъ Невскія пучины
„И пала подъ стопы Великаго Петра.“

Рубанъ.

Новость, или необыкновенность чувствъ и выраженій, заключается въ томъ, что когда Поэтъ неслыханными прежде на его языкѣ изреченіями, подобіями, чувствами, или картинами поражаетъ и восхищаетъ слушателей, излагая мысли свои въ прямомъ, или переносномъ смыслѣ, такъ чтобы онѣ по сходству съ употребительными, извѣстными картинами, или самою природою, по тѣмъ или другимъ качествамъ, не взирая на свою новость, тотчасъ ясны становились и плѣняли разумъ.— Виипйственныя сѣти сіи не потому нра-

вятся знатокамъ, что онѣ остро выдуманы; но что ласкаютъ ихъ самолюбію, когда настоящій оныхъ разумъ скорѣе, чѣмъ простой народъ, понимаютъ.— На примѣръ: они гордятся тѣмъ, что въ стрѣлахъ Пиндара, слышатъ поразительныя звуки арфы, сердца ихъ услаждающія; а въ стрѣлахъ Гомера видятъ лучи Аполлона, или солнца, смертельную язву Грекамъ наносящіе, чего другіе не видятъ и не слышатъ. — Вотъ примѣры новыхъ чувствъ и выраженій:

„Не мѣдь ли въ чревѣ Этны ржетъ,
„И съ сѣрою кипя клокочетъ?
„Не адъ ли тяжки узы рветъ
„И челюсти разинуть хочетъ?“

Ломон.

и л и:

„Цѣлуйтесь громы съ тишиною,
„Упейся молнія росою;
„Стань рядъ планетъ въ щастливый знакъ.“

Ломон.

и л и:

„Я зрю пловущихъ Этнъ побѣдоносный строй. —
„Ихъ парусы—крылѣ; ихъ мачты—лѣсъ дремучій!

Петровъ.

и л и:

„Хорошо въ тѣремахъ изукрашено:
„На небѣ солнце — въ тѣремѣ солнце,

„На небѣ мѣсяцъ — въ тѣремѣ мѣсяцъ,
„На небѣ звѣзды — въ тѣремѣ звѣзды,
„На небѣ заря — въ тѣремѣ заря
„И вся красота поднебесная.

Изъ древ. Рус. стихотвореній.

и л и:

„Онъ жаждъ твоихъ всѣхъ уполенье,
„Онъ чуденъ имянемъ Своимъ,
„Любовь и свѣтъ — Его есть сущность;
„Его — *когда* — всегда есть съ нимъ;
„Его — *гдѣ* — здѣсь и повсемѣстно;
„Его подобіе — есть ты;
„Его отсвѣтъ — въ тебѣ блистаетъ.
„Гордись, мой братъ, величьемъ симъ!“

изъ Козегар.

Олицетвореніе и оживленіе суть главнѣйшія свойства поэзіи. Она всѣ существа моральныя и духовныя, неимѣющія образа, а равно и вещественныя, лишенныя видимыхъ нами чувствъ, гласа и движенія олицетворяетъ и оживляетъ; дабы понятнѣе представить чрезъ то сотворяемый ею, такъ сказать, новый волшебный, очаровательный міръ, и имъ удобнѣе удивляя и убѣждая простой умъ, привлечь его на свою сторону. Лирическій Поэтъ къ возвышенью своего

предмета не рѣдко пользуется таковыми вымыслами. Вотъ примѣры олицетворенія и оживленія.

Олицетворенія:

„Европа утомленна въ брани,
„Изъ пламени поднявъ главу,
„Къ Тебѣ свои простерла длани
„Сквозь дымъ, куренје и мглу.“

Ломон.

или:

„Москва едина на колѣна
„Упавъ передъ Тобой стоитъ,
„Власы сѣдые простираетъ,
„Тебя, Богиня ожидаетъ.“

Ломон.

Оживленія:

„Тамъ холмы и древа взываютъ
„И громкимъ гласомъ возвышаютъ
„До самыхъ звѣздъ Елисавет.“

Ломон.

или:

„Встаютъ верьхи Рифейски выше:
„Течетъ Двина, Днѣпръ, Волга тише,
„Желая Твой увидѣть свѣтъ.“

Ломон.

Блестящія живыя картины, то есть, съ природою сходственные виды, которые мгновенно, мягкихъ или чувствительно-

ныхъ людей поражаютъ воображеніе, и производятъ заочно въ нихъ фантазію (мечты), или фантастическія чувства. Картины сіи въ лирической поэзіи (не говоря о эпической) должны быть кратки, огненною кистью, или одною чертою величественно, ужасно, или пріятно начертаны. Излишнее распространеніе у нихъ отнимаетъ цѣну. Здѣсь болѣе всего идутъ иперболы, (или увеличиванія). Одного, или нѣсколькихъ членовъ довольно, что бы представить страшнаго великана, остальное дополнитъ воображеніе. — Вотъ примѣры величественныхъ, ужасныхъ и пріятныхъ картинъ.

Величественныхъ:

„Въ поляхъ исполненныхъ плодами,
„Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
„Своими чистыми струями
„Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
„Сѣдитъ и ноги простираетъ
„На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
„Пространная стѣна отъ насъ;
„Веселый взоръ свой обращаетъ
„И вкругъ довольства изчисляетъ,
„Возлегши лакшемъ на Кавказъ.“

Ломон.

или:

„Уже изъ свѣтлыхъ вратъ сафирныхъ
„Направилъ коней ты эфирныхъ,
„Ржутъ, топчутъ твердь, спѣшатъ летѣть.“

Ломон.

или:

„Втапоры вынималъ Казарянинъ
„Вонъ изъ налучья свой тугой лукъ,
„Изъ колчана калену стрѣлу,
„Хочетъ застрѣлить черна ворона —
„А и тугой лукъ свой потягиваетъ;
„Калену стрѣлу поправливаетъ;
„И напянулъ свой тугой лукъ за ухо,
„Калену стрѣлу — семи четвертей —
„И завыли рога у туга лука,
„Заскрыпѣли полосы булатныя.“

Изъ древн. Руск. стихотвореній.

Ужасныхъ:

„Бѣжитъ въ свой путь съ весельемъ многимъ
„По холмамъ грозный исполинъ,
„Ступаетъ по вершинамъ строгимъ
„Презрѣвъ глубоко дно долинъ,
„Вьетъ воздухъ вихремъ за собою;
„Подъ сильною его пятою
„Кремнистые бугры трещатъ
„И слѣдомъ дерева лежатъ.“

Ломон.

или:

„Тамъ кони бурными ногами
„Взвиваютъ къ небу прахъ густой,

*

„Тамъ смерть межъ Готѳскими полками,
„Бѣжитъ ярясь изъ строя въ строй,
„И алчну челюсть оиверзаетъ
„И хладны руки простираетъ,
„Ихъ гордый исторгая духъ;
„Тамъ тысячи валятся вдругъ.“

Ломон.

или:

„Червь кровоглавый точитъ умершихъ,
„Въ черепахъ желтыхъ жабы гнѣздятся,
Зміи въ крапивѣ шипятъ.“

Карамзинъ.

Пріятныхъ:

„Бѣлѣйшей мрамора рукою
„Любовь несетъ передъ собою
„Младыхъ Супруговъ свѣтлый ликъ.
„Сама смотря на Нихъ дивится
„И полкъ всѣхъ нѣжностей тѣснится,
„И къ онымъ тщательно приникъ.
„Кругомъ ея умильны смѣхи
„Взирающихъ плѣняютъ грудь,
„Пріятности и всѣ успѣхи
„Цвѣтами устилаютъ путь.“

Ломон.

или:

„Зелену ризу по лугамъ
„И по долинамъ разширяя,
„Изъ устъ зефирами дыхая,
„Съ веселіемъ вѣщаетъ къ намъ.“

Ломон.

или:

„Какъ сводъ небесъ яснѣетъ синей,
„По немъ звѣздъ бездна разстлана;
„Древа блестящь кудрявитъ иней,
„И свѣтитъ полная луна;
„Далече выстрѣлъ раздается,
„И дымъ, какъ облакъ, къ верьху вьется.

Петр.

Отступленіе, или уклоненіе, отъ главнаго предмета дѣлается съ умысломъ, чтобъ сперва болѣе возбудить вниманіе, по какой причинѣ онъ оставленъ, а потомъ представя его съ вящшимъ громомъ, или блескомъ, увеличить чье либо мужество, добродѣтель, премудрость, невинность и проч. а тѣмъ привесть въ восторгъ и удивленіе слушателей. — Вотъ примѣры отступленія:

„Позволь, мнѣ жаръ велитъ сердечный,
„Монархиня, въ сей свѣтлый день,
„Какъ въ имени Твоемъ Предвѣчный
„Поставилъ намъ покоя сѣнь,
„Безмолвно предвѣщая царство,
„Чтобъ миромъ свергла Ты коварство;
„Позволь мнѣ духа взоръ простерть
„На брань и сродство милосердо,

„Гдѣ кротости жилище твердо,
„Жалка и сопостатовъ смерть. —
„О коль мечтанія противны!
„Объемлютъ совокупно умъ!
„Доброты вижу здѣсь предивны!
„Тамъ пламень, звукъ и вопль и шумъ!
„Здѣсь полдень милости и лѣто,
„Щедротой общество нагрѣто;
„Тамъ смертну хлябь разинулъ адъ!
„Но Промыслъ мракъ сей разгоняетъ,
„И волны въ мысляхъ укращаетъ:
„Отверзся въ славѣ Божій градъ.
„Еѳиръ, земля и преисподня
„Зиждителя со страхомъ ждутъ!
„Я вижу Отрока Господня
„Пріемлюща небесный судъ.
„Всесильный властію Своею
„Вѣщаетъ свыше къ Моисею:
„Я въ ярости ожесточу
„Египту сердце вознесенно;
„Израиля неодолѣнно
„Пресвѣтлой силой ополчу.“
„Сіе жъ явилъ Богъ въ наши лѣта,
„Неистову воздвигнувъ рать,
„Дабы Тебѣ Елисавета,
„Вѣнцы побѣдъ преславныхъ дать.“

Ломон.

или:

„Се внемлю новой славы звуки!
„Меня видѣнія влекутъ: —

„Младенцы простирая руки,
„Раждаются и такъ рекутъ: . . . . . “

Херас.

и л и:

„Не драгоцѣнностей алканье,
„Не слава, не хвала людей
„И не предметъ тобой избранный
„Волнуютъ во груди твоей;
„Но тотъ, — прочь отъ очесъ повязка!
„Запона и отъ слуха прочь! “

Изъ Козегар.

Перескоколъ называется то, что показываетъ выпускъ, или промежутокъ между понятіями, когда невидно между ими надлежащаго сопряженія. Духъ нашъ самъ по себѣ быстръ; но когда еще разгорячень какою страстію, то стремительнѣе бываетъ. Въ жару мысли тѣснятся, летятъ, и какъ всѣхъ ихъ вдругъ высказать неможно, то нѣкоторыя изъ нихъ не договариваются, или пропускаются; а важнѣйшія токмо какъ бы выпорхиваютъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находились въ кругу нашего воображенія, оставляя прочія безъ примѣчанія, кои бы могли служить имъ связью. — Отъ того-то мысли иногда кажутся

оторванными, неполными; но какъ онѣ хотя отдаленно, однако другъ за другомъ слѣдуютъ, то сіе отдаленіе и кажется промежуткомъ, или выпускомъ, которое читатель, имѣющій проницательный умъ и могущій слѣдовать за полетомъ Піита, легко самъ своею догадкою дополнить можетъ. Сіе положеніе Лирика прекрасно изображаетъ наша древняя Руская прибаутка:

„Онъ бьетъ коня по крутымъ бедрамъ. —
„Конь его поднимается
„Выше дерева стоячаго,
„Ниже облака ходячаго;
„Горы и долы между ногъ пускаетъ,
„Быстрыя рѣки хвостомъ покрываетъ.“

Но примѣтить должно, что таковые перескоки, пристойны только въ чрезвычайно-важныхъ, стремительныхъ ощущеніяхъ страстей. — Вотъ примѣры:

„Азъ рекъ, — (во гнѣвѣ ко врагамъ моимъ,
„Вы свидѣтели), и гдѣ они?„

Бытія книга.

и л и :

„Сокровищь полны корабли
„Дерзаютъ, — (плыть) въ море за Тобою.„

Ломон.

или:

„Къ Тебѣ всѣхъ мысль, къ Тебѣ всѣхъ трудъ.“
(обращены).

Ломон.

или:

„Нечестіемъ законъ попранъ,
„Порокомъ долгъ и судъ изгнанъ;
„Моря и острова въ неволѣ:
„И Ты, о Господи, доколѣ?—„(терпишь.)

Петр.

Оборотъ или обращеніе: Когда Поэтъ средь выспренняго своего полета будто задумавшись, опомнивается вдругъ и обращается къ чему либо занимательнѣйшему, дабы придать тѣмъ болѣе блеска, важности и величества своему предмету. — Или неожиданно перервавъ свою матерію, начинаетъ другую, однако сходственную, или поддерживающую прежнее его содержаніе; или вызываетъ кого нибудь себѣ въ помощь, въ свидѣтели и проч.—Это мастерская уловка, что бы таковымъ образомъ владѣть, или лучше, на всемъ скаку умѣть обращать пламеннаго Пегаса. — Надобенъ путъ сильный, искусный ѣздокъ или просто сказать, необыкновенный вос-

торгъ.—Чѣмъ круче и быстрѣе будетъ оборотъ, тѣмъ болѣе заслужитъ удивленія. Но при всемъ томъ, чтобъ оборотъ былъ, какъ выше сказано, къ чему либо важнѣйшему, или превосходнѣйшему; а иначе исчезнетъ его блескъ.—По сему самому требуется въ семъ извитіи большаго дарованія. Кажется принадлежитъ онъ въ особенности Г. Ломоносову.—Онъ таковыми великолѣпными оборотами наполненъ, и ни кто изъ нашихъ Піитовъ съ нимъ въ таковыхъ не сравняется. Вотъ примѣры:

„Мой образъ чтятъ въ тебѣ народы,
„И отъ Меня вліянный духъ;
„Въ безчисленны промчится роды
„Добротъ твоихъ не ложный слухъ.
„Тобой поставлю судъ правдивый,
„Тобой сотру сердца кичливы,
„Тобой Я буду злость казнить,
„Тобой заслугамъ мзду дарить;
„Господствуй утвержденна Мною,
„Я буду за всегда съ тобою.

„Но что страны вечерни тмятся
„И дождь кровавыхъ каплей льютъ?
„Что Финскихъ рѣкъ струи дымятся,
„И долы съ влагой пламень льютъ?

„Тамъ видя выше горизонта
„Входящa Готоска Фаетонта
„Пропивъ теченія небесъ,
„И вкругъ себя горящій лѣсъ.—“

Ломон.

и л и:

„Какая бодрая дремота
„Открыла мысли явный сонъ?
„Еще горитъ во мнѣ охота
„Торжественный возвысить тонъ. —
„Мнѣ вдругъ ужасный громъ блистаетъ,
„И купно ясный день сіяетъ!“

Ломон.

и л и:

„Но кая странна рѣчь приходитъ
„Въ мой полный трубныхъ гласовъ слухъ?
„Къ любезной кротости преводитъ
„Въ сурову брань вперенный духъ? —
„Вы, яры волны, укротитесь;
„Вы, бури, въ тихость превратитесь;
„Внимай со страхомъ смертныхъ умъ;
„Умолкни лютой брани шумъ;
„Престаньте смерть родящи звуки;
„Почійте копья, мечь и луки!“

Петр.

и л и: (когда вызываетъ.)

„О вы, которыхъ ожидаетъ
„Отечество изъ нѣдръ своихъ,
„И видѣть таковыхъ желаетъ,
„Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
„О ваши дни благословенны!—

„Дерзайте нынѣ ободренны
„Раченьемъ вашимъ показать,
„Что можетъ собственныхъ Платоновъ
„И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
„Россійская земля раждать.“

Ломон.

и л и:

„О Тѣнь великая, спокойся!
„Мы помнимъ тьмы Твоихъ заслугъ;
„Безмолвна въ вѣчности устройся:
„Твой трудъ межъ нами живъ во кругъ.„

Ломон.

и л и:

„Возстань Платонъ, и посмотри,
„У насъ Минерва на престолѣ.“

Петр.

Околичности, вмѣщенія, или переходы къ какой либо другой матеріи, сходственной качествомъ своимъ воспѣваемому предмету. — Они употребляются въ такомъ случаѣ, когда изящность побочнаго содержанія вдругъ встрѣчая, увлекаетъ Поэта; или неплодовитость своего собственнаго побуждаетъ его искать въ другомъ мѣстѣ обогащенія ему. — Околичностей, или вводовъ таковыхъ Эстетики полагаютъ два рода: первой въ текстахъ священнаго Писанія, или

какихъ либо премудрыхъ изреченіяхъ людей великихъ (апофегмахъ), или общихъ истинныхъ (аксіомахъ); другой исторической, или басенной. — Можно бы кажется прибавить астрономической, или астрологической, заимствуя оный изъ небесныхъ знаковъ, или явленій, которыми Поэтъ мнѣніе свое подкрѣпляетъ. Послѣднія приличествуютъ болѣе Лирику потому, что поэзія вящше украшается вымыслами. — Околичностями болѣе всѣхъ изобилуетъ Пиндаръ: Вотъ примѣры.

Премудрыхъ изречкній:

„Цвѣтутъ во славѣ Мною царства,
„И пишутъ правый судъ Цари.“

Ломон.

или:

„Отецъ духовъ не есть Богъ мертвыхъ;
„Онъ Богъ, — но Богъ есть вѣчной жизни.„

Бэбрэвъ.

или:

„Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.“

Исторической:

„Супружню, Ольга смерть отмщая,
„Казнитъ искуствомъ Искоресть;

„И тьмы невѣрства избѣгая,
„Спѣшитъ до просвѣщенныхъ мѣстъ.“

Ломон.

и л и:

„Въ своихъ увидишь въ предкахъ явны
„Дѣла велики и преславны,
„Что могутъ духъ природѣ дать.
„Уже младаго Михаила
„Была къ тому довольна сила
„Упадшую Москву поднять.“

Ломон.

и л и:

„Се новый Александръ родился
„И берегъ Невскій возгордился,
„Что Роскія Минервы внукъ
„Умножитъ древней славы звукъ.

Херас.

Б а с е н н о й:

„Что дымъ и пепелъ отрыгая,
„Мрачилъ вселенну Эцеладъ;
„Реветъ подъ Этною рыдая,
„И пѣломъ наполняетъ адъ;
„Зевесовымъ пронзенъ ударомъ
„Въ отчаяньи трясется яромъ,
„Безсиленъ тяготу поднять.“

Ломон.

и л и:

„Тамъ Мемель въ видѣ Фаетонта
„Стремглавъ летя, Нимфъ прослезилъ,

„Въ янтарнаго заливахъ понта
„Мечтанье въ правду превратилъ.“

Ломон.

Астрономической или Астрологической:

„Я дѣву въ солнцѣ зрю стоящу,
„Рукою Отрока держащу.“

Ломон.

и л и:

„Тамъ мужъ звѣздами испещренный
„Свой свѣтлый напрягаетъ лукъ,
„Дѣлна стрѣлы позлащенны
„Съ нимъ мещетъ изъ прекрасныхъ рукъ.
„Се небо показуетъ ясно,
„Коль то съ добротами согласно
„Рожденныя въ признакахъ сихъ;
„Отъ ней геройство съ красотою
„Повсюду миромъ и войною
„Лучи пускаютъ дней злашыхъ.“

Ломон.

и л и:

„Что се!—средь дня въ эфирѣ блещетъ
„Сложенный изъ созвѣздій Крестъ,
„И очи кроя Туркъ трепещетъ.
„Ты, муза! чтуща книгу звѣздъ,
„Мнѣ знаменія рцы причину.—
„Тезоимянитый Исполину,
„Максентій коимъ побѣжденъ,
„Защитникъ вѣры, славы Россовъ,
„Гроза и ужасъ чалмоносцовъ,
„Великій Константинъ рожденъ.“

Петр.

или:

„На темный вижу шаръ подлунный
„Съ равнинъ небесныхъ горнихъ мѣстъ
„Овенъ младый, золоторунный
„Незапно вшелъ, и всталъ средь звѣздъ.
„Не кротости ль символъ въ немъ зрится?“

Сомнѣнія и вопрошенія. — Когда Поэтъ въ упоеніи своего восторга представляетъ себѣ будто въ чемъ сомнѣвается и дѣлая себѣ вопросы, самъ же на нихъ отвѣчаетъ, дабы тѣмъ усугубить красоту, или силу своего предмета, или страсти. Разрѣшенія таковыхъ сомнѣній чрезвычайно поражаютъ слушателей.—Вотъ примѣры.

Вопрошеній:

„Что такъ тѣснитъ болзнь мой духъ?
„Хладнѣютъ жилы, сердце ноетъ. —
„Что бьетъ за страшный шумъ въ мой слухъ?
„Пустыня, лѣсъ и воздухъ воетъ.
„Въ пещеру скрылъ свирѣпство звѣрь;
„Небесная отверзлась дверь;
„Надъ войскомъ облакъ вдругъ развился,
„Блеснулъ горящимъ вдругъ лицемъ,
„Умытымъ кровію мечемъ
„Гоня враговъ, Герой ошкрылся.“

Ломон.

или:

„Но что за громы ударяютъ?
„Се гласъ мой звучно повторяютъ
„Земля и вѣтры и валы! “

Ломон.

или:

„Кто въ громѣ радостные клики
„И огнь отъ многихъ водъ даетъ?
„И кто ведетъ въ перунахъ лики?
„Великая Елисавет! “

Ломон.

Сумнѣній:

„Не сей ли при Донскихъ струяхъ
„Разсыпалъ вредны Россамъ стѣны?
„И Персы въ жаждущихъ степяхъ
„Не симъ ли пали пораженны?“

Ломон.

или:

„Что жъ се? — Дѣлнѣ я прекрасной
„Уже послѣдую въ лѣсахъ,
„Отъ коей хитростью напрасной
„Укрыться хочетъ звѣрь въ кустахъ! “

Ломон.

Противуположности весьма усиливаютъ и украшаютъ предметы, когда Поэтъ кратко и рѣзко умѣетъ ввести ихъ въ приспойномъ мѣстѣ. — Вотъ примѣры:

„Тамъ степи кровью напоенны
„Взрастили лавры намъ зелены.“

Ломон.

и л и:

„Въ войну кипитъ съ землею кровь,
„И суша съ моремъ негодуетъ;
„Владѣетъ въ мирны дни любовь,
„И вся натура торжествуетъ, —
„Тамъ заглушаетъ мысли шумъ;
„Здѣсь краситъ всѣ довольства умъ.“

Ломон.

и л и:

„Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ. —
„Полки сражая, внѣ воюешь;
„Но внутрь безъ крови торжествуешь.
„Ты буря тамъ, здѣсь тишина.“

Ломон.

и л и:

„Съ Бореемъ вшелъ въ союзъ Зефиръ.“

Херас.

и л и:

„Я ласкалась, ты чуждался;
„Утѣшала, ты скучалъ;
„Я стенала, ты смѣялся;
„Я лобзала, ты терзалъ;
„Я сердилась и рвалася,
„Что въ обманъ тебѣ далася,
„И хотѣла цѣпь прервать;
„Но лишь только что смягчалась,

„Пуще я въ тебя влюблялась
„И гналась тебя искать.“

Половъ.

Заимословіе, или рѣчь заимообразно, такъ сказать, какому либо существу одушевленному, или не одушевленному Поэтомъ данная, должна быть въ лирическомъ твореніи весьма краткою; иначе длинный постороннiй расказъ сообщаетъ лирѣ нѣкоторую холодность и сухость, дѣлая сочиненіе не токмо драматическимъ, но вялымъ, скучнымъ и непріятнымъ.—Вотъ примѣръ заимословія:

„Благословенна вѣчно буди,
„Вѣщаетъ Ветхій деньми къ ней,
„И всѣ твои съ тобою люди,
„Что ввѣрилъ власти Я твоей.“

Ломон.

и л и :

„Исполненъ я веселья нынѣ,
„Что вновь дѣла Мои растутъ:
„Вѣщаетъ Петръ Екатеринѣ;
„Твои совѣты всѣ цвѣтутъ. —
„Блаженны Дщерью Мы Своею;
„Рука Господня буди съ нею.“

Ломон.

или:

„Тогда Божественны науки
„Чрезъ горы, рѣки и моря,
„Въ Россію простирали руки
„Къ сему Монарху говоря:
„Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
„Подать въ Россійскомъ родѣ новы
„Чистѣйшаго ума плоды.„

Ломон.

или:

„Сіяющь звѣздными очами,
„Странѣ Россійской говоритъ:
„Ликуй!... дошли въ предѣлы вѣчны
„Твои желанія сердечны,
„И милующій Россовъ Богъ
„Младенца далъ Тебѣ въ залогъ.

Херас.

Иносказаніе, *) инорѣченіе, (аллегорія), или остроумное прикрытіе прямаго смысла, когда Поэтъ, не хотя назвать вещь по какой либо извѣстной ему причинѣ прямымъ ея именемъ, называетъ въ переносномъ, или настоящемъ смыслѣ другою вещію, и чрезъ то придаетъ возвышеніе, или пониженіе своему предмету; или когда скрывая подлинное свое о немъ мнѣніе, показываетъ принадлежностьми

*) Въ простонарѣчіи отверница.

его, какъ бы подъ рукою, истинныя его доброты, или пороки, лаская тонкимъ образомъ чьему либо самолюбію, или издѣваясь надъ онымъ; изъ коихъ послѣдній случай называется Иронією, или насмѣшкою. — Вотъ примѣры важной и насмѣшливой аллегоріи.

Важной:

„Тамъ вкругъ облегъ драконъ ужасный
„Места Святы, места прекрасны,
„И къ облакамъ сто главъ вознесъ!
„Весь свѣтъ чудовища страшится,
„Единъ лишь смѣло устремится
„Россійскій можетъ Геркулесъ.“

Ломон.

или:

„Парящій слышу шумъ орлицы,
„Гдѣ пышный духъ твой Фридерикъ?

Ломон.

Насмѣшливой:

„Орлы на тое не взираютъ,
„Что львовы челюсти зіяютъ.“

Ломон.

или:

„Въ тѣ дни, какъ всюдѣ вездѣ въ разгульѣ:
„Политика и правосудье,
„Умъ, совѣсть и законъ святой
„И Логика пиры пируютъ,

„На карты ставятъ вѣкъ златой
„Судьбами смертныхъ пунктируютъ,
„Вселенну въ прантелево гнутъ;
„Какъ полюсы, меридіяны,
„Науки, музы, боги — пьяны,
„Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ.“

Сравненія и уподобленія суть Іероглифы, или нѣмой языкъ поэзіи. Поелику она по подражательной своей способности, ничто иное есть, какъ говорящая живопись: то и сравниваетъ два предмета чувственнымъ образомъ между собою, или вдругъ рѣшительно ихъ другъ другу уподобляетъ, дабы чрезъ то, не говоря много, изобразить о нихъ яснѣе свои понятія, или лучше сказать, что бы неизвѣстный, или невидимый предметъ представить чрезъ видимый въявь, или на лицо; и тому изъ нихъ, которому Поэтъ желаетъ придать болѣе совершенствъ занявъ ихъ отъ другаго. Въ сихъ украшеніяхъ нужно: въ первомъ, быстрый и проницательный умъ, чтобъ скоро умѣть схватить и вѣрно сличить разность и сходство; а въ другомъ, живое, сильное воображеніе, чтобъ спе-

чашкомъ, или спискомъ замѣнить подлинникъ. — Таковыя сравненія и уподобленія чрезвычайно оживляютъ и украшаютъ лиру. — Вотъ примѣры:

Сравненій:

„Какъ люпый мразъ весна прогнавши,
„Замерзлымъ жизнь даетъ водамъ;
„Туманы, бури, снѣгъ поправши,
„Являетъ ясны дни странамъ,
„Вселенну паки воскрешаетъ,
„Натуру намъ возобновляетъ,
„Поля цвѣтами красить вновь!
„Такъ нынѣ милость и любовь,
„И свѣтлый Дщери взоръ Петровой
„Насъ жизнью оживляетъ новой.“

Ломон.

или:

„Да возрастетъ Ея Держава,
„Богатство, щастье, и полки,
„И купно дѣлъ Геройскихъ слава
„Какъ токъ великія рѣки
„Чѣмъ далѣ бѣгъ свой простираетъ,
„Тѣмъ больше водъ въ себя вмѣщаетъ,
„И множество градовъ поитъ,
„Разлившись на поля восходитъ;
„Обильный тукъ на нихъ наводитъ,
„И жатвы щедро богатитъ.“

Ломон.

или:

„Прекрасно солнце на восходѣ
„Приноситъ нову жизнь природѣ:
„Аврора тако вашихъ дней,
„Любовь и качества душевны
„Суляшъ намъ радости полдневны
„И вѣкъ златой Россіи всей.“

Херас.

или:

„Увпвается тутъ родная матушка:
„Она плачетъ такъ, какъ рѣка льется;
„А родна сестра плачетъ, какъ ручей течетъ;
„Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ;
„Красно солнышко взойдетъ росу высушитъ.—“

Изъ Русской лѣсни.

Уподовленій:

„Въ луга усыпаны цвѣтами
„Царица трудолюбныхъ пчелъ,
„Блестящими шумя крылами
„Летитъ между прохладныхъ селъ;
„Спекается оставивъ розы
„И сопомъ напоенны лозы
„Со пщаніемъ отвсюду рой,
„Свою царицу окружаетъ!
„И тѣсно въ слѣдъ ея летаетъ
„Усердіемъ вперенный строй. —

„Подобнымъ жаромъ воспаленный
„Спекался здѣсь Россійскій родъ,

„И радостію восхищенный
„Тѣснясь, взираль на Твой приходъ.“
Ломон.

и л и:

„Подобно граду онъ густому
„Летяще воинство тѣснилъ,
„Искалъ со стороны пролому
„И рвался въ сердце нашихъ силъ.“
Ломон.

и л и:

„Едемскому подобна саду,
„Россія въ наши дни цвѣтетъ:
„Всеобщую сердецъ отраду
„Мой стихъ усердно воспоетъ.“
Херас.

Усугубленія, или усилія, могутъ быть употреблены съ успѣхомъ, когда Поэтъ желая съ одной стороны распространиться, а съ другой опасаясь быть растянутымъ, единообразнымъ, или такъ сказать, одноцвѣтнымъ, а потому самому и скучнымъ, напрягаетъ, или усиливаетъ предъидущія свои мысли и чувства повтореніемъ какого либо одного слова, усугубляя тѣмъ быстроту своего паренія, и дая себѣ тѣмъ способъ къ перемѣнѣ и къ накопленію другими картинами и чувствами своего содер-

жанія, главный предметъ его обогащающими. Вотъ примѣры:

„Здѣсь Нимфы Невской Ипокрены
„Видѣнія Ея лишенны,
„*Сердцами пойдутъ* въ слѣдъ за Ней. —
Сердцами пойдутъ, и устами
„Въ восторгѣ сладкомъ возгласятъ.“
Ломон.

и л и:

„Ея и бодрость и восходъ
„Златой наукамъ вѣкъ доставитъ,
„И отъ презрѣнія избавитъ
„Возлюбленный *Россійскій родъ*.—
„*Россійскій родъ*, коль ты ужасенъ
„Въ поляхъ противъ своихъ враговъ,
„Толь домъ твой въ нѣдрахъ безопасенъ.
„Ты внѣ гроза, ты внутрь покровъ.“
Ломон.

и л и:

„Глаголъ временъ! мятежа звонъ!
„Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
„*Зоветъ* меня, *зоветъ* твой стонъ,
„*Зоветъ*,—и къ гробу приближаетъ.“
„*А тамъ*—израненный Герой,
„Какъ лунь во бранѣхъ посѣдѣвшій; . . . . .
„*А тамъ*—вдова стонетъ въ сѣняхъ; . . . . . .
„*А тамъ*—на лѣстничный восходъ
„Прибрелъ на костыляхъ согбенный
„Безстрашный, старый воинъ нотъ,
„Тремя медалями украшенный,

„Конораго въ бою рука
„Избавила тебя отъ смерти:
„Онъ хочетъ руку ту простерти
„Для хлѣба отъ тебя куска.
„*А тамъ* . . . . .

Нравоученіе. — По той ли причинѣ, что поэзія языкъ Боговъ, голосъ истинны, проліявшей свѣтъ на человѣковъ, что всѣ почти древніе вожди и законодатели, какъ то: Божественный Моисей, языческіе Орфей, Бахусъ, Озиридъ, Зороастръ, Брамго, Солонъ, Одинъ, наконецъ Магометъ и многіе другіе были Поэты, и законы свои изрекали стихами, или по чему другому; но только извѣстно, что во всѣхъ народахъ и во всѣхъ вѣкахъ принято было за правило, которое и понынѣ между прямо просвѣщенными мужами сохраняется, что совѣтуютъ они въ словесности всякаго рода проповѣдовать благочестіе — или науки нравовъ. — Особливо находятъ болѣе къ тому способною Лирическую поэзію, вразсужденіи ея краткости и союза съ музыкою, чѣмъ удобнѣе она запверживается въ памяти, и забавляя,

такъ сказать, просвѣщаетъ царства. Китайцы и нѣкоторые другіе народы начинаютъ тѣмъ воспитаніе дѣтей, что заставляютъ ихъ затверживать наизустъ стихотворные отрывки, или краткія наставительныя пѣсни. — Индѣйцы, Браминской секты, до того довели сіе употребленіе, что знатнаго поколѣнія беременнымъ женщинамъ напѣваютъ набожныя, или нравоучительныя стихи, увѣряя, что якобы души младенцевъ, въ утробѣ еще сущихъ, напояются благочестіемъ посредствомъ душъ материнскихъ. Подлинно ли это такъ, не утверждаю; но вижу и въ Сколіяхъ (о коихъ ниже объяснится) древнихъ Грековъ, что и при самыхъ ихъ забавахъ и веселыхъ пиршествахъ наставленія изъ виду выпускаемы не были. — Первобытные славные Лирики, до насъ дошедшіе, то свидѣтельствуютъ. Дикіе даже, бѣдность и угнетеніе терпѣвшіе Скальды, не смотря на лица сильныхъ, пѣли ихъ народамъ и обладателямъ, разительныя, но полезныя истинны. — Ихъ иногда гнали, потому ли, что прав-

ды міръ не терпитъ, или непріятенъ Пророкъ въ отечествѣ? — Эдуардъ I, Король Англинской даже истреблялъ ихъ. — Но напротивъ того, добрые Государи, Отцы Отечества, любившіе доблесть и благочестіе, ихъ при себѣ содержали, уважали ихъ пѣсни, хвалились ими. — Пѣснопѣвцы вездѣ при нихъ бывали, даже въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ. — Они ободряли ихъ самихъ, и воинство, къ мужественнымъ подвигамъ и къ презрѣнію смерти. — Словомъ: древній вдохновенный сѣверный Скальдъ былъ изступленникъ вѣры, законовъ, вольности, славы, чести, любви къ отечеству и вѣрности своему Государю. — Держа въ рукахъ лиру и воспѣвая пѣсни метался онъ между ужасами и опасностями, какъ полоумный, проповѣдывая добродѣтель. — Полуденный Бардъ былъ тоже. — Псалтирь наполнена благочестіемъ. — Самый первый псальмъ ни что иное какъ нравоученіе. — Пророкъ вдохновенный (Vates), или древній Лирикъ былъ одно и тоже. — Онъ былъ Герольдъ Неба, органъ истины. — Величіе,

блескъ и слава сего міра проходятъ; но правда, гремящая во псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки! По сему-то, думаю я, болѣе, а не почему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація; что въ первомъ блещутъ искры Богопочтенія и наставленія Царямъ; а во второмъ, при сладости жизни правила любомудрія. — Въ разсужденіи чего нравоученіе кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже ихъ и украшаетъ. — Вотъ примѣры.

Изъ Пиндара:

„Такъ милостью боговъ единыхъ
„И въ добродѣтеляхъ своихъ
„Всѣ процвѣтаютъ человѣки!
„Блаженства лишь они дождятъ:
„Чрезъ нихъ премудрые, — премудрость;
„Краснорѣчивы, — сладость устъ;
„Могущіе, — ихъ силу спяжутъ,
„И всѣ дары текутъ отъ нихъ.

„Межъ тѣмъ раждать пріятнѣй зависть,
„Чѣмъ сожалѣнье намъ. — И ты
„Не преставай итти въ слѣдъ славѣ:

„Рулемъ довѣрья правь народъ,
„Судъ искушай въ горнилѣ правды,
„Малѣйшу искру отъ Царя
„Свѣтъ за большей пожаръ считаетъ:
„Тьмы вкругъ свидѣтелей тебя.
„Ревнуешъ ли потомства къ чести?
„Будь твердымъ въ подвигахъ благихъ,
„И щедрымъ быть не опрекайся:
„Но паче вѣтромъ парусъ твой
„Вздувай, подобно мореходцамъ;
„Лишь никогда, любезный мой,
„Не обольщайся царедворцевъ
„Лукавой сладостью словесъ."

Изъ Горація.

„Кто хочетъ только, что лишь нужно:
„Тотъ не заботится ни какъ,
„Что море взволновалось бурно;
„Что огненный вращая зракъ,
„Медвѣдица нисходитъ въ бездны."

Изъ Ломоносова.

„Услышьте судіи земные,
„И всѣ державныя главы:
„Законы нарушать святые
„Отъ буйности блюдитесь вы,
„И подданныхъ не презирайте:
„Но ихъ пороки исправляйте,
„Ученьемъ, милостью, трудомъ.
„Вмѣстите съ правдою щедроту,

„Народну наблюдайте льготу;
„То Богъ благословитъ вашъ домъ.

или:

„О коль Монархъ благополученъ
„Кто знаетъ Россами владѣть!
„Онъ будетъ въ свѣтѣ славой звученъ
„И всѣхъ сердца въ рукѣ имѣть.“

Изъ Хераскова:

„О смертные! не истребляйте
„Своей надежды на Творца;
„И гордостью не отравляйте
„Во благоденствіи сердца.
„Хотя земные суть владыки
„Предъ смертными у насъ велики;
„Но Богъ и надъ царями Царь.
„Какъ хочетъ, всѣми управляетъ,
„Престолы рушитъ, возставляетъ
„Однимъ всю движетъ перстомъ тварь.„

Изъ Петрова:

„Ты обществу своимъ примѣромъ показалъ,
„Что истинный Герой безъ зависти родится,
„И качествомъ своимъ во другѣ веселится.

Сладкогласіе или сладкозвучіе. — Любителямъ изящныхъ художествъ извѣстно, что Поэзія и Музыка есть разговоръ сердца; что ищупъ онѣ побѣдъ един-

ственно надъ сердцами такимъ образомъ, когда нѣжныя струны ихъ со звучностію своею въ нихъ отзываются. Греки, достигая до сего, такъ обработали и одоброгласили свой языкъ, что при слышаніи гимновъ, препровождаемыхъ лирою, почитали ухо своею душею и дополняли имъ недостатокъ ихъ разума. У сѣверныхъ Скальдовъ столь утончен былъ слухъ, что признавался отливомъ картинъ живущаго свѣта; до чего ни древніе ни нынѣшніе полуденные народы не достигли. Я подъ симъ понимаю, что они были совершенные мастера звукоподражательнаго стихотворенія. Знатокъ въ томъ и другомъ искуствѣ тотчасъ примѣтитъ, согласна ли поэзія съ музыкою въ своихъ понятіяхъ, въ своихъ чувствахъ, въ своихъ картинахъ и наконецъ въ подражаніи природѣ. Напримѣръ: свиститъ ли выговоръ стиха и тонъ музыки при изображеніи свистящаго, или шипящаго змія, подобно ему?—Грохочетъ ли громъ, журчитъ ли источникъ, бушуетъ ли лѣсъ, смѣется ли роща — при описаніи раздающагося

гула перваго, тихобормочущаго теченія втораго, мрачноунылаго завыванія третьяго и веселыхъ отголосковъ четвертой?—Словомъ: одѣта ли каждая мысль, каждое чувство, каждое слово имъ приличнымъ тономъ? — Поражается ими сердце?—Узнается ли въ нихъ дѣйствіе или образъ естества? Вразсужденіи чего, сколь нужно Поэту пещися о чистомъ и гладкотекущемъ слогѣ, чтобъ онъ легокъ былъ къ выговору, удобенъ къ положенію на музыку и къ изображенію всѣхъ вышеписанныхъ прелестей.—Малая шероховатость, малая темнота, досаждаютъ вниманію и разсѣваютъ мысли.—Знаю я, сколь трудно до сего достигнуть, чтобъ соединить плавность Хераскова съ силою стиховъ Петрова.—Но до чего не доможется истинный даръ и неутомимое прилѣжаніе.—Вотъ примѣры сладкогласія и звукоподражанія; (onomatopée).

Сладкогласія:

„Поля, лѣса густыя,
„Спокойствія удѣлъ

„Гдѣ дни мои златыя,
„Гдѣ я Лизету пѣль! *)“

Калн.

Звукоподражанія:

„И устремлялся громъ на громъ.“

Ломон.

или:

„Со бомбой бомба, съ громомъ громъ,
„Ядро жужжа сшибается съ ядромъ. “

Петр.

или:

„Стуча съ крыльца ступень съ ступени,
„И скатится въ древесны пѣни.“

Вкусъ есть судія и указатель приличія, любитель изящности, провозглашатель вразсужденіи чувствъ красоты, а вразсужденіи разума истины. — О немъ, какъ о щастіи (фортунѣ), какъ о состра-

*) *Примѣчаніе*: Подобнаго сладкогласія исполнены всѣ сочиненія Гг. Хераскова, Богдановича, Нелединскаго, Дмитріева, Карабанова и проч; превосходнѣе же Ломоносова, вразсужденіи его великолѣпія и громкаго слога.—Но дабы яснѣе мысль мою сказать, въ чемъ состоитъ *сладкогласіе*:—Естьли въ искусномъ наборѣ словъ, къ выговору удобнѣйшихъ, слуху пріятнѣйшихъ и приличнѣйшихъ описываемому предмету и обстоятельствамъ? то въ вышеприведенномъ въ примѣръ четверостишіи, изображающемъ тишину, осмѣлился я отмѣнить рѣзкую букву (Р), дѣлающую нѣкоторую громкость, помѣстя вмѣсто: *предѣлъ*—*удѣлъ*.

770990Л

спіи (симпатіи), какъ о вышнемъ умѣ (Геніи), говорить много можно, а опредѣлить его съ ясностію, для всѣхъ понятною, едвали кто возмется. Но безъ его печати, какъ безъ клейма досмотрщика, ни какія искусственныя произведенія безсмертія не достигаютъ. Онъ ни чего не терпитъ несвойственнаго природѣ: отъ развратнаго бѣжитъ, отъ гнуснаго отвращается; но бываетъ иногда такимъ волшебникомъ, который странным и дикимъ существамъ придаетъ неизъяснимую прелесть, и ведетъ великана паутиною въ свой плѣнъ. Иногда у современниковъ въ туманѣ; но въ потомствѣ просвѣтляясь, заслуживаетъ статуи и олтари.—Гомеръ и Мильтонъ сіе доказываютъ.—Безъ него ни громогласная арфа, ни тихозвенящая свирѣль, власти надъ сердцами не сыщутъ.—Онъ знаетъ всему мѣру, гдѣ тонъ возвысить, гдѣ понизить, гдѣ остановиться и гдѣ продолжать.—На вѣсахъ его лежитъ соображеніе всѣхъ обстоятельствъ до человѣка касающихся, времени обычаевъ, религіи и проч.—Онъ умѣетъ разпредѣ-

лять тѣни красокъ, звуковъ, понятій и изъ разногласія творить согласіе.—Онъ, какъ говорятъ нѣкоторые Эстетики, есть сосредоточенный свѣтъ и жаръ, то есть: умъ и чувство, между холодною геометріею и пылкою музыкою. Я оставляю сію высокую метафизику ихъ учености, но говорю просто, что безъ вдохновенія на струнахъ лиры — нѣтъ жизни; а безъ вкуса, — пріятности. — Словомъ: какъ въ области прочихъ искуствъ, такъ и въ лирическомъ стихотворствѣ по приличію единственно обстоятельствъ, предметовъ и свойствъ ихъ, когда они естественно ясно и сладкозвучно выражены, вкусъ познаваемъ быть можетъ. Приведемъ въ примѣры на нашемъ языкѣ нѣчто въ великолѣпномъ и нѣчто въ простомъ слогѣ; а потомъ въ переводѣ изъ Греческой Антологіи, Анакреона, Горація, какъ образцовъ изящнаго вкуса, подражательно и у насъ написанное:

Въ великолѣпномъ:

„Щедрость источникъ, Ангелъ мира
„Богиня радостныхъ сердецъ,

„На Коей какъ заря порфира,
„Какъ солнце тихихъ дней вѣнецъ;
„О мыслей нашихъ Рай прекрасный,
„Небесъ безмрачныхъ образъ ясный,
„Гдѣ видимъ кроткую весну,
„Въ лицѣ, въ устахъ, въ очахъ и нравѣ!
„Возможно ль при Твоей державѣ
„Въ Европѣ страшну зрѣть войну?“

Ломон.

Въ простомъ:

„Ахъ! когда бъ я предузнала
„Страсти бѣдспвенны плоды,
„Я бъ съ восторгомъ не встрѣчала
„Полуночныя звѣзды!
„Не лила бъ отъ всѣхъ украдкой
„Золотова я кольца;
„Не была бъ въ надеждѣ сладкой
„Видѣть милаго льстеца.
„Къ отвращенію удара
„Въ горестной моей судьбѣ,
„Я слила бъ изъ воска яра
„Легки крылышки себѣ,
„И на родину вспорхнула
„Мила друга моего;
„Нѣжно, нѣжно бы взглянула
„Хоть однажды на него!
„А по томъ бы улетѣла
„Со слезами и тоской;
„Подгорюнившись бы сѣла

„Среди площади какой;
„Возрыдала бъ, возопила:
„Добры люди! какъ мнѣ быть?
„Я невѣрнаго любила:
„Научите — не любить.“

Москов. жур.

или:

„Какъ притти къ ней смѣетъ скука?
„На часахъ у ней любовь.“

Н. Львовъ.

Въ переводахъ

Изъ Греческой антологіи:

„Лиза голову чесала
„Скромно гребнемъ золотымъ;
„Взявши, волосъ привязала,
„Къ красотамъ меня своимъ. —
„Бывъ окованъ цѣпью нѣжной,
„Я шутилъ — прервать хотѣлъ. —
„Попытался — и желѣзной
„Тверже цѣпь сію нашелъ.
„Съ той поры я самой въ скукѣ,
„Въ тяжкомъ плѣнѣ нахожусь;
„Не могу ужъ быть въ разлукѣ,
„Волоскомъ за ней влекусь.
„И лишь тѣмъ я облегчаюсь,
„Успокоиваю грусть,
„Что къ ней ближе прививаюсь
„И касаюсь сладкихъ устъ.“

Изъ Анакреона:

„Опутавъ Леля музы
„Въ цвѣточномъ тенетѣ,
„Стеречь, повергши въ узы,
„Вручили красотѣ.
„Ужъ Лада ходитъ, проситъ,
„Чтобъ ей сыскать его,
„И выкупъ знатный носитъ
„Съ собою за него.
„Но плѣнникову долю
„Пусть выкупъ перервет;
„Онъ сладкую неволю
„Свободѣ предпочтетъ.“

Изъ Горація:

„О ты Бландузкой ключь кипящій,
„Въ блистаньѣ спорящій съ стекломъ,
„Струи цѣлебныя точащій,
„Достоный смѣшанъ быть съ виномъ!
„Ты будешь славенъ ключь щастливый!
„Въ числѣ естественныхъ чудесъ,
„Какъ воспою тѣнисты ивы,
„Обросши тотъ пустой утесъ,
„Отколь твои струи прозрачны
„Склонясь серебренной дугой,
„Отважно скачутъ въ долы злачны,
„И говорятъ между собой.“

Бобровъ.

Наконецъ, любители словесности не будутъ ли довольными, относительно вкуса, нѣкоторыми изъ моихъ одъ въ духѣ сихъ Лириковъ написанными, какъ то: въ I части на страницѣ 199 къ *Сосѣдѣ*, въ III части на страницѣ 11 *Хариты* и проч.

За симъ, когда показалъ и объяснилъ я принадлежности лирической поэзіи, не подумалъ бы кто, что я совѣтую ихъ всѣ вдругъ помѣщать во всякомъ гимнѣ или одѣ. — Нѣтъ, это бы было тоже, что вмѣсто посѣва бросать кучею сѣмена на одномъ мѣстѣ, какъ сказала Коринна Пиндару. — Но что надобно ихъ при случаѣ и пристойно употреблять, то необходимо. — Они отнимаютъ сухость и однообразіе; дѣлаютъ предметъ разнообразнымъ, обильнымъ, сильнымъ; въ нихъ познается богатство мыслей и превосходство таланта; они составляютъ изящество и существо прямой оды, ежели истекаютъ только отъ истиннаго вдохновенія. — Напротивъ, безъ вышняго сего дара не красотами они быва-

ютъ, а раскрашенными, не оживленными призраками.—Всякой наборъ пустыхъ гремучихъ словъ, скропанный по школьнымъ однимъ правиламъ, или нанизанность надутыхъ неодушевленныхъ подобій, всякой, говорю, длинной расказъ, холодное поученіе, газетныя подробности, неточная оболочка реченіями мыслей, принужденное, безстрастное восклицаніе, нагроможденная высокость, или тяжело ползущее пареніе, ни кому непонятное глубокомысліе, или лучше сказать, безсмыслица и слухъ раздирающая музыка, стыдятъ и унижаютъ лиру. — Звуки ея тогда, какъ стрѣлы тупыя отъ стѣнъ отскакиваютъ, и какъ стукъ въ свинцовый тимпанъ, до сердца не доходятъ. По истинѣ, вдохновеніе есть одинъ источникъ всѣхъ вышеписанныхъ лирическихъ принадлежностей; душа всѣхъ ея красотъ и достоинствъ: все, все, и самое сладкогласіе отъ него происходитъ,—даже вкусъ, хотя даетъ ему дружескіе свои совѣты и онъ отъ него принимаетъ ихъ, но не прежде, какъ тогда уже, когда успокоится; а

во время пылкаго его паренія едва только издали смѣетъ приближаться къ нему и надзирать за нимъ. Естьли Поэтъ за перьвымъ безъ всякаго разсужденія быстро послѣдуетъ, а за вторымъ не торопясь съ благоразуміемъ, и за справою уже сего послѣдняго, а не прежде, выдаетъ въ свѣтъ свои сочиненія; то безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно получаетъ плески. Чувствуй, и будутъ чувствовать. — Проливай слезы, и будутъ плакать. — Отъ восклицанія токмо сердца раздаются громы. Вдохновеніе, вдохновеніе, повторяю, а не что иное наполняетъ душу Лирика огнемъ небеснымъ. — Оно напрягаетъ всѣ ея силы, окрыляетъ, возноситъ и исторгаетъ, такъ сказать, ея бытіе изъ пеленъ плоти, или изъ всѣхъ земныхъ предѣловъ, дабы лучше выразить и изъяснить изступленное ея положеніе. — Отъ вдохновенія происходятъ бурные порывы, пламенные восторги, высокія Божественныя мысли, выспреннія паренія, многосодержащія изреченія, таинственныя предвѣщанія, живыя лицеподобія,

отважные переносы и прочія риторскія украшенія, о коихъ было уже говорено.— Отъ него, или приличнѣе здѣсь сказать, отъ Духа Божія, подъ струнами вѣнценоснаго Іудейскаго Лирика и Царя скакали холмы, двигалась земля, преклонялось небо предъ лицемъ Вседержителя; солнце престоломъ, а луна подножіемъ ногъ Его становились.— Отъ него, смѣю сказать, но лишь по подражанію токмо святымъ Пророкамъ, Орфей водилъ лѣса и рѣки за собою; Гомеръ, помаваніемъ Юпитеровой главы колебалъ вселенную. Не знавъ истиннаго Бога, языческіе Поэты не могли воспарять до такой высокости, чтобы славословить Невидимаго, Непостижимаго; ибо ихъ понятія болѣе были тѣлесныя, нежели духовныя, и раздѣлялись на многія божества.— Но о семъ буду говорить ниже; а теперь довольно о гимнахъ и одахъ, которыхъ множество примѣровъ можно видѣть въ Псалтирѣ. Изъ языческихъ всѣхъ ближе подходитъ къ нимъ по очищеннымъ мыслямъ отъ идолопоклонства и по высокому своему содержанію Гимнъ Грече-

скаго Стоическаго Философа *Клеанта*, напечатанной во II части моихъ сочиненій на страницѣ 223.—Въ Христіанской Церкви, не говоря о новыхъ, славнѣйшіе въ древности Гимны суть: *Тебе Бога хвалимъ. Свѣте тихій Святыя славы.* Впрочемъ для примѣра помѣщаю здѣсь одинъ переведенный гимнъ изъ Гомера, и приступаю къ объясненію другихъ нижшихъ степеней древнихъ лирическихъ пѣсней.

Гомеровъ Гимнъ Минервѣ.

„Пою великую, безсмертную Аѳину,
„Голубоокую, божественную дѣву,
„Богиню мудрости, Богиню грозныхъ силъ,
„Необоримую защитницу градовъ,
„Эгидоносную, всемощну Тритогену,
„Которую родилъ самъ Дій многосовѣтный,
„Покрытую златой, сіяющей бронёй.
„Оцепенѣніе объяло всѣхъ боговъ,
„Когда изъ Зевсовой главы она священной
„Исторглась, копіемъ великимъ потрясая:
„Во основаніяхъ вострепеталъ Олимпъ
„Подъ крѣпостью ея; земля изъ нѣдръ своихъ
„Стонъ тяжкій издала; весь понтъ поколебался
„Смятенъ до черныхъ безднъ, на брегъ побѣгли воды.

„Гипперіоновъ сынъ средь дня остановилъ
„Бѣгъ пышущихъ коней, доколь съ рамень своихъ
„Оружье совлекла Божественная дѣва.
„Возрадовался Дій рожденіемъ Аѳины.
„О Громовержцева Эгидоносна дщерь!
„Привѣтствую тебя. Услышь ты голосъ мой,
„И впредь ко мнѣ склоняй твой слухъ благопріятный,
„Когда я воспою Тебѣ хвалебны пѣсни."

Переводъ Гнѣдича.

Пеанъ, заимствовалъ содержаніе свое наипаче отъ Миѳологіи, и особливо относился къ похваламъ, молитвамъ и побѣднымъ пѣснямъ Аполлона. Были они воспѣваемы въ честь и другихъ боговъ, а равно и человѣковъ; но всѣ пропали.— Полагаютъ, что болѣе сочинялъ ихъ Пиндаръ. — Они суть пѣсни, выражающіл кротки чувства, вліянныя единственно религіею. — Въ нихъ нѣтъ ни высокихъ замысловъ, ни паренія, ни извитій, ни глубокомыслія, происходящаго отъ разсудка. — Они просты. — Предметы ихъ: одни благодѣтельныя вліянія вѣры, истекающія отъ души чистой, спокойной, исполненной благочестія. — Достоинство ихъ: усердіе, ясность и плавность.

Впрочемъ могутъ Пеаны быть и другаго содержанія, въ которыхъ любовь къ отечеству, воинскіе подвиги и всякія Гражданскія добродѣтели воспѣваются и ободряются.—Для примѣра отъ древности намъ Пеановъ не осталось; но одинъ похожій на нихъ, помѣщенный у Г. Гагедорна между сколіями, прилагаю:

„О ты, что у рѣки Тритона
„Узрѣвшая впервые свѣтъ,
„Аѳинъ владычица, Паллада!
„Храни сей градъ, гражданъ его
„Отъ бѣдъ, крамолъ и ранней смерти,
„И ты, Отецъ сея Богини!

„Коль днесь побѣдой увѣнчанный
„Хочу тебя, о мать! воспѣть
„Плутона, и Цереру пѣснью. —
„Благословенна будь и ты,
„О дщерь великаго Зевеса,
„Богиня мрака, Прозерпина!
„И обѣ сей блюдите градъ.

„Въ Делосѣ нѣкогда Латона
„Двухъ чадъ произвела на свѣтъ:
„Еленегонную Діяну
„И злотовласа, свѣтла Ѳива.

„О ты, Аркадьи покровитель,
„Хорегъ! и самъ плясавецъ, богъ
„Хохочущихъ, гонецъ бѣгущихъ
„Въ слѣдъ Нимфъ, и обрѣтатель ихъ
„Въ сокрытьи отъ тебя, — являйся,
„О Панъ! средъ нашихъ здѣсь ты пѣсней
„И бодръ всегда будь, свѣтлъ лицемъ.

„Враговъ своихъ мы побѣдили,
„И по желанью торжество
„Намъ нынѣ даровали Боги.
„Такъ, такъ, Аѳины! Боги вамъ
„Отечество днесь Пандрозены
„Пріобрѣли въ безцѣнный даръ.“

Диѳирамбъ, пѣснь посвященная Бахусу. — Она есть высокое паренiе искусства, произшедшаго въ Греціи отъ празднествъ въ честь Бахусу учрежденныхъ, подавшихъ поводъ къ сочиненію оныхъ. Диѳирамбъ занимаетъ мѣсто между одою и гимномъ. Диѳирамбъ содержитъ въ себѣ пламенныя чувства, въ которыя входитъ Поэтъ упоеніемъ вина, или удивленіемъ первоначальному насадителю винограда. Въ диѳирамбахъ господствуетъ во всемъ пространствѣ лирической безпорядокъ, смѣлыя карти-

ны, новость изреченій. Чтобъ сочинять Диѳирамбы, надобно имѣть чрезмѣрно живое чувство, необузданное воображеніе, или родъ изступленія, для того, что выраженія его должны возбуждать къ неистовымъ движеніямъ и круговымъ пляскамъ. — Въ Диѳирамбѣ позволяется для живѣйшаго представленія предметовъ присовокуплять нѣсколько словъ къ одному какому либо, часто хоромъ повторяемому слову; дабы чрезъ то сила чувствъ отчасу болѣе возрастала и продолжалась до того, пока шумомъ вниманіе не оглушится и не воспламенится воображеніе. Наипаче свойство Диѳирамба состоитъ въ томъ, чтобъ картины, которыя кажется ни какого сношенія между собою не имѣютъ, толпами тѣснились, но не слѣдовали бы другъ за другомъ. — Чтобъ сочинитель дѣлая непрестанно скочки, хотя бы и зналъ связь своихъ мыслей, но ни какъ бы того не обнаруживалъ. — Будучи разрѣшенъ отъ всѣхъ правилъ искуства, употреблялъ бы разныя мѣры и роды стиховъ, но только бы удобныя для

музыки. Имѣя средствомъ всю свободу, обладая истиннымъ Піитическимъ духомъ и богатствомъ мыслей, умѣлъ бы все сіе такъ скрывать, чтобъ подражатели его, не имѣя подобнаго огня и таковаго какъ онъ, буйнаго восторга, думая быть глубокомысленными и таинственными высокопарною надутостію своею, показывали бы только на обыкновенныхъ чувствахъ обыкновенныя краски.—Вотъ въ чемъ изящество Диѳирамбовъ. — И для того мѣлкіе въ Греціи писатели, желая въ семъ родѣ отличиться, начинали ихъ пышными картинами, заимствованными отъ небесныхъ знаковъ и воздушныхъ явленій; но славнымъ Комическомъ Аристофаномъ были осмѣяны. — Онъ въ одной изъ своихъ комедій представилъ человѣка сшедшаго съ небесъ: его спрашиваютъ, что тамъ видѣлъ?— Отвѣтствуетъ: сочинителей Диѳирамбовъ, которые бѣгаютъ межь облаковъ и вѣтровъ, хватая туманы и пары, дабы сдѣлать изъ нихъ великолѣпныя вступленія; а на другомъ мѣстѣ сравнивалъ онъ ихъ съ воздушными пузырями, едва

до земли доткнувшимися и изчезающими. — Отсюда-то у Поэтовъ принято было въ общее обыкновеніе, что хотѣвшій воспѣвать Аполлона, приводилъ себя въ спокойное положеніе; но онъ же самый, приступая къ славословію Бахуса, возъярялся, обращаясь во всѣ стороны; когда же и тѣмъ воображеніе его не одушевлялось, то возбуждалъ его чрезмѣрнымъ употребленіемъ вина. Воспламененный молніей напитковъ, выступаю я на рысталище,—говорилъ Архилогъ.— Незнаю я Диѳирамбовъ, сочиненныхъ нашими знаменитыми Лириками; но въ нѣкоторыхъ народныхъ, такъ называемыхъ цыганскихъ пѣсняхъ, гдѣ припѣвается: *лги, говори!*—вижу имъ подобіе.—Эстетики находятъ двѣ сходственныя съ Диѳирамбами оды у Горація въ книгѣ второй XIX, въ третей XXV.—Изъ коихъ первую въ переводѣ прилагаю:

„Вакха вдали, вѣрь мнѣ попомство, я видѣлъ:
„Межь дикихъ онъ скалъ сѣдящій, пѣснь училъ пѣсни
„Нимфъ, ставшихъ вокругъ, внимавшихъ его, и вверьхъ
„Завостренныхъ ушми козлоногихъ Сатировъ.

„Эвоа! дрожитъ еще сердце отъ страха,
„Ужасомъ Бога исполненно скачетъ оно
„Съ радости дикой. — Эванъ! о, щади, щади!
„Отъ грознаго Тирса я прясусь цѣпенѣя.

„Позволь, да пою я о дерзкихъ Тіядахъ,
„О быстротекущемъ винѣ, млечныхъ потокахъ,
„И медъ какъ изъ уплыхъ древесныхъ, дупля-
стыхъ
„Пней каплетъ на землю, извивалсь струями.

„Такъ, позволь мнѣ воспѣть и о свѣтломъ
вѣнцѣ,
„Блестящемъ межъ звѣздъ твоей блаженной су-
пругѣ,
„О страшномъ паденьи жилища Пентея
„И о Фракійска Ликурга пагубѣ люотой.

„Ты волны далекихъ кропишь Океановъ
„И шумный вкругъ холмовъ обтекая пустын-
ныхъ,
„Женъ Бостонискихъ переплетше безвредно,
„Связуешь власы змѣй ядовитыхъ узлами.

„Ты, буйна Гигантовъ крамола когда
„Верьхъ на верьхъ по горамъ взгроможденнымъ
взмостяся,
„Къ отчему царству взнеслась, съ зѣвомъ ужа-
снымъ
„И съ львиными Рета хохпями вспять низпо-
вергъ.

„Отъ всѣхъ хотя ты, какъ искусный пляса-
вецъ,

„Въ шуткахъ и играхъ любви, способнымъ былъ признанъ;
„Въ браняхъ не меньше потомъ примѣръ далъ собой,
„И великъ ты равно какъ въ бояхъ, такъ и въ мирѣ.
„Церберъ, въ рогахъ золотыхъ, зрѣлъ тебя тихо
„И ни чуть не взревѣлъ, лишь хвостомъ обвивая,
„Съ кротостью ластясь, трехъ языками звѣвъ
„Вкругъ смиренно лизалъ стопы твои и бедры."

Сколія—Греки, неупоминая здѣсь о ихъ Эподахъ, Пріомахъ, Номахъ, Прозодіяхъ, Пеанахъ, Диѳирамбахъ, Партеніяхъ, Гимнопедіяхъ, Эндиминиціяхъ, Гипорхемахъ, Орпическихъ и другихъ пѣсняхъ, имѣли многія на разные случаи *); но пѣвали болѣе и чаще всѣхъ въ дружескихъ своихъ пиршествахъ за сполоиъ, а нѣкоторыя говорятъ и въ мисперіяхъ съ разными

*) *Эподъ*, или хоръ, слѣдующій въ одѣ послѣ антистрофы.—У Горація вся пятая книга составлена изъ эподовъ.—*Пріомъ*: предпѣніе, или прелюдія, *Номъ*: настоящая пѣснь.—*Прозодія* созвучное повтореніе.—*Пеанъ*: пѣснь Аполлону.—*Диѳирамбъ*: пѣснь Бахусу.—*Парт-*

обрядами, изобрѣтенныя Терпандромъ при Карнейскихъ праздникахъ во время XXXVI Олимпіяды, введенные же въ Аѳины Аѳинеемъ, такъ названныя Аристотелемъ *Сколіи*, или застольныя пѣсни. Сіи Сколіи раздѣлялись на миѳологическія, историческія и на общественныя, изъ коихъ миѳологическія были почти то же, что Пеаны, да и самыя Пеаны пѣвались за столомъ между прочими Сколіями.—Обычай былъ у Грековъ, возсѣдши за трапезу, прежде всего единогласно возглашать похвалы Богамъ. — Потомъ пѣли на разные случаи съ разными обрядами, по приличію содержанія, сказанныя Сколіи,—иные съ миртовыми, иные съ лавровыми вѣтвями, а иные съ кубкомъ вина, держа ихъ въ рукахъ и передавая изъ рукъ въ руки по сосѣдству, или наискось другъ другу. поя по

нія: пѣснь одною Дѣвою воспѣваемая, изобретенная Партеніемъ.—*Гимнопедія*: пѣснь во время игранія мячомъ и битвы на мечахъ поющаяся. — *Эндиминиція*: пѣснь спать идущаго.—*Гипорхема*: пѣснь плясовая.—*Артическая* пѣснь, поющаяся возвышеннымъ голосомъ.

очередно. Когда же усовершенствовалась музыка и начали въ бесѣдахъ употреблять арфу: то неискусные въ пѣснопѣніи, по пришедшей къ нимъ очереди, должны были просить пѣть за себя славныхъ пѣвцовъ, давая имъ за то подарки. — И такъ было у Грековъ въ разсужденіи пѣнія застольныхъ пѣсенъ три обряда: первый, пѣть единогласно Боговъ.—Вторый, по очереди съ вѣтвями.—Третій, чрезъ пѣвца съ препровожденіемъ арфы.—Сей послѣдній, будучи хорошо превосходнымъ пѣвцомъ исполняемъ, сильно трогалъ души пирующихъ, когда прославлялись добродѣтели и подвиги народа, предковъ и ихъ самихъ. Но было также у Грековъ безчисленное множество народныхъ, или площадныхъ пѣсенъ.—У всякаго состоянія людей свои, какъ-то: у воиновъ, пастуховъ, земледѣльцовъ, молотильщиковъ, мельниковъ, водоносовъ и прочихъ разнаго состоянія жителей; а равно и на всякіе случаи: свадебные, погребальные, забавные, издѣвочные и другіе. Для примѣра, нѣсколько древнихъ Сколій здѣсь

прилагаю. — Отъ нихъ, мнѣ кажется, произошли застольныя и масонскія пѣсни.

На Богатство:

„Ты, богатство, смертныхъ горе!
„Ни земля твоихъ ни море
„Троновъ не должны сносить.
„Удалися въ мрачны бездны.—
„Адскія тебя желѣзны
„Двери должны заключить.“

На Дружбу:

„Схватывай змію рукою —
„Храбрымъ страха нѣтъ сердцамъ.—
„Съ хитростью коварство злою
„Чуждо истиннымъ друзьямъ.“

или:

„Прошу тебя, стрегись, мой другъ:
„Подъ каждымъ мшистымъ камнемъ тайно
„Здѣсь ползаютъ зміи во кругъ,
„И часто, гдѣ необычайно
„Бываетъ тихо и темно,
„Тамъ кроется лишь зло одно.“

или:

„Когда бъ намъ можно умудряться
„И знать, кто подлинно каковъ,
„Въ грудяхъ душами разкрываться,
„Читать сердца на мѣсто словъ:
„То безъ ошибки бъ избирали
„Мы истинныхъ себѣ друзей.“

На здравіе:

„О здравіе! изящный даръ,
„Ты мило смертнымъ и желанно.—
„Правдиво предсѣдишь ты всѣмъ,
„И красота съ тобой пусть сядетъ;
„Но третье мѣсто я даю
„Богатству, честностью стяжанну;
„Четвертоежъ—кому отдашь?
„Извѣстно,—дамъ его я щастью:
„Быть младу у младой подруги.“

Гармодіону:

„Ты долженъ мирть вѣтвями
„Украшенъ быть мой мечь,
„Какъ и Гармодіона
„И Аристогена былъ,
„Что имъ тиранъ низверженъ
„И равенство законовъ
„Отечеству дано.—
„Нѣтъ! ты еще ни какъ не умеръ,
„Дражайшій нашъ Гармодіонъ;
„Но живъ на островахъ блаженныхъ,
„Гдѣ быстроногій Ахиллесъ
„И сынъ прехрабрый гдѣ Ѳетиды
„Ликуетъ свѣтло Діомидъ,—
„И ты, какъ говорятъ, днесь тамъ.“

Вотъ четыре главныя въ глубокой древности бывшія и намъ извѣстныя лирическія произведенія, которыя съ при-

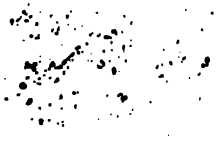
личностію уподобить можно, первую: оду, или гимнъ, быстрой рѣкѣ, все съ собою увлекающей, выходящей иногда изъ береговъ своихъ, иногда между лѣсовъ и горъ чрезъ пороги съ шумомъ скачущей и разными кривизнами стремящейся, иногда прямымъ направленіемъ тихо между полей и рощь по долинамъ и лугамъ ліющейся, иногда принимающей въ себя побочные источники, иногда уединенно, глубоко одною стезею текущей, по которой плаватель видитъ мгновенно предъ собою мелькающіе разные виды, то въ ужасъ, то въ уныніе, то въ радость, то въ восторгъ его приводящіе.— Второй Пеанъ: тихопрозрачному потоку, сквозь которой чистыя воды и въ самой глубинѣ самомалѣйшіе цвѣтные камни и песокъ видны. — Третій Диѳирамбъ: ужасному, яростному водопаду, который въ бурномъ бѣшеномъ стремленіи своемъ ломаетъ скалы и деревья, мещетъ вкругъ себя бугры пѣны, брызги, какъ дымъ, столпомъ высоко подымаетъ, и на далекое разстояніе заставляетъ внимать страшные грохочу-

щіе гулы такъ, что у путника, вблизи стоящаго, голова кружится, а вдали обымаетъ его трепетъ. — Четвертое, Сколіи: небольшому источнику безъ всякихъ кривизнъ, прямою чертою къ одному предмету своему текущему, не принимающему въ себя никакихъ побочныхъ ручьевъ; иногда мрачностію и тихостію, а иногда веселостію и рѣзвостію своею мимо ходящихъ слухъ и взоръ занимающему. —

Но перейдемъ теперь отъ древней лирической поэзіи къ новѣйшей. —

Державинъ.

(Продолженіе впредь).



ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

No II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1811 года.

NEW YORK PUBLIC LIBRARY

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770991A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1936 L

печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлены были въ Цензурной Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. *Санктпетербургъ* 1811 *года Маія* 7 *дня.*

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тяпковской.

ОДА

ИСТИНА.

Источникъ всѣхъ началъ, зерно
Понятій, мыслей, чувствъ высокихъ,
Среда и корень тайнъ глубокихъ,
Отколь и кѣмъ все создано,
Числъ содержательница счета
Сосференнаго въ твердь сію,
О Истина! о голосъ свѣта!
Тебя безсмертная пою.

Тебя, — когда и червь занявъ
Лучи отъ солнца, въ тьмѣ блистаетъ;
Ко свѣту очи обращаетъ
Безъ словъ младенецъ лепетавъ: —
То я ль души моей пареньемъ
Не вознесуся въ твой чертогъ?
Я ль не воскликну съ дерзновеньемъ:
Есть вѣчна истина, — есть Богъ!

Есть Богъ! — я чувствую Его
Какъ въ существѣ моемъ духовномъ,
Такъ въ чудномъ мірѣ семъ огромномъ,
Быть не возмогшемъ безъ Него. —

PERL. JAN 21 1935

Есть Богъ! я сердцемъ осязаю,
Его присудствіе во мнѣ: —
Онъ въ истинѣ, я увѣряю,
Онъ совѣсть — внутрь, Онъ правда — внѣ.

Такъ, Истина сліясь изъ трехъ
Существъ, единства скрыта лономъ
Средь тѣлъ и душъ и въ духѣ ономъ,
Кто создалъ все, Кто держитъ всѣхъ.
Ея подобье въ солнцѣ зрится:
Оно и свѣтомъ и тепломъ
Живя всю тваръ, само нетмится,
Струя ихъ жизни, образъ въ Немъ.

Сильнѣе Истина всѣхъ силъ,
Рожденна Ею добродѣтель. —
Чрезъ духъ Свой, зрѣть Ее Содѣтель
Въ безмѣрности чудесъ открылъ;
Ее ни кто не обымаетъ,
Окромѣ Бога самаго, —
Полкъ тщетно Ангеловъ взлетаетъ
Прозрѣть кивотъ судебъ Его.

О Истина! прилучный свѣтъ
Сый, бывый, сущій и грядущій!
Прости, что прахъ едва ползущій
Смѣлъ о Тебѣ вѣщать свой бредъ;
Но Ты — коль солнцевъ всѣхъ лампада
Міровъ начало и конецъ,
Отъ корней звѣздъ, до корней ада
Объемлешь все, — всего Творецъ!

Творецъ всего, — и влилъ мнѣ духъ
Ты въ волѣ мудрой и въ желаньяхъ
И неба и земли въ познаньяхъ
Парящій совершенства въ кругъ;
Такъ можно лъ быть мнѣ въ томъ виновнымъ,
Что въ выспренность Твою лечу?
Блаженствомъ я Твоимъ верховнымъ, —
Тобой — насытиться хочу.

Тобой! — ты перло думъ моихъ,
Отца наслѣдье, сота слаще. —
Ахъ! скрытнѣй, — далѣй чѣмъ, тѣмъ влще
Я алчу зрѣть красотъ Твоихъ,
Младенцамъ лишь однимъ не тайныхъ. —
Внемли жъ! — и мигъ хоть удостой
Мелькнуть сквозь тучь Тебя вкругъ зарьныхъ,
И отѣни мнѣ обликъ Твой.

Нѣтъ, буйство! — какъ дерзну взирать
На Бога, — облечѐнный въ бренья?
Томиться въ вѣкъ, — ждать наслажденья —
Есть смертныхъ участь — и вздыхать.
О нѣтъ! — и то уже высоко,
Непостижимаго любить!
Небесной истиною око
Умѣть земное пламенить!

Сліянный въ узелъ блескъ денницъ!
Божественная лучезарность!
Пространствъ совокупленна дальность!
Всѣхъ единица единицъ!

О правость воль неколебимыхъ!
О мѣра, вѣсъ, число всего!
О красота красотъ всезримыхъ!
О сердце сердца моего!
Душъ правило, умовъ законъ;
Свѣтило всѣхъ народовъ, вѣковъ!
Что бъ было съ родомъ человѣковъ,
Когдабъ Тебя не вѣдалъ онъ?
Когда бы совѣсти не знали
Всѣхъ неумытнаго Судьи,
Давно бъ звѣрями люди спали. —
Законы святы мнѣ Твои.

Пускай продерзкій мрака сынъ
Кощунствуетъ въ своей гордынѣ,
Что правда — слабостъ въ властелинѣ,
Что руль правленій — умъ одинъ,
Что златомъ тверды царствы, грады;
Но ахъ! сихъ правилъ тщетенъ блескъ:
Имперьи рушатся безъ правды...
Мы слышали Престоловъ трескъ.

О Истина, душевна жизнъ!
Престолъ въ сердцахъ небесна Царства!
Когда духъ лжи, неправдъ, коварства
Не внявъ разсудка укоризнъ,
Къ добру препятствъ мнѣ вержетъ камень,
Ты гласомъ Божескимъ Твоимъ
Взжигай въ душѣ моей Твой пламень
И будь Свѣтильникомъ моимъ.

Ты жезлъ мой будь и вождь всегда,
Да только за Тобой стремлюся,
Твоимъ сіяньемъ предвожуся
Не совращаясь ни когда
Съ путей, Тобой мнѣ освѣщенныхъ;
Любя Тебя, — да всѣхъ люблю;
Но отъ совѣтовъ мнѣ внушенныхъ
Тобой — ни гдѣ не отступлю.

Да буду провозвѣстникъ, другъ,
Поборникъ Твой, вездѣ щитъ правды;
Всѣ міра прелести, награды
Да неизтлятъ во мнѣ Твой духъ;
Да оправдаю я невинность;
Да соблюду присягу, честь;
Да зла не скрою ковъ, безчинность
И обличу предъ всѣми лесть.

Да буду соподвижникъ твердъ
Всѣхъ добродѣтелей съ Тобою,
Ходя заповѣдей стезею
По правосудью милосердъ;
Да сущихъ посѣщу въ темницахъ,
Пить жаждущимъ, хлѣбъ гладнымъ дамъ,
Елей страдающимъ въ больницахъ
И отче лоно сиротамъ.

Да отвращу мой взоръ отъ тѣхъ,
Кто Твоего не любитъ свѣта,
Корысть и самолюбье мѣта
Единая чья дѣйствій всѣхъ;

Да отъ безвѣрныхъ удалюся,
Нейду съ лукавыми въ совѣтъ
И ко льстецамъ; — но прилѣплюся
Къ друзьямъ Твоимъ, Твой чтущимъ свѣтъ.

И Ты, о истина! мой Богъ!
Моей и вѣры упованье,
За все мое Тебя желанье,
За мой къ Тебѣ въ любви восторгъ,
Когда сей плоти совлекуся,
Хоть былъ бы чистъ, какъ блескъ огня,
Но какъ къ Тебѣ на судъ явлюся,
Не отвратися отъ меня.

Державинъ.

ЦВѢТОКЪ.

Цвѣтокъ любимый, ароматный,
За чѣмъ такъ рано ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный? —
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ!

Давноль изъ зимней ты темницы? —
Давноль изъ тягостныхъ оковъ?
За что должны мои теплицы
Могилу представлять цвѣтовъ?
Лишь солнце жизнь тебѣ послало, —
Алмазы, — пурпуръ, — аромать, —
Лишь прелесть твой открыла взглядъ;
Лишь я узрѣлъ красоть начало;
Тебѣ со мною скучно стало
Ты сохнешь, и красѣ не радъ.

Не я ли каждый день съ зарею
Пунцовой бархать твой росою
Обогащалъ какъ жемчугомъ?
Не я ли твой досчатый домъ
Въ фарфоровый дворецъ богатый
Одной минутой обратилъ?
Не я ль тебѣ кристальны латы
Отъ непогоды подарилъ?
И видѣлъ, какъ дитя крылатый
На солнечныхъ спустясь лучахъ
Рядился въ твой уборъ богатый
И стрѣлы хоронилъ въ листахъ!

Цвѣтокъ любимый, аромашный,
За чѣмъ весною ты завялъ?
Гдѣ цвѣтъ твой яркій, духъ пріятный? —
Твой листъ и желтъ и блѣденъ сталъ. —

Не такъ ли ты цвѣтокъ мой вянешь,
Какъ вянетъ щастіе мое? . . . . .
Не потому ль, что нѣтъ ее? . . . . .
Ужели ты и не вспомянешь
Прелестный станъ, и взоръ драгой? —
Но гдѣ она? — Тутъ смерть съ косой! —
Гдѣ жъ край, гдѣ горы, море, бездны,
Гдѣ пропасти, гдѣ своды звѣздны,
Въ которыхъ быть, я могъ бы съ цей?
Напрасно духъ мой изступленный
Стремится за красою сей! —
Когда бы я по всей вселенной
На крыльяхъ молній облеталъ;
Когда бъ я воздухомъ вдругъ сталъ
И въ мигъ разнесся въ поднебесной; . . . .
Я бъ не нашелъ и тутъ прелестной!
. . . . . Тебя здѣсь нѣтъ, твой здѣсь лишь прахъ.
Какъ Солнце утромъ въ день весенній,
Или какъ кедръ младый зеленый
Ты величалася въ красахъ;
Теперь? — ты тлѣнъ — горсть сѣрой пыли!
. . . . . Тутъ и красы — и рѣчи были,
Улыбка, станъ, румянецъ твой!
О грусть! — и сердце сдѣлалось землей!

Возвей сей прахъ, о вѣтръ унылый
Онъ мертвъ, онъ хладенъ, ужасъ въ немъ!
— Иль оживись ты прахъ огнемъ,
Которымъ я къ тебѣ пылаю.
Что я? — напрасно изступаю.
Завянь цвѣтокъ, — завянь скорѣй,
Сравняйся съ участью моей. —
Иль нѣтъ! цвѣти, цвѣти, доколѣ
Ношу я бремя тяжкихъ лѣтъ. —
Мой другъ — доколь въ лѣсахъ и въ полѣ
Не порастетъ травой мой слѣдъ! —

Ф. Львовъ.

РУЧЕЙ.

Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,
Ручей! — долинъ товарищъ вѣрный,
Не кройся, не бѣги въ кусты,
О! какъ твой видъ меня плѣняетъ!

Краса Небесъ въ тебѣ сіяетъ!
Влюбляешь и бездушныхъ ты!
Утесисты скалы кремнисты
Не наглядятся на тебя,
Цвѣты румяные, душисты,
Твое сосѣдство полюбя,
Живутъ вокругъ тебя сѣмьями;
А ты алмазными струями,
Обогативъ цвѣтной народъ,

И разновидный сельскій родъ,
Бѣжишь самъ отъ своихъ щедротъ!
Красавецъ рѣзвый, безпримѣрный,
Любовникъ сельской красоты,
Ручей! — долинъ товарищъ вѣрный,
Не кройся, не бѣги въ кусты.

Но ты бѣжишь ручей жестокій!
Бѣжишь, не внемлешь ты рѣчей!
Чрезъ камни скачешь ты высоки,
Лишь сыплешь жемчуги съ кудрей.
Бѣжишь! — и грусть во мнѣ рождаешь;
Полетъ моихъ крылатыхъ дней
Ты быстротой напоминаешь,
Ручей! за тѣмъ ли я пришелъ?

Съ такой же быстротой прелестной
И я съ друзьями дни провелъ!
Съ такою же свободой лестной
Я жилъ, — и говорить умѣлъ!
А нынѣ, я въ разлукѣ съ ними!
О ручеекъ неутомимый! —
Пугаешь ты меня струей,
Бѣжишь! и нѣтъ возврата ей!
И терема мнѣ всѣ постыли!
Они темница безъ друзей.
Я въ лѣсъ? — и стонъ моихъ рѣчей
Скрыпучи сосны повторили.
Твои красы меня плѣнили,
Пришелъ къ тебѣ? — и ты ручей,

И ты тревожишь духъ унылый!....
Вездѣ несносно безъ друзей!

Но естьлибъ чудною Судьбою,
Ручей ты прекратилъ свой бѣгъ;
Чтобъ вышло изъ твоихъ утѣхъ?
Опушанъ острой осокою,
Ты бы въ темницѣ изсыхалъ;
Тебябъ и вѣтеръ всюды гналъ!
Сребристый твой народъ крылатый
Разсыпанный по берегамъ,
Достался бъ птицамъ да звѣрямъ! —
И гдѣ въ день жаркій взять прохлады,
Когда кристальны водопады
Въ твоихъ прозрачныхъ теремахъ,
Предъ Солнцемъ превратятся въ прахъ? ....
Прохожій жаромъ удрученный
Пришедъ къ тебѣ почти безъ силъ,
Вздохнетъ, — и въ путь пойдетъ унылъ!

Ахъ нѣтъ Ручей! — Ручей безцѣнный
Не становись, — нѣтъ, — Богъ съ тобой!
Бѣги, шуми, рѣзвись съ весной
Мое желанье безразсудно.
Мы часто, полны суетой
Хотимъ того, что вредно, трудно.

Когдажь любимые мои
По прежнему ко мнѣ слѣтятся,
Мои унылы, темны дни,
Тогда, какъ Солнцемъ освѣтятся!

Тогда, и ты Ручей драгой
Теки по тише какъ возможно,
И радости моей неложной
Не заглушай твоей волной.
Тогда взыграю я съ тобой
Какъ серна на горахъ дубровы;
Или какъ ты, когда весной
Разрушивъ зимнія оковы,
Течешь въ твои предѣлы новы,
Съ горы стремглавъ лѣтишь на лугъ,
Лѣтишь! и съ шумомъ камни роешь,
Сребристой пѣной путь свой кроешь,
Блестящій мечешь въ верьхъ жемчугъ.

Ф. Львовъ.

КРАТКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ

О

ГОРАЦІѢ.

Я переводилъ Горація съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выдать книгу полезную для училищъ и вообще для упражняющихся въ Латинской словесности: читалъ же первую Сатиру въ Бесѣдѣ, убѣжденъ будучи къ тому почтенными Сочленами моими. Теперь издаю ее какъ образчикъ труда моего, съ подлинникомъ и примѣчаніями, приглашая Просвѣщенныхъ знатоковъ и любителей Латинскаго языка, показать мнѣ ошибки и недостатки мои. Ихъ наставленія я пріиму съ благодарностію; и прочія всѣ Сатиры, поочередно, такому же суду охотно подвергать буду, до тѣхъ поръ пока очистивъ ихъ отъ погрѣшностей и надеженъ на себя одобреніемъ безпристрастной критики, я издамъ полный трудъ мой достойнымъ цѣли которую себѣ предположилъ.

Муравьевъ-Апостолъ.

NB. Краткое разсужденіе о Горацiѣ написано мною только для Бесѣды: оно служило вступленіемъ къ чтенію Сатиры.

КРАТКОЕ РАЗСУЖДЕНІЕ О ГОРАЦІѢ.

Горацій, коего имя обыкновенно возбуждаетъ въ воображеніи нашемъ понятія о высочайшемъ степени совершенства въ лирической поэзіи, не только какъ соревнователь Пиндара, но и какъ Философъ заслуживаетъ удивленіе наше и почтеніе. Въ немъ природа кажется хотѣла; какъ будтобы любуясь твореніемъ своимъ, показать явленіе самое рѣдкое: совокупленіе изьящности даровъ между собою противоположнѣйшихъ — воображенія и разсудка. Между тѣмъ какъ Горацій, съ лирою въ рукахъ восхищаетъ слушателя и вводитъ его за собою въ сонмъ Боговъ на Олимпѣ; — представляетъ добродѣтельнаго мужа непоколебимо стоящаго посреди разрушенія міровъ; а) — или увѣнчанный розами и плющемъ, плѣняетъ то веселымъ голосомъ Анакреонта, то сладкимъ пѣніемъ

а) Si fractus illabatur orbis
Impavidum ferient ruinæ. — Horat: Carm:
Lib III. Ode 3.

на Ладу Лезвійской пѣвицы: въ Сатирахъ и посланіяхъ своихъ онъ является мудрецомъ глубокимъ, но кроткимъ и всегда любезнымъ; играющимъ, какъ говоритъ о немъ Персій, около сердца человѣческаго; а) и который конечно, кромѣ Сократа, ни кому не уступаетъ пальму философіи.

Приготовленъ раннимъ испытаніемъ превратностей щастія, изученъ благонравію въ училищѣ злополучія, ь) онъ правила свои составилъ на тонкомъ на-

---

а) Omne vafer vitium ridenti Flaccus amico
Tangit, et admissus circum præcordia ludit. —
Persii Satira I. v. 116.

ь) Горацій 22 лѣтъ присталъ къ Бруту и Кассію; служилъ въ ихъ войскѣ Трибуномъ военнымъ; но по разбитіи оныхъ на поляхъ Филипійскихъ, бѣжалъ и возвратясь въ Римъ долго принужденъ былъ искать пропитанія въ отправленіи должности Квесторскаго писаря. Такимъ образомъ, отъ самыхъ юныхъ лѣтъ гонимъ судьбою, онъ не прежде испыталъ благопріятство щастія какъ на 30 году жизни своей, когда съ Меценатомъ познакомился.

блюденіи человѣка въ обществѣ, и презрѣвъ слѣдовать рабски за тѣмъ или другимъ изъ основателей философскихъ Сектъ, а) бралъ золото гдѣ находилъ его, и срывалъ цвѣты гдѣ бы ни встрѣчалъ ихъ, въ саду ли Эпикура или Академіи. Такимъ образомъ Сатиры его и посланія составили полный и прекраснѣйшій кругъ ученія нравственной философіи, тѣмъ болѣе плѣняющей насъ, что проповѣдникъ оной не есть отвратительный Циникъ, или угрюмый мудрецъ, скрывающій подъ грубымъ плащемъ слабости свои и спѣсь; но остроумный, тонкій, ловкій придворный человѣкъ, въ устахъ коего истинна становится любезнѣе и добродѣтель крашѣ.

Сколь ни различны между собою предметы размышленій Горація, сколько ни разнообразны краски имъ въ картинахъ его употребляемыя, мы однакоже нахо-

---

a) Ac ne forte roges, quo me duce, quo lare tuter.
Nullius addictus jurare in verba magistri,
Quo me cunque rapit tempestas, deferor hospes.
Hor. Ep: Lib: 1 Ep: 1 vers: 13.

*

димъ въ немъ главную, господствующую мысль, которая, хотя подъ разными видами, но всегда и вездѣ неизмѣнною представляется, не только въ философическихъ, но и въ лирическихъ твореніяхъ его. Мысль сія можетъ послужить опредѣленіемъ философіи его, и вотъ она: — „*Спокойствіе духа и независимость* „суть верховныя блага человѣка; *умѣ-* „*ренность* есть вернѣйшій способъ къ „достиженію оныхъ.“

Правилу сему Горацій во всю жизнь свою ни разу не измѣнилъ. Любимецъ Октавія, другъ Мецената, живущій по среди пышностей столицы — и какой столицы! — Рима; во времена Августовы, въ столѣпіи столько же просвѣщенномъ, какъ и развратномъ, онъ по уму и вкусу только современникъ былъ вѣка своего, по умѣренности же и простотѣ нравовъ, достоинъ былъ бы жить вмѣстѣ съ Сципіонами и Камилломъ.

„Землицы уголокъ„ а) было все желаніе Горація: онъ получилъ его отъ

а) Hoc erat in votis. modus agri non ita magnus.
Hor. Serm. Lib. II. Sat. 6.

друга и покровителя, и болѣе уже ни чего не искалъ. Часто удаляясь отъ шума городскаго онъ скрывался въ *Тибурскомъ* домикѣ своемъ, увѣковѣченномъ лирою его, но котораго теперь на землѣ и слѣда не осталось. Не менѣе того, просвѣщенный путешественникъ, посѣщая новѣйшій *Тиволи*, любитъ и поднесь скитаясь по горамъ *Сабинскимъ*, при каждомъ восхитительномъ мѣстоположеніи, мечтать, что можетъ быть тутъ стоялъ сельскій домикъ Поэта-Философа, можетъ быть тутъ, упоенный щастіемъ *независимости* и *спокойствія*, онъ писалъ къ другу своему Гросфу:

„Блаженъ, кто въ тихой, низкой долѣ,
„Богатъ умѣетъ малымъ быть;
„Стяжать себѣ не хочетъ болѣ,
„Какъ чѣмъ лишь скромно вѣкъ прожить.
„Хлѣбъ-соль простая, угощенье;
„Стола опрятна украшенье,
„Солонка дѣдовска одна:
„Но алчность почестей и власти,
„Ни жадность лихоимной страсти
„Не возмущаютъ легка сна.„ — а)

а) Horat. Carm. Lib. II. ode XVI.

Сіи-то пороки: *алчность къ почестямъ* и *жадность къ богатству* суть предметы первой сатиры, коей переводъ я осмѣливаюсь читать въ Бесѣдѣ. Не входя о ней теперь въ подробности, на кои я осудилъ себя какъ толкователь Горація, скажу только нѣчто о догадкахъ моихъ — по чему Горацій посвящаетъ Сатиру сію Меценату? — По тому ли только что онъ и первую оду ему же посвятилъ? — Посмотримъ.

Характеръ Мецената столько извѣстенъ въ Исторіи, что лишнее былобы и говорить о немъ; но здѣсь должно напомнить, что посреди господствующихъ въ Римѣ пороковъ, наперстникъ и другъ Октавія ознаменовалъ себя умѣренностію. Довольный состояніемъ своимъ, онъ не искалъ приращенія богатствъ и не хотѣлъ промѣнять свободу частнаго человѣка на всѣ почести коими охотно бы украсилъ его Августъ. — „*Умно живешь естьли умѣешь быть доволенъ участію своею!* — говоритъ Горацій Ари-

стіу а) и ни кто истинну сказанія сего лучше Мецената не оправдалъ. Я воображаю себѣ, что раздѣляя свободные часы съ Виргиліемъ, Варріемъ, Гораціемъ и прочими Музъ и его любимцами, ему случалось съ удовольствіемъ обращать рѣчь на самаго себя и говорить. — „Я бы могъ утроить дохо„ды мои; не выѣзжая изъ Рима управ„лять провинціями и накопить огром„ныя сокровища: — но къ чему лиш„нее богатство! — Я цѣню деньги толь„ко по наслажденіямъ которыя онѣ до„ставлять могутъ; и по мнѣ довольно „того что мнѣ осталось послѣ отца. „Также отъ меня бы зависило быть „Консуломъ и съ Государемъ раздѣлять „верховную власть въ Республикѣ: Но „я и того не захотѣлъ; ибо въ *широкой „пурпуровой каймѣ* b), я вижу только при„бавку заботъ и безпокойствъ. Въ Ры„царскомъ состояніи я родился, и въ

---

a) Lætus sorte tua vives sapienter Aristi; — Hor: Ep: Lib: 1. Ep: X. vers: 44.

b) Широкая пурпуровая кайма, которою въ два ряда обшивалось платье верховныхъ чинов-

„немъ умру: люблю Октавія, пользуюсь „его довѣренностію — вотъ мои поче- „сти; раздѣляя же съ нимъ попеченія о „правительствѣ, я не служу и свободы „не теряю; но угождаю другу, коего „честь и слава мнѣ драгоцѣннѣе всего „на свѣтѣ“ — Такой или подобный сему разговоръ, легко могъ удостовѣрить тонкаго, придворнаго человѣка, каковъ былъ Горацій, что похвала на счетъ умѣренности не противна будетъ покровителю его. — Другой бы сказалъ: — „Меценатъ ты прямо философъ! тебя „не прельщаютъ ни почести ни богат- „ство“ — Горацій искуснѣе хвалить умѣетъ. Изслѣдывая загадку сердца человѣческаго, которое ни какимъ состояніемъ довольно быть не можетъ, онъ съ умысломъ проситъ разрѣшенія у того, который имянно ознаменовалъ себя умѣренностію въ желаніяхъ. — Вотъ мое заключеніе, и теперь приступаю къ переводу Сатиры, къ коему напередъ

никовъ въ Римской республикѣ, называлась Laticlavium. — Angusticlavium, такая же койма поуже, принадлежала низшимъ чинамъ.

испрашиваю все снисхожденіе, какъ не къ совершенному труду и слабому, который я предпринялъ не изъ славолюбія, но для пользы сограждан моихъ упражняющихся въ Латинской словесности.

SATIRA I.

Qui fit, Mæcenas, ut nemo quam sibi sortem
Seu ratio dederit, seu fors objecerit, illâ
Contentus vivat, laudet diversa sequentes?
„O fortunati mercatores! „gravis armis
Miles ait, multo jam fractus membra labore.
Contra mercator, navim jactantibus austris,
„Militia est potior: quid enim? concurritur; horæ
„Momento cita mors venit, aut victoria læta".
Agricolam laudat juris legumque peritus,
Sub galli cantum consultor ubi ostia pulsat.
Ille datis vadibus qui rure extractus in urbem est,
Solos felices viventes clamat in urbe.
Cætera de genere hoc, adeo sunt multa, loquacem
Delassare valent Fabium. Ne te morer, audi

САТИРА I.

Скажи мнѣ, Меценатъ, отъ чего нѣтъ ни однаго человѣка довольнаго участію своею? — Судьбою ли опредѣлена ему, или самъ избралъ ее, всякой завидуетъ чужой и жалуется на свою. — „Щастливы купцы“! говоритъ обремененный оружіемъ, во многихъ трудныхъ походахъ изувѣченный воинъ. А купецъ, когда бурею бросаетъ корабль его кричитъ „не лучшели воинская жизнь! и „впрямъ! сразятся? минута все рѣшитъ: „смерть, иль радостная побѣда.“ Стряпчій, когда до пѣтуховъ стучится у воротъ его челобитчикъ, завидуетъ сельскимъ жителямъ: поселянинъ же отъ хозяйства отвлеченный и находящійся по поручительству въ Римѣ, почитаетъ щастливыми однихъ только горожанъ. Сего рода людей такое множество, что и болтливый *Фабій* усталъ бы щипая ихъ. И такъ чтобы не наскучить тебѣ, вотъ вкратцѣ то къ чему я рѣчь клоню. — Когда бы нѣкій

Quò rem deducam. Si quis Deus" En ego", dicat,
„Jam faciam quod vultis: eris tu, qui modò miles,
„Mercator: tu, consultus modò, rusticus; hinc vos,
„Vos hinc, mutatis discedite partibus. Eja!
„Quid statis? „Nolint. Atqui licet esse beatis.
Quid causæ est meritò quin illis Iuppiter ambas
Iratus buccas inflet, neque se fore posthac
Tam facilem dicat votis ut præbeat aurem? —
Prætereo .... ne sic, ut qui jocularia, ridens
Percurram: quamquam ridentem dicere verum
Quid vetat? ut pueris olim dant crustula blandi
Doctores, elementa velint ut discere prima:
Sed tamen amoto quæramus seria ludo.
Ille gravem duro terram qui vertit aratro,
Perfidus hic caupo, miles, nautæque per omne

Богъ сказалъ имъ: „я желанія ваши ис-„полню; воинъ, будь купцомъ; а ты „стряпчій земледѣльцомъ; ты тѣмъ — „ты другимъ — идите и размѣняйтесь „вашими званіями ..... Ну что же вы „стали?“ — Нейдутъ! а отъ нихъ зависитъ быть щастливыми. Не въ правѣ ли былъ бы тогда прогнѣванный Юпитеръ надуть губы и обьявить имъ, что впредь не такъ-то легко станетъ онъ къ молитвамъ приклонять ухо ..... Однакожъ лучше промолчу. На счетъ сей шутить не ловко; хотя впрочемъ, что мѣшаетъ смѣючись, сказать правду? развѣ ласковые учители не заманиваютъ дѣтей пряниками азбукѣ учиться? — но теперь отложа шутки на сторону, поговоримъ о дѣлѣ.

Тотъ кто тяжелымъ плугомъ взворачиваетъ затвердѣлую землю; обманщикъ торгашь, воинъ, купецъ отважно моря преплывающій — всѣ говорятъ, что трудятся изъ того, чтобы запасясь чѣмъ жить, провести старость въ спокойствіи и безъ нужды. Такимъ образомъ: (у нихъ тотъ часъ и примѣръ

Audaces mare qui currunt, hâc mente laborem
Sese ferre, senes ut in otia tuta recedant,
Ajunt, quum sibi sint congesta cibaria: sicut
Parvula, (nam exemplo est) magni formica laboris
Ore trahit quodcunque potest, atque addit acervo
Quem struit, haud ignara ac non incauta futuri.
Quæ, simul inversum contristat Aquarius annum,
Non usquam prorepit, et illis utitur antè
Quæsitis sapiens: quum te neque fervidus æstus
Dimoveat lucro, neque hiems, ignis, mare, ferrum;
Nil obstet tibi, dum ne sit te ditior alter.
Quid juvat immensum te argenti pondus et auri
Furtim defossâ timidum deponere terrâ?
Quod si comminuas, vilem redigatur ad assem.
At, ni id fit, quid habet pulchri constructus acervus?

готовъ): муравей, малая тварь, но удивительная трудолюбіемъ, тащитъ рпомъ все что сможетъ, и складываетъ въ кучу, которую готовитъ предвидя время, когда запасъ пригодится. — Но муравьи какъ скоро водолей польетъ дожди и опечалитъ землю, ни куда не вылазятъ, благоразумно пользуясь тѣмъ, что во время запасли: а тебя ни лѣтній зной, ни морозъ, ни огонь, ни море, ни мечь отъ корысти не отвращаютъ, и ни что не воспретитъ тебѣ трудиться для того чтобы превзойти богатствомъ всѣхъ! Какая польза тебѣ въ огромной кучѣ золота и серебра, которую ты украдкою и съ трепетомъ зарываешь въ землю? — *Когда станешь брать изъ нее, то не останется и гроша* — Естьли же не для того, чтобы брать изъ нее, то что за прелесть въ накопленной громадѣ? Хотя бы у тебя на гумнѣ молотилось сто тысячь четвертей пшеницы, желудокъ твой не болѣе прійметъ моего: такъ естьлибъ ты въ числѣ рабовъ на пути, несъ корзину съ хлѣбомъ, ты не болѣе получалъ бы того, кото-

Millia frumenti tua triverit area centum;
Non tuus hoc capiet venter plus quam meus: ut, si
Reticulum panis venales inter onusto
Forte vehas humero, nihilo plus accipias quàm
Qui nil portârit. Vel dic, quid referat intra
Naturæ fines viventi, jugera centum, an
Mille aret?— *At suave est ex magno tollere acervo.*
Dum ex parvo nobis tantumdem haurire relinquas,
Cur tua plus laudes cumeris granaria nostris?
Ut, tibi si sit opus liquidi non amplius urnâ,
Vel cyatho, et dicas: Magno de flumine mallem,
Quàm ex hoc fonticulo tantùmdem sumere. Eò fit
Plenior ut si quos delectet copia justo,
Cum ripâ simul avulsos ferat Aufidus acer.
At qui tantulo eget quanto est opus, is neque limo
Turbatam haurit aquam, neque vitam amittit in undis.

рый идетъ безъ ноши. И скажи: человѣку живущему въ предѣлахъ природою положенныхъ, не все ли равно пахать на тысячѣ или на стѣ десятинахъ земли? — „*А все таки пріятнѣе брать изъ большой кучи.*“ — Но лишь бы ты позволилъ мнѣ брать изъ малой, то я не знаю, по чему ты предпочитаешь житницы свои моему закрому? Естьлибы тебѣ понадобилось вѣдро или еще менѣе того, стаканъ воды, а ты бы сказалъ: я лучше почерпну изъ большой рѣки, чѣмъ изъ этого маленькаго ручейка: чтоже выйдетъ изъ того? алчущаго имѣть болѣе чѣмъ по справедливости потребно, свирѣпый Ауфидъ вмѣстѣ съ берегомъ снесетъ; а желающій удовлетворить одной нуждѣ, не черпаетъ илистой, мутной воды, и въ рѣкѣ не утонетъ.

Но большая часть людей, обманутая лакомствомъ къ богатству, безпрестанно твердитъ: „не льзя быть довольно богатымъ; всякому цѣна по деньгамъ его.“ — Что съ таковыми дѣлать? Оставить ихъ нещастными, когда произвольно терпятъ мученіе. Въ Аѳинахъ былъ

At bona pars hominum decepta cupidine falso,
Nil satis est, inquit; quia tanti, quantum habeas, sis.
Quid facias illi? jubeas miserum esse libenter
Quatenus id facit: ut quidam memoratur Athenis,
Sordidus ac dives, populi contemnere voces
Sic solitus: „Populus me sibilat; at mihi plaudo
„Ipse domi, simul ac nummos contemplor in arcâ.“
Tantalus a labris sitiens fugientia captat
Flumina .... Quid rides? mutato nomine de te
Fabula narratur: congestis undique saccis
Indormis inhians, et tamquam parcere sacris
Cogeris, aut pictis tamquam gaudere tabellis.
Nescis quo valeat nummus, quem præbeat usum?
Panis ematur, olus, vini sextarius: adde,
Queis humana sibi doleat natura negatis.

сказываютъ, нѣкто богатый скряга, который на ругательныя рѣчи народа, обыкновенно возражалъ: „народъ меня „освистываетъ; но я будучи дома, самъ „себѣ въ ладоши бью, какъ скоро увижу „деньги въ сундукѣ.“

Жаждущій Танталъ старается хлѣбнуть струи отъ устъ его утекающей ..... Чему же ты смѣешся? — перемѣни только имя: Баснь о тебѣ говорится. На мѣшкахъ всячески накопленныхъ, ты лежишь разиня жадный ротъ, хранишь ихъ какъ святыню, или любуешся ими какъ живописными картинами. — Знаешь ли на что надобны деньги? — на какое употребленіе? — на хлѣбъ, на овощи, на бутылку вина, и на прочія необходимости, въ коихъ человѣческой природѣ безъ оскорбленія отказать не можно. А не спать отъ страха, бояться воровъ, пожара, слугъ чтобъ обокравъ не сбѣжали — ужель, ето наслажденіе? — такому богатству я всегда предпочту бѣднѣйшую участь.

Но буде случится что лихорадка тебя схватитъ, или отъ другой какой болѣзни

*

An vigilare metu exanimem, noctesque diesque
Formidare malos fures, incendia, servos,
Ne te compilent fugientes, hoc juvat? horum
Semper ego optarim pauperrimus esse bonorum. —
At, si condoluit tentatum frigore corpus,
Aut alius casus lecto te affixit, habes qui
Assideat, fomenta paret, medicum roget, ut te
Suscitet, ac reddat natis carisque propinquis...—
Non uxor salvum te vult, non filius: omnes
Vicini oderunt, noti, pueri atque puellæ.
Miraris, quum tu argento post omnia ponas,
Si nemo præstet, quem non mereare, amorem?
An, si cognatos, nullo natura labore
Quos tibi dat, retinere velis, servareque amicos,
Infelix operam perdas, ut si quis asellum
In campo doceat parentem currere frænis.
Denique sit finis quærendi; quoque habeas plus,
Pauperiem metuas minus, et finire laborem

слажешь; тогда надобно имѣть человѣка, которой бы захотѣлъ посидѣть надъ тобою, приготовлять припарки, упрашивать лѣкаря, чтобы онъ вылѣчилъ тебя и возвратилъ семейству и роднымъ .....

Ни жена твоя, ни сынъ не желаютъ твоего выздоровленія: сосѣди и знакомые, мальчишки и дѣвчонки, всѣ тебя ненавидятъ. Предпочитая деньги всему на свѣтѣ не удивляйся что тебѣ друзей нажить не возможно; и естьлибъ ты захотѣлъ удержать себѣ любовъ родственниковъ, коихъ тебѣ природа даровала, безъ всякихъ твоихъ заслугъ, трудъ твой будетъ столько же напрасенъ, какъ естьлибъ кто вздумалъ выѣзжать осленка на Марсовомъ полѣ и заставлять его повиноваться уздѣ.

Наконецъ, пора и копить перестать: чѣмъ ты болѣе имѣешь, тѣмъ менѣе долженъ опасаться бѣдности; и стяжавъ то, чего съ такою жадностію желалъ, время опочить отъ трудовъ. А то что бы не случилось съ тобою тоже, что съ нѣкоторымъ Уммидіемъ. Повѣсть не длинна — онъ былъ такъ

Incipias, parto quod avebas; ne facias quod
Ummidius quidam, non longa est fabula, dives
Ut metiretur nummos; ita sordidus, ut se
Non umquam servo melius vestiret; ad usque
Supremum tempus, ne se penuria victûs
Opprimeret, metuebat. At hunc liberta securi
Divisit medium, fortissa Tyndaridarum. —
Quid mî igitur suades? ut vivam Naevius? aut sic
Ut Nomentanus? — Pergis pugnantia secum Frontibus adversis componere.
Non ego, avarum
Quum veto te fieri, vappam jubeo ac nebulonem.
Est inter Tanaim quiddam socerumque Viselli.
Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque nequit consistere rectum.
Illuc, unde abii, redeo. Nemon'ut avarus
Se probet, at potiùs laudet diversa sequentes?

богатъ, что деньги мѣрилъ четверика-ми; и такъ скупъ, что одѣвался не луч-ше рабовъ своихъ; а все отъ того, что до послѣдней минуты жизни боялся чтобъ оскудѣвъ не умереть съ голоду: — отпущенница его, отважнѣйшая изъ Тиндаридъ, пополамъ раскроила его то-поромъ.

Что же ты мнѣ совѣтуешь? такъ ли жить какъ Невій или какъ Номентанъ? — Ты бросаешся изъ одной крайности въ другую: запрещая тебѣ быть скупымъ, я не велю дѣлаться ни мотомъ, ни не-годяемъ. Между *Танаисомъ* и тестемъ *Визеллія* есть то, что называется се-редка на половинѣ: всему есть мѣра и предѣлъ; въ переди которыхъ и позади добра не бываетъ.

Но возвратимся къ тому, съ чего на-чали: — не всякой ли, подобно скупому, ни чѣмъ насытиться не можетъ? Гну-шается своею участью и выхваляетъ только чужую? чахнетъ отъ того, что у сосѣда коза даетъ болѣе молока? Не сравниваетъ себя съ большею толпою бѣдныхъ? и все того или другаго пре-

Quodque aliena capella gerat distentius uber,
Tabescat? neque se majori pauperiorum
Turbæ comparet? hunc atque hunc superare laboret?
Sic festinanti semper locupletior obstat:
Ut, quum carceribus missos rapit ungula currus,
Instat equis auriga suos vincentibus, illum
Præteritum temnens extremos inter euntem.
Inde fit ut rarò, qui se vixisse beatum
Dicat, et exacto contentus tempore vitæ
Cedat uti conviva satur, reperire queamus.
Jam satis est: neme, Crispini scrinia, lippum
Compilasse putes, verbum non ampliús addam.

взойти старается? — но въ сей ретивости всегда богатѣйшій препоною на встрѣчу. Подобно отъ ристалищной черты, когда колесницы въ бѣгъ устремляются, возница погоняетъ коней и презирая отставшихъ, переднихъ только обогнать желаетъ. — Отъ того-то рѣдко находится кто бы могъ сказать:— *я пожилъ щастливо*; и чтобъ при концѣ жизни оставилъ ее такъ какъ сытый гость встаетъ изъ-за стола ..... Но полно; ни слова болѣе: чтобы ты не подумалъ, что я сослѣпа обокралъ *Криспинова* шестрадникъ.

Примѣчанія на 1 Сатиру.

Satira — Сатира — на Латинскомъ языкѣ имѣетъ значеніе весьма схожее на то что по Французски называется: Pot-pouri — смѣсь всякой всячины. Въ такомъ смыслѣ и Ювеналъ опредѣляетъ ее, называя книгу свою Farrago, то есть, сѣмена разнаго хлѣба смѣшанныя вмѣстѣ:

Quidquid agunt homines, votum, timor ira, voluptas,
Gaudia, discursus, nostri est farrago libelli.
Stat: I. vers. 85.

„Все что ни бываетъ съ людьми, на-
„дежда ихъ и страхъ, любовь и нена-
„висть, веселья, безпокойства, *какъ смѣсь*
„*разныхъ сѣмянъ* найдутся въ моей
„книжкѣ.“

Названіе Сатиры происходитъ безъ всякаго сомнѣнія отъ слова Satur — сытый, насыщенный. Отъ него, блюдо наполненное разными плодами, приносимое на олтари Вакха и Кереры, называлось: Lanx satura. А въ переносномъ смыслѣ и родъ сочиненія въ коемъ всякая всячина могла находиться: — sa-

tura или satira, поелику буква *u* часто на Латинскомъ языкѣ измѣнялась на *i*, что мы видимъ въ правописаніи Цицерона, Саллустія и проч. которые кажется съ умысломъ сохраняли Археизмъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на прим: Pessumus, optumus, maxumus, etc. вмѣсто Pessimus, optimus, maximus — или Purrhus, Sulla, Phruges вмѣсто Pyrrus, Sylla, Phryges. —

Ст: 2 Seu ratio dederit seu fors objecerit — *судьбою ли назначена ему или самъ избралъ ее.* — Родъ жизни нашей опредѣляется или выборомъ или случаемъ. — Разсудокъ избирая родъ жизни, намъ даетъ его — ratio dat. — Случай на удачу вынимая, какъ будто бросаетъ его къ намъ на встрѣчу — fors objicit. Читатель легко примѣтитъ что хотя я выразилъ мысль Горація, но не въ силахъ былъ сохранить красоту въ выборѣ словъ его. — Подлинникъ картина, переводъ мой рисунокъ: щастливъ, естьли хотя

въ рисункѣ буду вѣренъ! — по немъ кто ни будь удачливѣе меня и то выразитъ, что я только чувствовать умѣлъ. —

Стр: 4 Gravis armis — *обремененный оружіемъ.* Во всѣхъ изданіяхъ, кромѣ одного, gravis annis — лѣтами отягченный. Я слѣдую первому по двумъ причинамъ 1) Что отягченный лѣтами воинъ въ Августово царствованіе быть не могъ, ибо за 46 лѣтъ воина въ службѣ не держали — 2) Что намѣреніе Горація состоитъ въ томъ, что бы изобразить людей сѣтующихъ на участь свою въ однихъ только затруднительныхъ обстоятельствахъ; какъ на примѣръ купца, во время бури — стряпчаго, когда будятъ его до свѣта и пр. — которые, какъ скоро досада минетъ, и не думаютъ уже разставаться съ жребіемъ своимъ. — Я теперь спрашиваю: идетъ ли подъ стать къ таковымъ воинъ престарѣлый, при

концѣ жизни? и ему ли не помѣняться участію по предложенію Юпитера? Естьли сего мало, то посмотримъ что далѣе скажутъ всѣ сіи люди негодующіе на участь свою, когда Горацій спроситъ ихъ изъ чего вы такъ мучитесь? — изъ того, скажутъ они, чтобы подъ старость жить безъ нужды. — Тутъ былобы противурѣчіе въ смыслѣ, естьлибъ отягченный лѣтами воинъ думалъ еще заготовлять чѣмъ жить подъ старость, тогда, какъ онъ уже не только старъ, но и дряхлъ. Все сіе понудило меня принять armis вмѣсто annis, наипаче же когда вспомнилъ какою ношею обремененъ былъ Римской солдатъ. Кромѣ оружія, которое состояло изъ доспѣхъ, шлема, щита, мѣча, копья, дротиковъ, колчана и стрѣлъ; онъ несъ на себѣ, хлѣба на двѣ недѣли, а иногда на цѣлый мѣсяцъ; котелъ, вѣртѣлъ, пилу, топоръ, заступъ, цѣпь, ко-

су, веревку, корзйну и не рѣдко до 12 кольевъ.

Стр: 9 Juris legumque peritus въ *правахъ и законахъ искусный* — Я перевелъ *Стряпчимъ*; но прошу читателя не принимать его въ томъ смыслѣ, въ которомъ ввело его употребленіе на нашемъ языкѣ, а вспомнить то, что въ Римѣ защищать право Гражданина, была священнѣйшая обязанность Патриція къ Кліенту его.—Цицеронъ въ рѣчи за Мурену говоритъ: Vigilas tu de nocte ut consultoribus tuis respondeas. „Ты по ночамъ „не спишь, чтобъ отвѣчать про„сящимъ у тебя совѣта.“ Изъ новѣйшихъ Государствъ, въ одной Англіи Attorney — имѣетъ то достоинство, которое бы вездѣ должно было принадлежать человѣку посвятившему себя на защиту правъ Гражданина противу насильства и клеветы.

Стр: 11 Datis vatibus — *по поручительству* — Vades — поруки, обяза-

ны были, въ случаѣ неустойки того за кого ручались, въ срокъ являться сами за него въ судъ, для отвѣта по тяжбѣ или заплаты по долгамъ.

Стр: 14 Loquacem Fabium — *болтливый Фабій*, родомъ былъ изъ Нарбоны и написалъ множество книгъ о Стоической Философіи: — какъ же Горацію его не зацѣпить?

Стр: 18 Mutatis discedite partibus — Я перевелъ *помѣняйтесь вашими званіями*: а должно бы *лицами*, ибо partes здѣсь значитъ *лице* (дѣйствующее) — Метафора взятая отъ театра; какъ будто бы Юпитеръ сказалъ: ступайте за кулисы и помѣняйтесь ролями: — но поелику у насъ *Лице* въ переносномъ смыслѣ не принято, то я избѣгая темноты и не употребилъ его.

Стр: 21 Ambas buccas inflet — отъ слова: *надуть обѣ щеки* значитъ то, что на нашемъ языкѣ: надуть губы, разсердиться. Естьли кто скажетъ что *надуть губы* не упот-

ребляется въ благородномъ слогѣ, я буду отвѣчать что и на Латинскомъ buccas inflare также низкому слогу принадлежитъ; а долгъ переводчика выражать не только слова, но такъ сказать и голосъ, которымъ они выговорены въ подлинникѣ. Впрочемъ не надобно выпускать изъ глазъ что Горацій въ Сатирахъ не тотъ что въ одахъ; онъ самъ про себя говоритъ:

Primum ego me illorum, dederim qui-
bus esse Pòétas
Excerpam numero: neque enim concludere versum.
Dixeris esse satis; *neque si quis scribat, uti nos,*
Sermoni propiora, putes hunc esse pòétam. — Sat: IV. vers. 39.

„Во первыхъ, я себя не ставлю въ число тѣхъ, которыхъ признаю стихотворцами. Чтобы назвать кого поэтомъ не довольно еще того чтобы онъ умѣлъ въ мѣру стихи сплѣтать, *такіе какъ мои, на примѣръ, которые всего бли-*

„*же подходятъ къ простой обыкно-*
„*венной рѣчи.*“

Стр: 23 Prætereo. — Я и въ семъ мѣстѣ не слѣдую большой части изданій Горація и вмѣсто нарѣчія: Prætereà, ставлю глаголъ Prætereo. Признаюсь что въ нарѣчіи я ни какого смысла не нахожу. Что значитъ *прочее*, о чемъ бы нельзя было въ шутку говорить?– Но замѣтимъ что Горацій здѣсь коснулся до Юпитера, надулъ ему губы — то и весьма къ стати *мимо пройти* — Prætering — то есть: помолчать. Меценатъ и онъ конечно также судили о Юпитерѣ какъ мы теперь о немъ судимъ; не менѣе того благоразуміе требовало отъ писателя уваженія къ народнымъ мнѣніямъ.

Стр: 25 Ut pueris olim — сравненіе сіе придаетъ еще болѣе вѣса заключенію моему въ предидущемъ примѣчаніи; ибо шутъ, безо всякаго сомнѣнія, подражаніе Лукрецію, который точно въ томъ же смы-

слѣ какъ и Горацій употребляетъ слѣдующее сравненіе:

„Sed veluti pueris absinthia tetra medentes
„Cum dare conantur, prius oras, pocula circum
„Contingunt mellis dulci, flavoque liquore,
„Ut puerorum ætas improvida ludificetur
„Labrorum tenus.“ etc. Lib. I. Vers: 936.

„Такъ врачь желающій дать „отроку горькую полынь, сперва „орошаетъ сотомъ края чаши, да„бы обмануть неопытнаго—и пр.“

Ст: 29 Caupo—въ точномъ смыслѣ значитъ: харьчевникъ, особливо того роду, который слѣдуя за войскомъ торгуетъ съѣстными запасами — у насъ *маркитантъ*. —

Ст: 33 Sicut parvula formica — Кантимиръ въ Сат: 5 Ст: 675. такимъ образомъ подражаетъ:

„Малый въ лѣто муравей потѣетъ, томится,
„Зерно за зерномъ таща и наполнять тщится

„Свой амбаръ; когда же міръ унывать безплоденъ
„Мразами начнетъ, съ гнѣзда станетъ не исходенъ,
„Въ зиму наслаждаяся тѣмъ, что нажилъ лѣтомъ.

У древнихъ муравей служилъ въ апологахъ и сравненіяхъ примѣромъ трудолюбія. Не говоря о Эзопѣ, отъ коего Лафонтенъ занялъ свою басню — la Cigale et la fourmie, столь всѣмъ извѣстную, я приведу здѣсь то что Саломонъ пишетъ въ притчахъ кн. VI. „Иди ко мравію, о лениве! и по„ревнуй видѣвъ пути его и буди „онаго мудрѣйшій. Онъ бо, не су„щу ему земледѣльцу, ниже ну„дящаго его имущій, ниже подъ „владыкою сый, готовитъ въ жа„тву пищу и многое въ лѣто тво„ритъ уготованіе.“

Стр. 35 Non incauta futuri — Горацій имѣлъ можетъ быть въ виду прекрасный стихъ 4 кн. Энеиды, въ коемъ Виргилій называетъ мура-

вья „помнющимъ зиму„ — hyemis memores.

Стр: 36 Inversum contristat aquarius annum — вмѣсто: Inversâ urnâ aquarius contristat annum — Примѣръ таковыхъ Гипаллаговъ, часто встрѣчается въ Греческихъ и Латинскихъ Стихотворцахъ — Опрокинутая урна водолея, изъ коей польются дожди на землю и опечалятъ ее — представляетъ весьма живую картину. — Водолей, созвездіе изъ 30 звездъ состоящее, и знакъ Зодіака, въ который солнце вступаетъ въ Генварѣ мѣсяцѣ, когда въ южныхъ странахъ Европы бываютъ проливные дожди.

Стр: 43 Quod si comminuas etc. — Дилемма коею Горацій самъ себѣ возражаетъ. Сей родъ Силлогизма весьма часто встрѣчается въ философическихъ твореніяхъ его. — Обожатель Сократа, не удивительно что онъ изъ школы его занялъ Дилемму.

Стр: 45 Millia frumenti — centum — надобно подразумѣвать *Modiorum* frumenti. Modius — была мѣра хлѣбная, вѣсомъ 25 фунтовъ или полъ-четверика.

Стр: 47 Ut si Reticulum etc. — Древніе Римляне, пускаясь въ отдаленный путь, брали съ собою раба который несъ на себѣ корзину съ съѣстнымъ запасомъ — Reticulum, была корзина или кузовъ изъ лозъ сплетенный, въ которой клали хлѣбъ. — Прекраснѣйшее сравненіе скупаго съ рабомъ обремененнымъ чужими запасами! Можно и вообще сказать, что богатство брѣмя для того кто не умѣетъ имъ пользоваться.

Стр: 50 Intra naturae fines — Довольствоваться тѣмъ безъ чего обойтиться не льзя, называетъ Горацій жить въ предѣлахъ природою положенныхъ. Эпикуръ сказалъ: „Si ad naturam vives, nunquam eris pauper; si ad opinionem, nunquam dives“ Senec: Ep. XVI. „Естьли

„станешь жить какъ природа ве-
„литъ, никогда не будешь бѣденъ;
„естьли же въ угожденіе предраз-
„судкамъ, никогда не будешь бо-
„гатъ.“ — И въ самомъ дѣлѣ какъ опредѣлить богатство, или бѣдность? Гдѣ начинается богатство, и гдѣ кончится бѣдность? — Мы по однимъ отношеніямъ можемъ сказать: — Сей богатѣе, тотъ бѣднѣе; но отнюдь не можемъ опредѣлить кто богатъ, и кто бѣденъ. — Тутъ какъ въ математикѣ, всякая величина произвольно берется за единицу.

Jugerum — отъ слова Jugum, яремъ, произошло Juges, пара воловъ; а отъ сего Jugera, что означаетъ пространство поля, которое пара воловъ можетъ въ одинъ день вспахать. — Въ малороссіи и поднесь народъ измѣряетъ пространство земли не десятинами, а *днями*, то есть: цѣмъ что плугъ можетъ въ одинъ день вспахать. Здѣсь должно за-

мѣстить что слова, латинское Jugum и Руское *иго*, кажется имѣютъ общее произхожденіе.

Стр: 51 At suave est ex magno tollere acervo -- Не противно думаю будетъ читателю видѣть здѣсь какъ мѣсту сему подражалъ старшій Поэтъ нашъ, ученый и остроумный Кантимиръ:

„Скупость, скупость Хрисиппа мучитъ не иное;
„И прячетъ онъ и копитъ денежныя тучи,
„Думая, что изъ большой пріятно брать кучи.
„Но естьли изъ малой я своей получаю,
„Сколько нужно, для чего большую, не знаю
„Предпочитаетъ? Тому подобенъ мнѣ мнится
„Хрисиппъ, кто за чашею одною тащится
„Воды на пространную рѣку, хотя можетъ
„Въ ручейкѣ чисту достать, что ему поможетъ

„Излишность, когда рѣка берегъ подъ ногами
„Подмывъ, съ пескомъ и его покроетъ струями.“

Сат: 3. Ст: 52—62.

Ст: 53 Cumeris — значитъ глиняной сосудъ, въ которомъ бѣдные держали свои запасы—я сказалъ *закромъ*, чтобы противоположить его житницѣ.—

Ст: 54 Urna vel Cyatho—мѣры для жидкостей — Урна, полъ-Амфоры — вмѣщала не много болѣе нашего вѣдра — Сіатъ, маленькая рюмка, 16 доля бутылки.

Ст: 58 Aufidus—Синекдохе—вмѣсто рѣки вообще—Aufidus въ Пулліи называется нынѣ Ofanto—на берегахъ его родился Горацій.

Js neque etc.—Не только что не утонетъ въ рѣкѣ да и мутной воды не напьется. Прекрасное Иносказаніе! Человѣкъ довольствующійся немногимъ, проведетъ жизнь спокойно, и не прекратитъ

ее преждевремянно мученіемъ страстей.

Ст: 62 Tantum quantum habeas sis—Хотя въ томъ нѣтъ сомнѣнія что деньги все дѣлали и дѣлаютъ на свѣтѣ, какъ въ Гораціевы времяна такъ и въ наши; что по его же словамъ кто богатъ, тотъ и знатенъ, и уменъ и пригожъ:

„Scilicet uxorem cum dote, fidemque et amicos,
„Et genus et formam, regina pecunia donat:
„Ac bene nummatum decorat Suadela Venusque."
Epist. Lib. I et VI. vers. 36.

„Царица-деньга, всемъ наградитъ:
„и богатою невѣстою и друзьями,
„уваженіемъ и породою и пригоже-
„ствомъ. — Укого кошелекъ тугъ,
„тотъ и милъ и уменъ."

Однакоже я полагаю что—„Всякому цѣна по деньгамъ его.„ — Здѣсь не въ томъ смыслѣ сказано, въ коемъ Горацій же говоритъ:—„ Ocives, cives, quaerenda „pecunia primum est: Virtus post

„nummos!„—Epist. Lib. 1,—Ep. 1. Vers: 53. „О! Граждане! о добро-„дѣтеляхъ не заботьтеся; денегъ „доставайте!“ — Здѣсь скупый возражаетъ на доводы его; и употребляетъ къ ихъ опроверженію разсужденіе самое основательное для Римскаго Гражданина:—„Что „же бы значилъ я, безъ денегъ?— говоритъ онъ.—„Развѣ не по ихъ „количеству я щитаюсь въ томъ „или другомъ сословіи, и могу „быть избранъ въ Квесторы, Эди-„лы, и даже въ Консулы?—Вотъ по моему мнѣнію настоящій смыслъ: Tantum quantum habeas sis.—Граждане въ Римской Республикѣ раздѣлены были на классы по мѣрѣ ихъ доходовъ. Слѣдственно дабы сдѣлаться способнымъ войти въ сословіе, изъ коего выбирались Чиновники, надобно было стяжать доспаточное къ тому достояніе. Подъ симъ то предлогомъ, который впрочемъ быть можетъ и похваленъ, скупый здѣсь

старается оправдать свое лихоимство.

Ст: 64 Ut quidam etc. — Вѣроятно что подъ симъ *нѣкоторымъ въ Римѣ*, Горацій подразумѣваетъ какого нибудь извѣстнаго скрягу въ Римѣ, котораго не хочетъ назвать по имяни.

Ст: 69 Quid rides? — Быстрый и шутливый поворотъ. — Горацій начинаетъ разказывать извѣстную басню о Тантале: скупый, полагая что послѣднимъ своимъ разсужденіемъ привелъ его въ такое замѣшательство, что ему уже болѣе ничего не оставалось какъ прибѣгнуть къ баснямъ и небылицамъ, — засмѣялся: а Сатирикъ тутъ и подхватываетъ его чтобы выставить на позорищѣ всю гнусность скупости, въ самомъ смѣшномъ и истинномъ ея видѣ.

Ст: 70 Undique — отъ всюду; всякими способами, позволительными и не дозволенными. — Ничего не можетъ быть живѣе сей картины.

Живописцу желающему написать скупаго, непремѣнно должно со вниманіемъ мѣсто сіе прочитать.

Стр: 74 Sextarius — шестая доля *Конгія* (Congius)—вмѣщаетъ 12 Сіаповъ; то что небольшая бутылка.

Стр: 80 At si condoluit etc. — Скупый все еще думаетъ вывернуться. „Съ деньгами, говоритъ онъ, я надѣюсь что въ болѣзняхъ и страданіяхъ меня не покинутъ.“ По его мнѣнію деньгами все можно пріобрѣсть, старанія, услуги и даже *друга*.—Со всѣмъ противное тому что говоритъ Эпикуръ: „non ut „habeam qui mihi aegro assideat, „sed ut habeam aliquem cui ipse „aegro assideam.“

„Не для того ищу друга себѣ, „чтобы онъ надомною больнымъ „сидѣлъ; но чтобъ мнѣ за нимъ „ходить въ болѣзняхъ его.“

Мы должны признаться, что естьли перещеголяли древнихъ въ нѣжности чувствъ любовныхъ, за

то далеко отстали отъ нихъ въ дружествѣ, о коемъ мы почти и понятія того не имѣемъ что оно было у нихъ. Дабы въ истинѣ сей удостовѣриться стоитъ прочитать Цицерона о дружбѣ.

Стр: 88 Nullo natura labore — я понять не могу по чему мѣсто сіе привело въ затрудненіе многихъ толкователей.— Дасье между прочими, на отрѣзъ говоритъ: Si l'on entend ce vers „Nullo natura labo„re — comme le vieux Commenta„teur *Nullo tuo labore* „que la nature te donne, sans que tu prennes le moindre soin — Cela ne fait aucun sens et n'est pas même latin..... весьма скоро рѣшено; только я не знаю почему оно не имѣетъ смысла, и по чему не по Латинѣ?— Мыслъ напротивъ того, философская и очень во вкусѣ Горація. Въ самомъ дѣлѣ по какимъ заслугамъ или трудамъ пріобрѣтаемъ мы родственниковъ?— Природа намъ даруетъ ихъ; привычка насъ взя-

имно другъ къ другу прилепляетъ; а заставляемъ мы себя любить неиначе какъ заслуживъ любовь ихъ. Вся наука быть любимымъ заключается въ четырехъ словахъ Эпикура: „si vis amari, ama.“—„Коль „хочешь быть любимъ—люби.“ А понеже скупый кромѣ денегъ ничего не любитъ, слѣдственно и его ни кто не полюбитъ.

Стр: 91 In campo—подразумѣвается Martio. Такимъ образомъ Urbs просто, значитъ — Римъ.

Стр: 95 Ummidius — вѣроятно что приключеніе сіе не вымышлено Гораціемъ, но въ подлинну случилось въ его время.

Стр: 96 Ut metiretur nummos — подразумѣвается modio — и у насъ говорится „четвериками мѣритъ деньги“—про того который такъ богатъ, что не достало бы времяни считать ихъ.

Стр: 100 Fortissima Tindaridarum — Клитемнестра и Елена, дочери Царя Тиндара; обѣ умертвили мужей

своихъ, первая Агамемнона, вторая Деіфоба, и орудіе обѣихъ было—топоръ—По сему ли обстоятельству Горацій въ шутку называетъ отпущенницу Ummидіеву Тиндаридою, или потому что она подлинно такъ называлась, теперь рѣшить не возможно.

Стр: 101 Ut vivam — *Невій* и *Номентанъ*: первый былъ извѣстный скупецъ въ Римѣ, а послѣдній мотъ. Настоящее имя послѣдняго *Кассій*, ибо *Номентанъ* есть прозвище по городу Nomentum.—Скупый истощивъ весь запасъ доводовъ своихъ, бросается изъ одной крайности въ другую: что весьма часто случается съ людьми которымъ уже не чего болѣе сказать въ оправданіе свое.

Стр: 104 Vappam ac Nebulonem—въ смыслѣ метафорическомъ значитъ людей разпутной жизни: въ настоящемъ же: — Vappa окислое, испорченное вино; Nebulo отъ

Nebula — густой туманъ — Послѣднее слово конечно потому составилось, что развратные люди ищутъ темноты и мрака, дабы скрыть свои постыдные поступки

Стр: 105 Est inter Tanaim — *Танаисъ* былъ Эвнухъ отпущенникъ Мецената, а безимянной тесть *Визеллія*, страдалъ болѣзнію, которая бы въ нынѣшнемъ Европейскомъ нарядѣ, еще примѣтнее была чѣмъ иногда подъ широкою тогою: читатель легко отгадать можетъ *середку на половинѣ*, между *недостаткомъ* Танаиса и *избыткомъ* Визелліева тестя.

Стр: 107 Quos ultra citraque etc. — И въ самомъ дѣлѣ добродѣтели и пороки можно уподобить тремъ путямъ, паралельно и въ плоть другъ къ другу лежащимъ: средній путь добродѣтели; оба крайніи, противоположныхъ пороковъ. Напримѣръ: когда по краямъ, съ одной стороны скупость,

съ другой разточительность; или съ одной трусость, а съ другой дерзость: — то по срединѣ, умѣренность и мужество; и такъ далѣе. Слѣдственно кто средину оставитъ и пойдетъ на право или на лѣво, тотъ безъ сомнѣнія съ пути истинны собьется. Нашъ Кантимиръ сему мѣсту подражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„Всяко однакожъ предѣлъ свой дѣло имѣетъ,
„Кто прейдетъ, кто не дойдетъ, подобно шалѣетъ.“
Сат. VI ст. 129.

Ст. 108 Illuc unde abii — Горацій возвращается къ вопросу, которымъ началъ Сатиру и чрезъ краткое повтореніе доказываетъ, что ненасытимость желаній есть причина той душевной болѣзни, отъ которой человѣкъ почти всегда бываетъ недоволенъ своимъ состояніемъ.

Стр: 108 Nemon'ut avarus — Всѣхъ людей вообще, повинующихся не разсудку а страстямъ, первый порокъ есть ненасытимость въ желаніяхъ; и ни въ комъ она столько не примѣтна какъ въ скупомъ. Вотъ настоящая связь которая соединяетъ вступленіе Сатиры съ продолженіемъ оной, и которую должно замѣтить. — Горацій начавъ съ того *что всѣ люди недовольны своимъ состояніемъ*, обращается потомъ къ одному скупому, такъ что вся цѣль Сатиры, съ перваго взгляда, кажется противу скупости. Нѣтъ; она вообще противу ненасытимости страстей, противу зависти, сего безпокойствія душевнаго, отъ котораго, по народной нашей пословицѣ и *ломоть хлѣба въ чужой рукѣ кажется больше.* Предѣлы Сатиры не дозволяли автору входить въ подробности и оттѣнки по разнымъ измѣненіямъ

страстей, и онъ избралъ скупаго: какъ картину, въ которой противу всѣхъ прочихъ, живѣе изображается *ненасытимость*. И въ самомъ дѣлѣ, въ комъ виднѣе она какъ не въ скупомъ, котораго цѣлая жизнь безпрерывная забота и мученіе? „Который: Immoritur studiis et amore senescit habendi„ *Сѣдѣетъ и умираетъ на толѣ чтобы болѣе накопить.*

Стр: 114 Ut cum carceribus etc.—Сравненіе прекраснѣйшее и высокаго слога, которое Горацій съ умысломъ на концѣ употребилъ чтобы придать живости картинѣ.

Стр: 118 Vita cedat uti conviva satur — Сравненіе заимтое отъ Лукреція (кн. III. стр. 951 и 970).

„Cur non ut plenus, vitæ conviva recedis?.....
„Sed quia semper aves quod abest, præsentia temnis,
„Imperfecta tibi elapsa est ingrata que vita,

„Et nec opinanti mors ad caput adstitit antè
„Quàm satur, ac plenus possis discedere rerum.

„Для чего не оставляешь жизнь „какъ сытый гость встаетъ изъ„за стола? — По тому что безпрестанно гоняясь за тѣмъ чего нѣтъ, и презирая то что „имѣешь, жизнь твоя протекаетъ безотрадно и безпрочно и внезапно смерть стоитъ надъ головою твоею прежде, нежели ты успѣлъ насытиться наслажденіями жизни.“

Стр: 120 Me lippum—во всѣхъ почти изданіяхъ Crispini lippi — я въ переводѣ моемъ держался *Бентлея*, и не знаю почему другіе толкователи находятъ, что неблагопристойно Горацію называть себя моргослѣпымъ, тогда какъ онъ подлинно былъ таковъ. Напротивъ того я нахожу что неблагопристойно было бы ему издѣваться надъ Криспиновыми

больными глазами, будучи самъ одержимъ подобнымъ недугомъ. Августъ находясь единожды за столомъ между Виргиліемъ и Гораціемъ сказалъ: „Я сижу между вздохами и слезами.“ — На щетъ перваго, который часто страдалъ отъ судороги въ желудкѣ, а втораго по причинѣ гнойныхъ глазъ его. Вотъ доказательство что на щетъ сей шутили — Естьли же сего мало то разкроемъ 5 Сатиру 1 книги, и мы въ ней найдемъ что Горацій и самъ шутилъ надъ своей болѣзнію —

„Hic oculis ego nigra meis collyria *Lippus*

„Illinere.“ —

„Dormitum ego Virgiliusque

„Namque pila *Lippis* inimicum et ludere crudis.“

„Тутъ я наперъ больныя гла-
„за мои черною мазью.“ — „Мы
„съ Виргиліемъ спать пошли;
„потому что играть въ мячь,

„больнымъ глазами и желудъ-„комъ, не годится.“ — Нѣкоторые полагаютъ, что Lippus здѣсь въ Метафорическомъ смыслѣ и значитъ *душевную слѣпоту*: но мнѣ кажется, что надобно и самому худо видѣть, чтобы толковать такимъ образомъ Горація.

Scrinium — Porte-feuille. — Отъ Греческаго *Sgronion* — значитъ ящичекъ за замкомъ, въ которомъ хранились бумаги. Отъ сего происходятъ названія Чиновниковъ при Римскихъ Императорахъ. Magister scrinij epistolarum — Секретарь при письмахъ — Magister scrinij libellorum—Докладчикъ. Magister scrinij Memoriæ — Секретарь при дневныхъ запискахъ — Magister scrinij dispositionum—Секретарь которому поручены повелѣнія — и Magister scriniorum — Главный Секретарь, начальникъ надъ всѣми.—Слово *Скрина*, вошедшее къ

намъ конечно отъ Грековъ, и поднесь въ употребленіе на Малороссійскомъ діалектѣ, на которомъ оно значитъ сундукъ.

Crispinus — *Криспинъ* сей былъ Поэтъ нещастно-плодородный, который, естьли вѣрить Схоліастамъ, описалъ въ стихахъ Стоическую Философію.

ОРАТОРІЯ

ЦѢЛЕНІЕ САУЛА *).

Саулъ, Сіона Царь, сынъ Кисовъ, волю Бога
Взгордясь презрѣлъ, тѣмъ власть его уничижилъ.
Господь средь гнѣва яра строга,
Блестящее лице съ Саула отвратилъ,
И рекъ: „поди злой духъ, круши его.“
Глаголомъ симъ возтрепетали бездны,
Со отченна одра покоя своего
Сквозь пропасти подземны
Возстала злая мѣсть и идетъ на Саула. —
Пукъ люпыхъ стрѣлъ на ней за плѣчьми среди пула
Вися гремитъ, какъ громъ вдали, — и передъ ней
Отверзлись ржавыя со скрыпомъ ада двери,
Изъ коихъ зависти и злобы блѣдны дщери:
Боязнь, и грусть, и скорбь, и скука, и тоска,
Змѣистыхъ клочья власъ вкругъ ней, какъ облака,
Пустивъ на вѣтръ, летятъ въ призракахъ черныхъ роемъ:
Тѣ съ скрежетомъ зубовъ, тѣ съ хохотомъ, тѣ съ воемъ,
Какъ враны, волки какъ на трупъ съ лѣсовъ, степей

*) Подражаніе Бровну.

Спадами гладными на казнь бѣгутъ цареву.
Средь крику ихъ и реву
Унынье дикое, безмолвно, тяжело,
Густой подобно мглѣ на грудь, на очи, на чело,
На духъ преступника, на сердце налегло,
Огнемъ всю внутренность, тоской смертельно жгло;
И ночь и день Его терзая угнетало,
Мечтами ужасало.
Почувствовалъ почулъ
Еговы гнѣвъ Саулъ. —
Веселья отъ него повсюду удалились
И утучняющій спорхнулъ отъ вежделей сонъ,
По ссохшимся щекамъ потоки слезъ катились.
И былъ какъ тѣнь, какъ отзвукъ онъ.
Въ размученномъ такомъ, тревожномъ состояньи
Друзья во кругъ Его во плачѣ, во стенаньи
Вѣщаютъ, что пастухъ, по имени Давыдъ,
Болѣзни тяжкія бряцаньемъ струнъ цѣлитъ;
Что арфы громкія и тихозвучны тоны
Волшебствомъ нѣкакимъ обворожаютъ слухъ,
Покоятъ, веселятъ, лелѣютъ, нѣжатъ духъ
И прогоняютъ грусть, задумчивость и стоны,
И словомъ: мочной что гармоньи сладка власть
Удобна изцѣлять болѣзнь и всяку страсть.
Поспѣшно повелѣлъ звать сына Іессея.
Пѣвецъ пришелъ и хоръ съ нимъ предъ него. —

И зря, что на одрѣ Царь взоромъ пламенея
Лежитъ и день клянетъ рожденья своего,
Со звучностію струнъ касаясь чуть ушесъ
Двугласну тихо пѣснь вознесъ.

* * *

О Боже! поспѣши
Сердечный внять мой гласъ,
Скорбь Царску утиши,
Отри потоки съ глазъ
И просвѣти твое лице
На блещущемъ Его вѣнцѣ.
Виждь, стрѣлы судія
Твои Его разятъ,
Какъ лютая змія
Лiютъ во сердце ядъ.
О Боже! поспѣши
Скорбь Царску утиши.

* * *

Внимаетъ пѣснь Монархъ; но сила звуковъ, словъ
Такъ отъ него скользитъ, какъ лучь отъ холма льдяна;
Снѣдаетъ грусть Его, мысль чорная, печальна.
Пѣвецъ то зритъ — и взявъ другихъ строй голосовъ,
Поетъ ужъ хоромъ всемъ; но сонно, полутонно. —
Смятенье шарпара, душѣ смятенной сходно:

* * *

На пустыхъ высотахъ, на зыбяхъ Божій духъ
Искони до вѣковъ въ тихой тьмѣ возносился,
Какъ орелъ надъ яйцомъ надъ зародышемъ вкругъ
Тварей всѣхъ теплотой, такъ крылами гнѣз-
дился.
Огнь, земля и вода и весь воздухъ въ борбѣ
Межъ собой внутрь и внѣ безпрестанно сра-
жались,
И лишь жизнь тѣмъ они ощущали въ себѣ,
Что тамъ стукъ, а тамъ трескъ, а тамъ блескъ
прорывались;
Громъ на громъ въ вышинѣ, гулъ на гулъ въ
глубинѣ
Какъ катясь, какъ врашясь даль и близь оглу-
шали,
Бездны безднъ, хляби хлябъ колебавъ въ тишинѣ
Безъ устройствъ естество ужасъ мракъ пред-
ставляли.

* * *

Подъ томной пѣснью сей Царя тягчайшій сонъ
Давилъ, что больше мертвъ, чѣмъ живъ казал-
ся онъ. —
Былъ сходенъ хаосу въ сонъ вѣчный по-
груженну,
Въ себѣ самомъ смятенну. —
Но гласъ взгремѣлъ:
Стихіевъ бездны раздѣлились;
Огнь съ воздухомъ на высоту взлетѣлъ
Земля съ водою внизъ спустились:

Бысть свѣтъ!
Чертежъ въ умѣ Творца предвѣчно изложенный
Напечатлелся всей природы на росткахъ, —
На скрытыхъ сѣменахъ.
Всѣхъ думъ Его отсвѣтъ
Отъ слова образъ взявъ, сталъ видъ одушевленный,
И въ родѣ всяка тварь своемъ,
Къ чему назначенна, явилась точно тѣмъ.
Какъ искра отъ кремня и стали возпрянувъ,
Такъ солнце излилось изъ мрака возблеснувъ.

Прекрасное свѣтило!
Грядетъ среди небесъ
Величіе открыло
Тьмы Божескихъ чудесъ.
Въ слѣды его смотря
Румянится заря,
Въ безмолвномъ утра мракѣ
Сілетъ Оріонъ;
Но звѣздъ Царя при зракѣ
Блѣднѣетъ, меркнетъ онъ.
На Сѣверѣ въ полнощи льетъ
Свой Арктусъ яркій свѣтъ.

И ты, о милая лампада,
Луна! (такъ воспѣвалъ пастухъ):
Средь звѣздъ вдали блестяща стада
Свой тихо совершаешь кругъ.
Сумрачны тучи удивились

Задумчивой красѣ твоей,
Когда края ихъ посребрились
Отъ свѣтлости твоихъ лучей,
И ты Царицей нощи стала
Оскорбивая день, — блистала.

Такъ тьмы планетъ въ молчаньи пусть
Проходятъ свой благоговѣйно
Стремяще неотложный трудъ
Къ мѣтѣ всеобщей стройно, вѣрно.
О коль сей дивенъ тихогромъ!
И льетъ гармонію какую!
Какъ свѣтлыхъ серафимовъ сонмъ
Крылами пѣснь на немъ святую
Порхавъ, по сферамъ издаютъ,
Созвучно всѣ Творца поютъ.
Воскликни хоръ, воскликни вдругъ,
И ты Творца съ тьмой звѣздъ согласно
Пой съ Серафимы велегласно;
И ты Его твореньe рукъ.
Веселой трепетной душой
Хвалу Его любовью пой!

Въ безчувствіи глухомъ лежащаго владыку
Проникнулъ сладкій шумъ сего священна лику.
Оцѣпенелый взоръ вкругъ дико водитъ онъ
И чудесамъ небесъ дивится мыслей полнъ.
Но ново пѣніе возстало,
И вновь Царя слухъ обуяло:
Онъ слышитъ, Океанъ возставъ съ челъ звѣздъ
пошекъ

Шумяще въ свой предѣлъ, во глубины безмѣрны;
Возникли горъ хребты мгновенно изъ средь
бездны
И межъ себя пути отверзли бѣгу рѣкъ;
А тамъ нагнувшися скалы крупы, кремнисты
Низвергнули съ себя журчащій чистый ключь,
Который, какъ жемчугъ пересыпаясь чистый,
Катитъ по муравѣ потокъ свой въ понтъ
зыбучь.

* * *

Виждь, пестрѣетъ стадомъ холмъ,
Агицы по лугамъ резвятся,
Тонкимъ скрытыхъ облачкомъ
Пѣсни жавронковъ гласятся;
А какъ солнца лучь багряный
Загорится средь ручья,
Отдаются рощи дальны
Свистомъ громкимъ соловья.
Съ неба Ангели низходятъ
Пѣсни Ангельски поя,
И блаженство ихъ низходитъ
Въ тѣни злачныя Рая.
Миръ ликуетъ и спокойство
Подъ смоковницей сидя,
Цвѣтъ вдругъ, запахъ и довольство
Къ ихъ желаніямъ ведя,
Непорочность и веселья
Рука объ руку идутъ;
Тамъ не знаютъ лицемѣрья,

А всѣ въ радости живутъ.
Будь чета благословенна
Вѣкъ невинностью спряженна,
Ублажайся щастьемъ вновь
Чистая сердецъ любовь.

* * *

Хоръ смолкъ. — Монархъ челомъ своимъ съ одра склонился
И благовѣнья полнъ во помыслахъ молился
Толикихъ множества Создателю чудесъ. —
Но злобы духъ въ немъ вновь воскресъ,
И черным жегъ огнемъ Его съ сугубой силой
Царь бьетъ себя во грудь и вопіетъ душей унылой:
„По что веселье и покой
„И въ хижинахъ живутъ, а домъ забыли мой!“

* * *

Быстрые гласы текиte,
Духа печальна будите,
Коль непочувствуетъ самъ
Грѣхъ что Его есть тиранъ.

* * *

Стени и жалуйся, о арфа! скорбнымъ тономъ
Стени и наполняй весь свѣтъ Его урономъ. —
Несешся слышу вопль, и стонъ, и плачь, и вой.
Какое зрѣлище я вижу предъ собой!
Увы! напрасны суть твои ужъ слезъ потоки
Преступная чета, ты пала въ грѣхъ жестокій.
Съ невинностью твоей веселость протекла,

Смерть косу на тебя яряся занесла
И херувима мечъ огнемъ вокругъ сверкаетъ,
Отчаянье въ очахъ вездѣ тебя пужаетъ;
Возненавиженна сама собою ставъ,
Куды сокроешся себя собой терзавъ?
Нещастная чета! оставленная Богомъ,
Въ лѣсахъ ли будешь жить, съ звѣрми подъ
листьевъ кровомъ;
Но ты жалка, твое плачевно состоянье!
Подвиглись небеса, всѣ Ангелы въ рыданье;
Долъ плачетъ, плачетъ холмъ, гулъ вкругъ
твердитъ: увы!
О коль нещастливы сердца порочны вы!

* * *

Быстрые гласы текиге,
Души прѣступны разите,
Правдъ не познаютъ коль сихъ,
Что грѣхъ мучитель есть ихъ.

* * *

Кичливу грудь Царя и спрахъ и спыдъ бун-
шуютъ,
Въ надмѣнномъ гнѣвъ лицѣ и злость изобразу-
ютъ,
Кровавы, выпуклы глаза его свирѣпо зрятъ.
Но юноша хоть то и примѣчаетъ,
Безъ робости играетъ,
Ланиты правдою горятъ,
И смотритъ такъ на злость тирана онъ спо-
койно,

Какъ добродѣтели смотрѣть на злобу сродно;
Подъ взоромъ блещущимъ въ слѣдъ скачущимъ перстамъ
По арфѣ огнь бѣжитъ сверкая по струнамъ,
И возбуждаючи высоки, страшны тоны
Грѣхъ въ бѣдствіи поетъ, и казнь его и стоны.

* * *

Громы въ громы ударяютъ,
Гулъ за гулами реветъ,
Смерть и ужасы летаютъ,
Молнія вселенну зжетъ;
Бездны разверзаютъ зевы,
Богъ преступниковъ казнитъ.
Князь и Царь рабы Царевы, —
Кто отъ Бога убѣжитъ?
Родъ Іаковль! веси, грады
Брось и кущи ты свои,
Ты умрешь, — и нѣтъ пощады
За злодѣйствія твои.
Ты умрешь, — и я ужъ внемлю
Шумъ вокругъ небесныхъ стрѣлъ;
Трупы смрадны кроютъ землю
И Солима пустъ предѣлъ.

* * *

Внемли! — Се крикъ и вопль изъ бездны выпкаетъ,
Се слабо до ушей доходитъ онъ моихъ,
Се тише отъ часу, все тише, — изчезаетъ,
И вотъ уже со всемъ затихъ.
Погибли навсегда хулители Господни,

Землей поглощены, низверглись въ преисподни,
Пропалъ ихъ слѣдъ
И слуху нѣтъ.
Но ахъ! возмогутъ ли мои плачевны струны
Тѣ живо описать и молньи и перуны,
Какія праведный опредѣлилъ судья
Въ казнь вѣчную злодѣямъ.—Увы! ужъ вижу я:
Грядетъ, грядетъ свирѣпо мщенье
Вкругъ въ бурю, въ мракъ облечено.—
Низвергнуло скалы трясенье;
Понтъ, Небо въ кровь превращено.—
Миръ дрогнетъ, вѣетъ знамя гнѣва.
Возстань хлябь водъ, возстань!
Гласъ рекъ: —и изъ твоихъ безднъ чрева
Потопа съ неба шумнымъ грянь
И погреби въ волнахъ вселенну
Нечестьемъ, злобой оскверненну.—
Пусть знаетъ свѣтъ мой правый судъ,
Изъ сна грѣховъ себя возбудитъ.—
Возстань!—да воды не придутъ
Въ свой паки одръ почить покойно;
Но да стремятся всюды грозно,
Поколь закленовъ не прорвутъ
Сквозь горъ камнистыхъ не пройдутъ
И суша океанъ не будетъ.

* * *

Съ гласу Господня
Въ мигъ преисподня
И звѣздна хлябь водъ

На землю течіютъ. —
Море волнами,
Небо дождями
Шумитъ и реветъ,
Міръ топитъ и жретъ.

* * *

Богъ правъ — и судъ Его — есть правда,
И праха сынъ всегда зрѣть слабъ ея лучи.
Ненависть съ завистью покрыла ярыхъ волнъ громада;
Тамъ сластолюбіе, тамъ роскошь мракъ пьючи,
Съ развратомъ съ люпостью погрязли бездны въ стремленьѣ,
И тщетно о своемъ миятъ смертные спасеньѣ.

* * *

Скалъ прорванъ сводъ,
Всталъ къ небу понтъ,
Нѣтъ больше въ спорѣ
Съ брегами волнъ,
На морѣ море
Кидаетъ чолнъ
По всей вселенной
Опустошенной.

* * *

Но гласы пламѣнея
Возвысьтеся Пѣвцовъ
Воскликни хоръ живѣя
Спокойныхъ пасіпуховъ,
Чтобъ огненныя стрѣлы

Струнъ ихъ и пѣсней вдругъ
Пронзали онѣмелы
Цареву грудь и духъ
И онъ бы правды самъ ставъ зритель
Позналъ, что грѣхъ его мучитель.

* * *

Межъ тѣмъ, какъ пѣлъ Давыдъ такъ пѣснь восторга полнъ,
И сильный арфы глась чертожны двигалъ стѣны,
Саулъ въ отчалньи пуская дикій стонъ
Зубами скрежеталъ, терзалъ власы смятенны
И рдѣлъ въ жару какъ уголь, и мерзъ въ хладу какъ ледъ;
По блѣдному лицу катился градомъ потъ
И съ пѣною изъ устъ клубилася желчь черна,
Въ неистовствѣ его схвативъ рука кинжалъ
Взнеся на грудь свою; но бывъ остановленна
Отъ сущихъ близь его, вдругъ острый сей металлъ
Повергла на Давыда.—Давыдъ отсторонился,
И дѣйствующій зря
Страхъ Божій на Царя,
И чтобъ спасенъ былъ самъ, восторгомъ оживился,
И сталъ пріятно съ струнъ, какъ вѣперокъ, дышать,
По малу духъ Царя къ спокойству пріучать;
Но пищетнымъ зря и то, что скорбь хотя тѣлесну
И рану облегчить возможно намъ извѣстну;

Но слабы всѣ бальзамы суть
Цѣлить и утолять душевную въ насъ грусть,
Сердечны скрыты раны,
Терзающія тайны.
Придижь раскаянье, онъ рекъ: скорѣй съ небесъ,
О ты! что тусклый взоръ возводишь къ милосердью
И полно чувствъ живыхъ судебъ колеблешь твердью,
Приди къ святынѣ вождь, въ лицѣ печали, слезъ,
И милость приведи Творца со умиленьемъ,
Чтобъ сердце Царское предъ Нимъ съ благоговѣньемъ
Содѣлалось тобой способнымъ къ чувству благъ
И отъ негобъ ушли унынiе и страхъ.
Раскаянье приходитъ,
Внемли его Монархъ;
Оно покой приводитъ
И сладость во слезахъ;
Печаль имъ радостью бываетъ,
Коль все желанье обитаетъ
И мысль твоя на небесахъ:
Оно къ блаженству первый шагъ.
И се раскаянье прогнало уже ярость. —
Царь смотритъ на кинжалъ, являя трепетъ, жалость
И тихiй на Пѣвцовъ кидаетъ съ вздохомъ взглядъ.
Зеницы пламенно вращались не горятъ,

Въ которыхъ передъ симъ отчаянность гро-
зила,
Небесная печаль грусть ада заступила.

* * *

О! какъ милость есть любезна,
Всѣхъ она славнѣй доброть,
Плачетъ Царь, и спруйка слезна
По ланитѣ его льетъ.
Ее Ангелъ принимаетъ
Непустя упасть во тьму;
Милосердью посвящаетъ, —
Жертвъ пріятнѣй всѣхъ ему.

* * *

Еще, еще, — но ихъ! болѣзнь приходитъ снова,
Біенье сердца, грусть видна въ очахъ Царя су-
рова.
Возвысьте пастыри вашъ выспреннѣе гласъ,
Покудова недугъ въ немъ въ корнѣ непогасъ,
Поколь обильный токъ съ очей не устремился
И мухъ съ души его яремъ не низложился.

* * *

Всемогущій! пріими
Вздохъ раскаянья Царева,
Искушеніе изми
И надежду среди гнѣва
Брось ему твоимъ лучомъ,
Чтобъ онъ сердца сокрушенье
Слезъ изливъ тебѣ дождемъ
Зрѣлъ въ тебѣ свое цѣленье.

* * *

Спустись теперь въ юдоль съ холмовъ парящій
хоръ,
И къ пѣнью вышнему не напрягайтесь струны,
Тріумфъ явили свой Гармоніи перуны.
Монархъ ихъ чувствуетъ, его свѣтлѣетъ взоръ.
Ланиты блѣдныя румянятся зарею —
Блаженъ! ужъ отъ него бѣжитъ унынье прочь;
Не мучится уже онъ совѣстью своею,
Раскаянной душѣ спѣшитъ самъ Богъ помочь,
И черна скорьбъ къ нему ужъ вспять не воз-
вратится. —
Пѣснь ваша, пастыри, ему да усладится,
И арфы тихія пріятный сердцу звукъ
Надеждою небесъ его да тѣшатъ духъ,
Забавы сельскія невинность и свобода,
Да обольстятъ его, вашъ пѣніемъ предѣлъ,
Чтобъ гордость позабылъ, чтобъ нравилась сво-
бода
И онъ богатству бы спокойство предпочелъ.

* * *

Поля, лѣса, пустыни дики
Сквозь дебръ журчащія ручьи,
Пастушьи громки слышьте клики
Поюща свѣтлы дни свои.

Межъ скалъ отъ рѣзвыхъ стадъ бры-
канья
Хохочетъ эхо вкругъ его,
И онъ священна полкъ вниманья
То зритъ, — другой незритъ чего.

Подъ тихія вечерни сѣни
Идетъ къ нему покой съ небесъ,
Любовь, невинность въ восхищеній
Въ цвѣтахъ сидятъ съ нимъ межъ
древесъ.
Во кругъ чела его довольна
Звѣздъ зрится блескъ, льетъ риза
свѣтъ
Покрова, пальмъ своихъ достойна,
Шалашъ его спокойство чтетъ.
Да въ вѣкъ, о Ангелъ! ощущаетъ
Твою бѣседу грудь моя;
Спѣсь, зависть при дворахъ блистаетъ;
Пастушья хижина твоя.

* * *

Тише, о пѣсни! теперъ вы звучите
Скорбному духу дремоту внушите;
Лей на него свой аромать сонъ вкругъ,
Сладко спокойство лелей его духъ.

* * *

Слетайте на него, о воины небесны!
Стрегущи Божій градъ,—и маніемъ своимъ Его
Владѣющія сномъ; чѣмъ бы мечты прелестны,
Грядуща времяни являете того,
Гдѣ приготовлена душамъ благимъ награда,
А злобнымъ кажете грозящи страхи ада,
Слетите, и его восхитя духъ съ собой,
Представя передъ нимъ небесной садъ златой,
Къ превыспренности той взнесите свѣтлой
звѣздной,

Гдѣ о безсмертномъ лишь звучитъ безсмертный хоръ;
Гдѣ, кромѣ радости, ничто несуществуетъ,
И новой вѣчностью жизнь вѣчно торжествуетъ.

* * *

Арфъ своихъ тономъ
Божественнымъ звономъ
Стрясите съ него
Скорбь люту его;
Плачъ будетъ въ радость
Стонъ его въ сладость.

* * *

И се уже Его гармонія живитъ.
Потомъ блаженныхъ слезъ кропитъ отрадный видъ,
Бѣжитъ унынье прочь, проходитъ безпокойство,
Согласье новое, яви твое устройство,

Греми струнъ новый громъ
Созвучно съ голосами,
Подвигни небесами
Кличь радости въ Царскій домъ.

Какая сильна мощь томитъ души волненье?
Какая возбуждать въ ней можетъ бурну страсть?
Твое, гармонія, волшебное велѣнье
И надъ природой всей твоя чудесна власть.

Ты дщерь небесъ!
Вселенной зримой сей съ тѣхъ поръ извѣстна спала,

Какъ съ трона вѣчнаго премудрость глась снизслала,
Который міръ вознесъ.
Явилась ты, — и твердь усѣялась звѣздами,
По звуку твоему потекъ сей красный, свѣтлый строй!
Полкъ Ангельскъ поразясь согласіемъ его, красой,
Великъ, воспѣлъ, великъ Творецъ нашъ чудесами!
И въ изумленіи съ тѣхъ поръ съ высотъ глядитъ
На сей лучистый сонмъ въ его заряся токѣ
И совокупно съ нимъ гласитъ
Пѣснь первую звѣзды возникшей на востокѣ,
Котору Сферы всѣ и вблизь и вдаль твердятъ
Едиными усты: Осанна! Святъ, святъ, святъ!

Г. Державинъ.

ПИСЬМО
О ПОЛЬЗѢ КРИТИКИ.

Дерзая славы въ храмъ, о вы, Пѣвцы надмѣнны!
Не льстящиеся узрѣть Парнасса верьхъ священный,
Доколь васъ Критика лучемъ не озаритъ
И дара дерзостна совѣтомъ не смиритъ.
Внимала Критикѣ священна Музамъ древность;
Между Поэтами она раждаетъ ревность,
Чтобъ въ подвигахъ своихъ другъ друга превзойти
И вѣрные открыть въ храмъ Аонидъ пути;
Охоту къ знаніямъ въ народѣ умножаетъ
И вкуса тонкаго предѣлъ разпространяетъ.

Не должно Критики Поэту избѣгать:
Кто Музой вдохновенъ родъ смертныхъ просвѣщать,
Тотъ безпристрастный судъ нелицемѣрно любитъ;
Онъ въ сердцѣ у него жаръ ревности сугубитъ,
Онъ отъ нелѣпости и сухости блюдетъ
И средь небесъ Пѣвца являетъ намъ полетъ.

Въ щастливыхъ тѣхъ странахъ, гдѣ Музы обитали,
Гдѣ камни и древа гласъ звучныхъ лиръ внимали,

Коль вопросить дерзнемъ безсмертныхъ мы Пѣвцовъ,
Вѣнчанныхъ славою безчисленныхъ вѣковъ,
Всѣ громко скажутъ намъ Омиры и Мароны:
Охотно слушали мы Критики законы;
Внимали, проходя опасною спѣзей,
Мы врановъ дикій крикъ, шипѣнье люпыхъ змѣй.
Средь трудныхъ подвиговъ не возмогли Зоилы
Въ насъ ревность погасить, ослабить наши силы;
Мы Пинда божествамъ давъ на себя обѣтъ,
Признали Критику за чистый Феба свѣтъ
И сердце было въ насъ ему служить готово.
Любя отечество, почтенныхъ предковъ слово,
Богатство мы чрезъ трудъ несмѣнно обрѣли;
Плѣнясь обиліемъ, всѣ жители земли
Корысти для себя въ немъ черпаютъ всечасно,
Но изчерпать его стараются напрасно.
Сокровище сіе не истощится вѣкъ,
Доколѣ сохранитъ даръ слова человѣкъ.

Настало щастливо Россійскимъ Музамъ время
Сложить безпечности съ рамень поносно бремя.
Пора сокровищей своихъ намъ цѣну знать;
Пора во славѣ ихъ вселенной показать;
Пора, языкъ любя и непорочны нравы,
Предбудущимъ Пѣвцамъ опредѣлить уставы.
На Пиндѣ нашемъ есть довольно тѣхъ орловъ,
Что возтекли туда, предѣлы гдѣ міровъ,
Гдѣ зрѣнье они могли неробкими очами

Огнистый Океанъ съ горящими волнами;
Громады пламенной блистаніе лучей
Не опаляло лицъ, не тмило ихъ очей.
Разсмотримъ ихъ труды, мочь собственну измѣримъ
И Критикѣ себя безтрепетно мы ввѣримъ.

Прямая Критика, представя даръ Пѣвцовъ,
Покажетъ, гдѣ они заснули межъ цвѣтовъ.
Я Критику сію хвалою почитаю
И Критики другой въ словесности незнаю.
Я относилъ всегда къ счастливой то судьбѣ,
Коль голосъ Критики гдѣ слышалъ о себѣ.

Когда погрѣшности разборъ въ Пѣвцахъ являетъ,
Текущихъ на Парнассъ въ пути оберегаетъ;
А естьли къ языку свой обращаетъ свѣтъ,
Обиліе ему и красоты даетъ;
Откроетъ ревностно его величья свойство,
Созвучность громкую, богатство, благородство;
Для рѣчи правила постановляетъ онъ,
Неизмѣняемый для языка законъ.
Какъ Весты чистый огнь, какъ лучь обильный свѣтомъ,
Да будетъ онъ хранимъ рачительно Поэтомъ.

Депрео предписалъ писателямъ въ урокъ,
Что долженъ быть языкъ чистъ, правиленъ, высокъ.

Пари Поэтъ, слѣпи сіяньемъ наши вѣжды
И вымыслъ облекай ты истины въ одежды;
Но правила блюди и свойство языка,
Коль хочешь, чтобъ была пѣснь сладостна, громка;
Языкъ священныхъ Музъ, богамъ прилично слово:
Съ богами говорить не должно безтолково.

Пропустишь Критика, безсмертныхъ чтя Пѣвцовъ,
Ошибки иногда за красоту стиховъ.
Она излишніе предлоги и союзы
(Чѣмъ никогда себя не отягчаютъ Музы)
На судъ буквальнику изсохшему даетъ,
Который точки такъ, какъ яхонты, блюдетъ.

Мы слова нашего любуемся красою,
Мы тщимся увѣнчать отечество хвалою,
Всечасно говоримъ: на Сѣверѣ у насъ
Художества цвѣтутъ, возвысился Парнассъ;
Мы проповѣдуемъ, что честь на Пиндѣ Россовъ,
Свѣтило Лириковъ, безсмертный Ломоносовъ!
Но мало сей хвалы. Наборомъ ли рѣчей
Прилично похвалять божественныхъ мужей?
Высокій сей Поэтъ, лишь Пиндару совмѣстный,
По имени одномъ сотичичамъ извѣстный,
Кѣмъ свѣту былъ открытъ? Какой питомецъ Музъ
Для насъ проникъ его духъ, разумъ, чувство, вкусъ?

Кто принялъ трудъ, его всѣ красоты изчислить?
О Ломоносовѣ кто могъ достойно мыслить?
Кто лирой, восхитясь соземца своего,
Въ полетѣ сравнивалъ Пиндара и его?
Кто Флакка славнаго, гремяща въ поздни лѣпы
Сличалъ, какъ судія, съ Пѣвцомъ Елисаветы?
Кто ясно доказалъ, что Галлъ Руссо Баптистъ,
Столь звуками богатъ, величествень и чистъ,
Но Ломоносову въ картинахъ уступаетъ?
Воображеніе, что сильно оживляетъ
Безсмертна Одами Россійскаго Творца,
Не столько пламенно у Южнаго Пѣвца,
Который, иногда забывъ о Геликонѣ,
Витіеватую мысль толкуетъ на Амвонѣ;
Или холодну рѣчь избыткомъ краситъ словъ
И, лиру брося, жезлъ пріемлетъ мудрецовъ.

Прямая Критика себѣ вмѣняетъ въ радость
Открыть высоку мысль, пріятну звуковъ сладость.
Такъ смертный, вшедъ на холмъ ближайшихъ къ небу горъ,
На прелесть естества свободный мещетъ взоръ;
Любуется ручьемъ, который окропляетъ
Долины злачныя и жажду утоляетъ.
Подобно Критика, какъ судія даровъ,
Любуется смотря на подвиги Пѣвцовъ;
Но вкуса, разума внимая строгой власти,
Состава цѣлаго всѣ разбираетъ части;
Глядитъ, исправно ли стремится къ цѣли ходъ,

Не нарушается ль Пѣвцомъ избранный родъ
И всель въ твореньи такъ искусно учрежденно,
Что слогомъ можетъ быть пріятнымъ облеченно,
Что можетъ красоты различны совмѣстить,
Насытить мысли, слухъ и сердце преклонить.

Коль въ цѣломъ и частяхъ все разуму покорно,
Она возводитъ взоръ на зданье стихотворно;
Огнь примѣчаетъ чувствъ, взираетъ на полетъ,
Гласитъ, что долженъ пѣть, не говоритъ Поетъ.
Искусство въ томъ его, чтобъ живо передъ нами
Являть высоку мысль высокими словами.

О вымыселъ! Поетъ тобою на крылахъ
Летаетъ дерзостно въ невидимыхъ мірахъ.
Тучегонителя ты сотворилъ Зевеса,
На Грековъ раздражилъ могуща Ахиллеса,
Энея, жертву бурь, чрезъ множество препонъ
Привелъ, спася отъ бѣдъ, Дидоны передъ тронъ;
Ты зиму показалъ Виссономъ облеченну,
Снѣгами, мразами, мятелми ополченну;
Явилъ ты, какъ несутъ Парнасскія сестры
Порфирородному предъ колыбель дары,
Какъ къ Зороастру взоръ Фелица свой возноситъ,
Науки царственной для блага Россовъ проситъ.

Богатый звуками, свободный, чистый стихъ
Сіяетъ красотой среди вѣковъ сѣдыхъ;
Рукою хитрой въ немъ все такъ сцѣпленно ясно,

Что рѣчь шепчешь съ умомъ и съ чувствами согласно.

„*Безъ истины въ стихѣ Пѣвецъ не веселитъ.* 1)
„*И сердца, такъ сказать, ни чуть не шевелитъ.*
„*О чувствахъ къ родинѣ не льзя сказать сильнѣй:*
„*Что матушки Москвы и краше и милѣе!* 2)

Разборъ пріемлетъ кисть и судитъ красоты,
Находитъ темные и яркіе цвѣты.
3) *Тамъ водопадъ горы алмазной вилъ пріемлетъ,*
4) *Тамъ мѣдь клокочетъ, ржетъ, а* 5) *тамъ Петрополь дремлетъ.*
Иль безъ заслугъ Ферситъ, вельможей призванъ въ санъ,
6) *Ничто, какъ во златомъ окладѣ истуканъ.*

Едина критика хвалой Пѣвцовъ вѣнчаетъ,
И смѣло ихъ порокъ и доблесть различаетъ,
Винитъ, коль гдѣ падетъ высокой Музы духъ,
Коль разговоръ надутъ, или чрезмѣрно сухъ,
Коль нѣтъ огня въ стихахъ, коль узелъ слабъ завязки,
А вымыслъ не богатъ, мершвы, не свѣжи краски;

---

1) Смотри сочиненіе Ивана Ивановича Дмитріева: *Чужой толкъ.*
2) Его же. *Причудница.*
3) Г. Державина.
4) Г. Ломоносова.
5) Г. Державина.
6) Г. Петрова.

Винишь, когда Пѣвецъ, разсудка не спросясь,
Не ясно думая, скрываетъ мысли связь;
Иль станетъ рисовать на переломъ природы
Румяными лѣса, коришневыми воды;
Или когда пѣвецъ, стремлся славы въ храмъ,
Ступаетъ тяжело по тернамъ, не цвѣтамъ.

Не оживленна мысль высокой Музы духомъ,
Не можетъ царствовать надъ разумомъ и слухомъ.
Всѣ рѣчи общія безъ чувства и огня,
Хоть гладко писаны, живутъ не долѣ дня.
Всѣ пышныя слова, по древности священны,
Пронзивны могутъ быть, не къ стати помѣщенны;
Ты мысли одѣвай приличной красотой;
Наборъ кичливыхъ словъ для слуха звукъ пустой.
Не сонмы громкихъ словъ хвалой Пѣвцовъ вѣнчаютъ;
Но мысли сильныя отъ прочихъ отличаютъ.
Коль рѣчь твоя ясна, коль чувствомъ духъ твой полнъ,
Дерзай средь грозныхъ бурь, не будешь жертвой волнъ.

Россійскихъ странъ Софоклъ, опасный врагъ пороковъ,
Театра нашего создатель Сумароковъ,
Взалѣянъ славою и Музой обольщенъ,
Шталъ, что онъ Расинъ и вмѣстѣ Лафонтенъ;

Но Критика всегда ядъ лести отвергаетъ,
Согласно съ истиной хвалами награждаетъ;
Оставя чуждыя и пищетны имена
Любимцу Невскихъ Музъ сказала бы она:
Гремѣла на зарѣ твоя въ Россіи лира,
Оскольдъ и Ростиславъ и гордая Семира
Должны, плѣня умы, восхитить всѣ сердца
И славою вѣнчать безсмертнаго Пѣвца.
Пусть мнятъ, что Критика священный прахъ, встревожитъ,
Я мню, что блескъ она его даровъ умножитъ.

Коль основателенъ разборъ и справедливъ,
Чувствительный Пѣвецъ, хотябъ онъ былъ и живъ,
Въ немъ торжество свое съ восторгомъ долженъ видѣть.
Иль Сумарокова возможно тѣмъ обидѣть,
Что обнаживъ его и даръ и красоты,
Ты скажешъ, какъ дѣлитъ отъ терніи цвѣты?

Не спорю, Критикомъ быть настоящимъ трудно,
А на угадъ судить легко, но безразсудно;
Нелѣпыхъ много есть на свѣтѣ знатоковъ,
Чье право на Парнассъ, десятокъ острыхъ словъ.
Такіе знатоки Мидасовы потомки,
Привыкли на словахъ о всемъ давать судъ громкій.
Сей судъ, благодаря проворнымъ языкамъ,

770991А

Невѣжи, разнеся въ столицѣ по домамъ,
Безъ доказательства худое превозносятъ,
Безъ доказательства хорошее поносятъ;
А книга бѣдная, стѣсненна симъ судомъ,
На время долгое покрыта студомъ,
Отъ Невскихъ береговъ бѣжа поносной брани,
Летитъ на почтовыхъ до Вятки и Казани.

Нѣтъ пользы никакой отъ ложнаго суда;
Родится отъ него бѣдъ множество всегда.
Есть женщины у насъ, которыя по Руски
Стыдяся знать, цѣнить умѣютъ по Французски;
Толкуютъ, что Мольеръ, Корнелій нынѣ старъ,
Въ Волтерѣ менѣе, чемъ у Расина даръ;
Ошибки, красоты сочтутъ исправно, ясно;
Со вкусомъ, съ разумомъ, съ Лагарпами согласно;
О Рускомъ вопроси, не скажутъ ничего;
Пусть видѣли стихи соземца своего;
Но разсуждать о нихъ привычки не имѣютъ;
По чувству любятъ ихъ;—хвалить не разумѣютъ.

Лишь можетъ Критика, возвыся голосъ свой,
Назначить вѣсъ словамъ достойною цѣной,
И языка красы на судъ вѣковъ представить;
Подсолнечную всю имъ говорить заставить.
То Греки, Римляне являютъ ясно намъ.
Предводитъ критика Омировъ славы въ храмъ;
И мы подобнаго безсмертія достигнемъ,
Когда подробнѣе музъ въ таинство проникнемъ.

Языкъ у насъ богатъ, есть знатны образцы;
Но ихъ не вѣдаютъ чужихъ земель Пѣвцы.
Намъ Критика свои должна подать уставы;
Ихъ утвердя, откроетъ источникъ вѣчной славы;
Должна въ честь Росскихъ музъ, въ награду ихъ трудовъ,
Остепенитъ языкъ, опредѣлитъ пѣвцовъ.
Тогда съ Пермесскими сольются Невски воды
И придутъ ихъ вкушать отъ дальнихъ стран народы.

Г. Хвостовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОДЕРЖАЩИМСЯ ВО ВТОРОЙ КНИЖКѢ СОЧИНЕНІЯМЪ:

Стран.

Въ первой книжкѣ.

I. Разсужденіе о Лирической Поэзіи ..... 3.

Во второй книжкѣ.

I. Ода Истина ..... 3.

II. Цвѣтокъ ..... 9.

III. Ручей ..... 11.

IV. Краткое разсужденіе о Горацiѣ ..... 17.

V. Ораторія: цѣленіе Саула ..... 72.

VI. Письмо о пользѣ Критики ..... 91.

OPB

CHTENIIE V BESEDE LIUBITELEI
RUSSKOGO SLOVA
VOLUME III

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor *London*

BOOK" IS AN AUTHORIZED REPRINT OF THE
EDITION, PRODUCED BY MICROFILM-XEROX BY
MICROFILMS, INC., ANN ARBOR, MICHIGAN, 1961

8C40
vol 3

ЧТЕНІЕ

ВЪ

БЕСѢДѢ

ЛЮБИТЕЛЕЙ РУСКАГО СЛОВА.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ МЕДИЦИНСКОЙ ТИПОГРАФІИ

1811 года.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
770992A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1935 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной библіотеки, и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ Іюля 31 дня 1811 года.

Цензоръ Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Ив. Тимковскій.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ОБЛАСТНАЯ

О СТИХОТВОРСТВѢ.

Намѣреніе мое не въ томъ состоитъ, чтобъ говоря о стихотворствѣ преподавать науку онаго, слѣдственно не упомяну о стопосложеніи, о метрѣ, риемѣ, стихахъ, о различныхъ оныхъ именованіяхъ по числу стопъ и о правилахъ на тотъ или иной родъ поэзіи; желаю токмо показать, что Рускіе въ поэзіи упражнялись и упражняются съ успѣхомъ, который можетъ быть еще бы блистательнѣе былъ, ежели бы подлинныхъ образцовъ держались и нѣкоторые писатели не были, часто, копія съ копіи. Не смотря на то, что нѣтъ у насъ средняго состоянія людей, и что упражненіе наше въ словесности, почти вообще всѣхъ, есть дѣло побочное; ибо или заняты должностями служенія, или многое время и лучшіе лѣта жизни посвятили службѣ; не смо-

PERL. JAN 21 1935

тря на то, нѣтъ намъ причины постыдиться предъ иноземными, размѣряя кратковременность занятія Рускихъ поэзіею, съ цѣлыми вѣками ихъ по сей части упражненія. — Да позволится мнѣ сказать нѣчто вообще о поэзіи.

Поэзію почти съ сотвореніемъ міра соединить должно. Началомъ искуства сего былъ благороднѣйшій подвигъ: воздавать хвалу Вышнему Существу и изліять чувствованія благодарности отъ твари къ Творцу своему, толико чудесъ, и вокругъ человѣка, и въ немъ самомъ, и ради его содѣянныхъ. Необыкновенное напряженіе ума, нѣкое возвышеніе духа, должны были образоваться и выражаться отличнѣе. Общее, вседневное, простое, по нуждамъ между собою на рѣчахъ сношеніе, и недостаточнымъ и недостойнымъ быть долженствовало. Неоспоримо кажется, что страсти и воспареніе духа произвели поэтовъ; кто могъ быть образцомъ Оссіану на сѣверѣ, Орфею во Ѳракіи, Пильпаю въ Индіи.— Поэзія, обольщая слухъ музыкою размѣра, волшебнымъ нѣкакимъ средствомъ

прельстила воображеніе. Польза размѣра была та, что удобнѣе впечатлѣвалось въ памяти сказанное; выгода важная при недостаткѣ письменъ. Аравитяне, Сиріяне, Персы исторію свою стихами писали; такъ исходили и провѣщанія Греческія. — Утверждаютъ, что Ферекидъ, жившій сто лѣтъ послѣ Гомера, первый сталъ писать прозою.

Кромѣ того, что поэзія, краткостію выраженія и отборнымъ приличіемъ слова, удобнѣе оставляетъ въ памяти сказанное и удовлетворяетъ врожденной въ человѣкѣ къ сладости звука склонности; прилична она, какъ и проза, къ выраженію всего повѣствовательнаго, нравственнаго и поучительнаго. Драконъ, Ликургъ и Солонъ употребили поэзію въ законодательствѣ и политикѣ, Empедоклъ писалъ о чудесахъ природы, Никандръ о врачебной наукѣ, Линъ о Астрономіи, Оппій о рыболовствѣ и проч.

Величайшіе умы Греціи называли поэзію языкомъ Боговъ. Они увѣрены были, что поэзія, такъ какъ и музыка, вселяетъ добродѣтели и мудрость и ис-

правляетъ нравы. На Пиѳагоровой школѣ была слѣдующая надпись: Прочь отсюда непросвѣщенные! никто не знающій гармоніи сюда да не приближится!— Пиѳагоръ, сей мужъ, слава Греціи, писалъ философію свою стихами, и о немъ сказано, что заставилъ любить мудрость, представя ее пріятною. Цари, законодатели, мудрецы, уставами предписывали упражненіе въ поэзіи, мысля впечатлѣвать оною въ сердца нравоучительныя истинны, познаніе изящнаго, любовь къ отечеству, почтеніе къ богамъ. Страбонъ въ первой книгѣ своей говоритъ: „Древніе называли поэзію перь„вою философіею; она посредствомъ удо„вольствія поучаетъ юношество, на„ставляетъ исполнять должности и умѣ„рять страсти. Греки говорятъ даже, „что одинъ только поэтъ есть фило„софъ, а потому во всѣхъ городахъ Гре„ціи, прежде всего, дѣтей поэзіи учили, „не съ тѣмъ, чтобъ доставить имъ про„стую забаву, но поелику почитали, „что сею наукою образуется сердце „ихъ и вперяются въ нихъ нравствен-

„ныя доблести.“ Имена мудрецъ и поэтъ были сословы. Гезіодъ въ Θеогоніи своей такъ похваляетъ поэзію: „Блаженъ чело„вѣкъ музамъ любезный! Сладкое убѣж„деніе течетъ изъ устъ его. Огорчен„ный забываетъ печаль, когда служитель „музъ воспоетъ хвалы героямъ и богамъ „безсмертнымъ.“ Порядокъ учрежденный въ обществахъ есть плодъ перваго стихотворства, говоритъ одинъ знаменитый словесникъ.

Римляне, при всей незаботливости о просвѣщеніи, при всей простотѣ обычаевъ, еще до епохи просвѣщенія знали поэзію. Молитвы къ богамъ стихами произносились, пѣсни побѣдоносныя и торжественныя въ стихахъ сочинялись; тожъ и театральныя представленія, какія тогда были. Вообще стихотворство, въ разныхъ родахъ, извѣстно уже было, и время отъ времени къ бо̀льшему совершенству приходило.

Крателъ, съ острова Мелоса, сталъ учитъ въ Римѣ поэзіи Греческой и основалъ школу публичную. Ученые начали быть уважаемы и сіе уваженіе до

высокопочитанія возрасло. Обхожденіе съ ученымъ, словесникомъ и стихотворцемъ за особую честь признавалось. Ученіе стало обычаемъ, распростерлось на всѣ состоянія и къ очищенію языка способствовало.

Въ продолженіи, учились Греческому языку какъ и природному, и сіе вошло въ предначертаніе воспитанія Римлянъ. Безъ языка Греческаго, безъ свѣденія о сочинителяхъ, Грецію прославившихъ, не можно было благовоспитаннымъ назваться. Зажиточные граждане возили дѣтей въ Аѳины, ради усовершенствованія ума ихъ и изученія красотамъ піитическимъ.

Латины уступали первенство въ поэзіи Грекамъ, такъ какъ тѣ должны бъ были отдать предпочтеніе Евреямъ, обязаннымъ съ своей стороны Египтянамъ и Финикіанамъ. Профессоръ Гецель доказываетъ, что множество мѣстъ, коимъ удивляемся мы въ Гомерѣ, находятся въ Священномъ Писаніи нашемъ, до Гомера, жившаго за 1082 года прежде Рождества Христова, уже извѣстномъ. Кто осмѣлится обьявить себя въ томъ

съ нимъ согласнымъ, и такъ сказать, уменьшить честь у отца стихотворцевъ и Иліады? Достаточныль доводы Гецеля, я судить не отважусь; но, безъ большаго на словесность притязанія, сказать однакожъ можно, что красоты пѣсней Моисея, псалмовъ Царя Давида, книгъ Іова и пророчествъ Ісаія никакимъ піитическимъ красотамъ позднѣйшихъ временъ не уступаютъ. Латины, имѣя образцами Грековъ, не искали другихъ далѣе ихъ и содѣлались сами образцами для всѣхъ языковъ Европы, въ коей каждый народъ особенно, отъ начала словесности своей до самаго ея процвѣтенія, не другъ отъ друга заимствовалъ правила и примѣры, но всѣ Латинскихъ и Греческихъ писателей какъ зерцало предъ собою имѣли. Мы одни сочли, по чему-то, что писатели Французскіе и языкъ ихъ вмѣстили въ себя всѣ совершенства и красоты и все достоинство всѣхъ языковъ и нарѣчій. По скольку въ этомъ ошибаемся, то заслуживало бы особеннаго и внимательнаго разсмотрѣнія, нынѣ не принадлежащаго къ

моему предмету. Я ограничусь тѣмъ, что скажу о языкѣ только: Лукрецій. Цицеронъ, Манилій, Квинтиліанъ, Марціалъ, Сенека жаловались на недостатокъ языка Латинскаго, когда сравнивали его съ Греческимъ; сколько стихотворцевъ Французскихъ и писателей знаменитыхъ жалуются на недостатки Французскаго, съ Латинскимъ его сравнивая! Возможноль кажется быть тому, чтобъ Рускій языкъ, заключающій въ себѣ не только Латинскія, но и Греческія красоты, могъ отказаться отъ преимуществъ своихъ? Возможноль изобиліе промѣнять на скудость, сладкозвучіе на жесткость, силу на слабость и чистое золото на блестящую мишуру. Я вспоминаю здѣсь справедливое уподобленіе хозяину избирающему болотистое мѣсто для построенія дома, и оставляющему выгодное мѣстоположеніе и твердую почву.

Платонъ, а за нимъ и Цицеронъ, говорятъ, что поэзія не есть наука, а изступленіе. Пиндаръ утверждаетъ, что настоящій піитъ піитомъ рожденъ быть долженъ; надѣющіеся посредствомъ

науки стать поэтами, говоритъ Пиндаръ, подобны вранамъ въ сравненіи съ божественною Юпитеровою птицею. Истинный стихотворный геній, пишетъ славный Герцогъ Букингамъ, подобенъ солнцу, сему блистательному и пылающему свѣтилу, которое временно скрывается за облако, но является міру съ бо̀льшимъ блескомъ. Такъ геній засѣняется иногда, но потомъ превосходнѣйшими красотами восхищаетъ.

Свѣтильникомъ властелиновъ и вельможъ возжигается огнь стихотворства. Вотъ что о Меценатѣ повѣствуется: мудрый Министръ сей въ точности исполнялъ намѣренія Августа. Онъ самъ упражнялся въ краснорѣчіи и поэзіи; словесность была лучшею его забавою. Общество его составляли перьвѣйшіе люди вѣка того. Незнатность породы не заграждала къ нему входа; но глупости, шутовству и развратнымъ нравамъ не были отверзты двери дома его. — Онъ не переставалъ благодѣтельствовать ученымъ, словесникамъ, а па-

че стихотворцамъ, и симъ послѣднимъ по собственной къ поэзіи склонности.

Виргилій, Горацій, Валгій бывшій Консуломъ, Варій эпическій и трагическій стихотворецъ, Фунданій отличный комикъ, Домитій Марзъ славный эпиграматистъ, Плотій Тукка поправлявшій, вмѣстѣ съ Варромъ, Энеиду, два брата Виски сенаторы и словесники, Кай Полліонъ наперсникъ Августа, стихотворецъ, Консулъ и увѣнчанный побѣдитель были друзья Мецената. Всѣ они жили согласно, не подъискивались другъ подъ другомъ и зависть не входила въ бесѣду ихъ. Но Корбилій и Корнифицій хулители Виргилія, Мевій посмѣшище Италіи, Фанній жалостпи достойный пересудчикъ Горація, иный за поведеніе, иный за дурныя сочиненія, не были пріемлемы въ домъ. Латинскаго Парнасса насѣкомые и тѣ, съ коими Меценатъ и сообщество его не знались, имѣли особенное свое сословіе. Они сбирались у богатыхъ невѣждъ у Тигелліевъ, кои по дурному вкусу и злобѣ имъ покровительствовали. Тамъ-то злорѣчили Вир-

гилія, Горація и Мецената. Высокіе духи сіи не забопились о томъ, и брани презрѣніе противу поставляли.

Когда въ первый разъ читаны были на театрѣ Буколическія творенія Виргилія, слушатели встали и воздали творцу ихъ честь, которую воздавали только Августу.

Горацій, сынъ простаго отпущенника, Меценатомъ Императору представленный, удостоенъ былъ особой милости и откровеннаго обращенія обладателя вселенныя.

Аристотель раздѣляетъ поэзію на три эпохи: природа безъ украшенія, начало искуства, искуство до совершенства доведенное. Сію послѣднюю за основаніе взявъ, начнемъ говорить о различныхъ родахъ, на кои поэзія раздѣляется. Опредѣлимъ стихотворство наше такъ: даръ изъяснять вымыслы, или украшенную истинну, словами опредѣленной мѣры.

Эпическая и лирическая поэзія суть, безъ сомнѣнія, наивеличайшія ума произведенія. Греки успѣли въ нихъ особен-

но. Гомеру, Пиндару Латинцы отдавали въ сихъ родахъ преимущество; хотя находили Гомера въ Виргиліѣ (такъ какъ въ Цицеронѣ Демосѳена); но Горацій, лирическій первый стихотворецъ, говоритъ о себѣ, что хотя себя достигшимъ почитаетъ Алкея и Анакреонта, но не равняется съ Пиндаромъ. Сіи Греческіе и Римскіе писатели суть образцы всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ стихотворцамъ эпическимъ и лирическимъ.

Горацій стихотвореніе называетъ живописью, и Гомеръ въ семъ опредѣленіи оправдываетъ его. Сколько картинъ въ Иліадѣ! Описаніе Венерина пояса, каждая битва особенно, собраніе боговъ на Олимпѣ, щитъ Ахиллесовъ и проч: Будебы кто сказалъ, что поэзія есть училище краснорѣчія, Гомеръ оправдалъ бы и того: какое витійство въ рѣчахъ Ахиллеса, Нестора, Аякса, Улисса, Пріама, Гекубы, Гектора, Андромахи! Нѣкто, восхищенный совершенствомъ симъ, воскликнулъ: Ораторы, истиннаго витійства досипчь хотящіе! читайте Гомера, онъ образецъ вамъ. Со справе-

дливостію восхититься могъ бы онъ и тѣмъ великимъ числомъ примѣровъ блистательныхъ доблестей и посрамленныхъ пороковъ, примѣры, коими исполнены сочиненія сего славнаго піита. Въ Иліадѣ изображена пылкость страстей, въ Одиссеѣ выгоды благоразумія въ нещастіи, чертами глубоко въ сердцѣ впечатлѣвающимися.

Наименованіемъ Гомера и Виргилія опредѣлено эпическое стихотворство и степени похвалъ, принадлежащихъ Мильтону, Тассу, Клопштоку, Хераскову, Волтеру и проч. Мы найдемъ у себя въ Ломоносовѣ, Херасковѣ, Петровѣ, Костровѣ и другихъ, многое для приведенія въ примѣръ величества, силы, красоты, нравственности, витійства и иныхъ качествъ героической поэмѣ свойственныхъ.

Лирическая поэзія существовала прежде всѣхъ другихъ. Въ ней у насъ многіе съ различными успѣхами упражнялися; но Ломоносовъ и Державинъ отличными себя явили такъ, что не только равняются съ лучшими изъ иноземныхъ

писателей, но и превзошли многихъ. Гордость соотчича, благодарность за удовольствіе ума и сердца и справедливость оправдаютъ, буде о сихъ мужахъ скажу то, что о Горацiѣ сказано: Въ ихъ сочиненіяхъ найдешь величество, благородство и мужественные восторги Алкея и Стезихора, огнь и чувствительность Сафы, изступленіе и стремительность Пиндара, пріятность, живность и веселую смѣлость Анакреонта, тонкую шутку Аристофана и Менандра, благомысліе и здравую философію Сократа, Платона и Епиктета.

Г. Державинъ издаетъ разсужденіе и правила о лирической поэзіи: (чего желалося бы и на прочіе поэзіи части:) и показалъ многіе примѣры красотъ. Не трудно привести доказательства, что въ сочиненіяхъ его и многихъ иныхъ лириковъ нашихъ, можно много найти того, за что Горація похваляютъ.

Нѣкто пишетъ: Лирическая поэзія требуетъ отличныхъ талантовъ, кои въ одномъ человѣкѣ соединенными весь-

ма рѣдко быть могутъ. Благородно и искусно начертанный планъ, высокія мысли, сильно изъясненныя чувствованія, пылкое воображеніе, подчиненное однакожъ разсудку и уму, естественное, и въ тожъ время, смѣлое выраженіе, то важныхъ и величественныхъ предметовъ изображеніе, то пріятныхъ, веселыхъ и простыхъ, чувствованіе нѣжное и разборчивое, духъ свободный и гордый, а паче всего, тотъ божественный восторгъ, котораго опредѣлить не можно и который обладалъ Пиндаромъ и Гораціемъ.

Драммапическая поэзія имѣла третье мѣсто. У Грековъ славны были Есхилъ, Еврипидъ, Софоклъ, Аристофанъ, Менандръ; у Римлянъ Цецилій, Теренцій, Плавтъ. Трагедія у Римлянъ не была въ употребленіи, и есть одна только часть изъ всей словесности, въ коей Латинцы не препирались о преимуществѣ съ Греками. Двѣ или три трагедіи, вскорѣ забытыя съ именами сочинителей, не служатъ противъ сего доказательствомъ, не исключая даже и трагедіи, кои писалъ Сенека. Нынѣшняя Европа отступила

въ образѣ и вкусѣ театральныхъ представленій столько, что не льзя уже считать сію часть всю и непремѣнно къ поэзіи принадлежащею. Древніе все еще учителями почитаются, но кажется, что ученики сочли лучшимъ новую проложить дорогу, отъ того ли, что чувствуютъ себя совершеннѣйшими, или отъ отчаянія, что худо перенимаютъ. 1000 Трагедій сочинены по примѣру 3 или 4 Софокловыхъ и обо всѣхъ говорятъ, что не достигла ни одна до совершенства, которое приписуютъ Софоклу. Въ Аѳинахъ театръ былъ школа Государей, подданныхъ, священнослужителей, воиновъ, судей и всѣхъ состояній. Всѣ приходили слушать поученія добродѣтели, истинны и человѣколюбія. Мудрецы покидали ликеи и портикъ и шли слушать Есхила, Софокла и Еврипида. Зенонова и Епиктетова философія не столько приносила пользы.

О семъ родѣ словесности вотъ какое читалъ я провозглашеніе: „Употреблять „выраженія нѣжныя и трогательныя, да-

„бы заставить любить добродѣтель; впе-
„рить сильнымъ и мужественнымъ кра-
„снорѣчіемъ желаніе къ сохраненію об-
„щественныхъ обязанностей; возжечь въ
„сердцахъ храбрость, изображеніемъ люб-
„ви къ отечеству; исторгнуть слезы
„умиленія, представленіемъ печали; про-
„известь ужасъ и состраданіе; изобра-
„зить сильно порывистую борьбу стра-
„стей, ихъ надмѣрность, буйство, из-
„ступленіе, дабы научить человѣка отъ
„нихъ остерегаться; показать рази-
„тельные примѣры обмановъ людскихъ,
„да познаемъ слабости наши; разтрогать
„и устрашить душу злобнаго, являя ему
„ужасные дѣйствія, показующіе невиди-
„мую силу, коею защищается невин-
„ность; возбудить чувствительность,
„тронуть сердце простымъ и правди-
„вымъ языкомъ природы, показать истин-
„ное зеркало нравовъ; сдѣлать посмѣши-
„щемъ поступки заблужденія; употре-
„бить самыя яркія краски, дабы заставить
„ненавидѣть порокъ; поучать забавляя.
„Вотъ свойства благороднаго сего иску-
„ства, твердо сопряженнаго съ пользою

„общества, достойнаго вниманія Госу-
„дарей, покровителей словесности.“ Какъ времена перемѣняются; какъ не сказать нынѣ, что сія безмѣрная похвала писана пристрастнымъ авторомъ или комедіантомъ!

По предположенію моему надлежалобы показать успѣхи наши по части театра; но сіе требовалобы разпространенія, или, собственно сказать, особаго сочиненія, коего желать и ожидать должно. Исторія театра, древнихъ и новѣйшихъ, заслуживаетъ дабы занялься симъ упражненіемъ, а Рускаго особенно и потому, чтобъ показавъ насъ не невѣждами справедливую воздать почесть: Сумарокову первому нашему трагику и фонъ Визину лучшему, по сіе время, писателю комедій.

Сатира у Грековъ не составляла особой части; но сливалася съ комедіею; она была родъ драмматическихъ твореній, въ коихъ воспѣвалися хвалы Вакху; фавны и Сильваны составляли хоръ. Римляне отдѣлили ее отъ театра. Луцилій, дядя великаго Помпея, потомъ

Горацій при Августѣ, Персій при Неронѣ, писали Сатиры. Ювеналъ при Домиціанѣ, когда науки и словесность начали упадать, прославился смѣлостію и силою, съ коими нападалъ на пороки. Весьма различно съ Гораціемъ занимался онъ симъ упражненіемъ; Ювеналъ жестокъ, нахаленъ, бранчивъ. Горацій пріятенъ, умѣренъ, разборчивъ; Буало де Прео, сей знаменитый стихотворецъ отъискивалъ и съ большею удачею нашелъ средину между тѣмъ и другимъ изъ сихъ учителей; то, по убѣженію ума, преклонялся къ Горацію, то угождая вкусу современниковъ, слѣдовалъ Ювеналу.

Человѣкъ нѣкакое естественное удовольствіе ощущаетъ, когда можетъ пересужать другаго и осмѣивать его недостатки; такъ говаривали древніе; новѣйшіе, кажется, ихъ во лжи не изобличаютъ. Гр. Оксенштіерна спрашиваетъ себя: отъ чего не можемъ мы удержаться отъ смѣха, когда видимъ, что нѣкто упалъ? и отвѣчаетъ: отъ того удовольствія, что упалъ онъ, а не я. —

Такое что-то произвело сатиру.

Буало сдѣлался образцомъ всѣмъ писателямъ сатиръ, на что безъ сомнѣнія таланты его даютъ ему право; но не сдѣлался ли онъ соблазнителемъ для подражателей? Горацій учитъ охуждать пороки, называя ихъ именами пороковъ, такъ намъ кажется должно, ибо въ именахъ, кои онъ на мѣсто пороковъ ставитъ, мы ни малаго участія не принимаемъ. Буало далъ прочный примѣръ, что можно называть дурнаго стихотворца просто Шапеленомъ, худаго проповѣдника просто Котиномъ, а подражатели, любящіе всегда выдаваться изъ-за образцовъ, спали называть скупость просто именемъ такого-то, мотовство просто именемъ такого-то, и на выборъ тѣхъ, кои поизвѣстнѣе въ обществѣ. Чтожъ наконецъ будутъ дѣлать подражатели подражателей? Нѣкто сказалъ: дѣло сатирика есть родъ должности судіи въ обществѣ. Опасно ввѣрять сіе право всякому безъ разбора. Честь гражданина не должна зависѣть отъ прихоти, злобы, выгоды, или невѣжественныхъ, или заблуждающихся

писцовъ. Не пригодно ли правило сіе къ нѣкоторымъ журналистамъ?

Князю Кантемиру должно отдать справедливость; сатиры его исполнены красотъ, острыхъ замысловъ и силы. Не смотря на нѣкоторые недостатки во вкусѣ тѣхъ временъ, когда писалъ онъ, не смотря на языкъ и мѣру стиховъ неупотребительныхъ нынѣ, Горацій не назвалъ бы его пасынкомъ, и Буало не отрекся бы признать его за брата. Нѣкоторыхъ новѣйшихъ нашихъ писателей въ семъ родѣ опыты заслужили всеобщее одобреніе.

Посланія или эпистолы съ самыхъ отдаленнѣйшихъ временъ въ употребленіи были. У Римлянъ писалъ Горацій же, сей превосходный лирикъ, о коемъ сказано: буде Виргилій думаетъ, что труднѣе взять стихъ у Гомера, нежели отнять палицу у Геркулеса, то конечно труднѣе у Горація отнять красоту какую, нежели похитить поясъ у Венеры. Эпистола его къ Пизонамъ поставляется образцемъ и называется уставомъ ума. Подражатель его Буало,

сближилъ сей родъ поэзіи съ родомъ сатирическимъ и опять-таки, потерявъ древность и Горація изъ вида, слѣдуя Французамъ, посланія у насъ видъ полу-сатиры получили. Фонъ Визинъ и другіе писали и нынѣ многіе пишутъ посланія въ разныхъ родахъ.

Умножающаяся ѣдкость сатиры, переходъ поучительныхъ посланій въ посмѣятельные, колкое поученіе басенъ, ядовитость эпиграммъ, доказываютъ, можетъ быть, утонченіе вкуса, но неулучшеніе сердца человѣческаго.

Дидактическая, или поучительная поэзія, коей цѣль есть: преподаніе правилъ наукъ, художествъ, нравовъ, была у древнихъ болѣе въ употребленіи, нежели у новѣйшихъ. Красота Греческаго языка замѣняла, можетъ статься, сухость предмета и потому еще болѣе Гезіодъ и Емпедоклъ считаются неподражаемыми; первый уподобляется Гомеру въ сладости и звучности слова. Лукрецій, изъ числа славнѣйшихъ стихотворцевъ Римскихъ, пріобрѣлъ всеобщую похвалу, умѣвъ придать о важныхъ вещахъ суж-

дению все богатство поэзіи Латинской. Лукрецій говорилъ о себѣ: „люблю сры„вать новые цвѣты и голову мою укра„шать блестящимъ вѣнкомъ, каковымъ „Музы ни одного поэта, по сіе время, не „увѣнчивали.“— Писавъ о естествѣ вещей, о пустотѣ и о апомахъ, умѣлъ онъ, подъ розами ума и искуства, сокрыть терніе дикой философіи. Георгики Виргиліевы принадлежатъ къ сей же части. Въ семъ родѣ имѣемъ мы письмо Ломоносова о стеклѣ къ Шувалову и нѣкоторыя другія.

Басни принадлежатъ къ древнѣйшему стихотворству. Гезіода считаютъ первымъ въ семъ родѣ упражнявшимся; но Фригійскій Езопъ есть настоящій образецъ онаго. Басни доказываютъ, что и въ старь не любили люди сухаго нравоученія и что нужно было найти средство сказать имъ правду не въ глаза, а назвать хитрость лисицею, глупость осломъ, трусость зайцомъ, безразсудное тщеславіе, надувающеюся лягушкою и проч. Притчи еще древнѣйшій способъ иносказательно и по-

средствомъ сторонних примѣровъ представлять дѣло, поученіе, или убѣжденіе, суть доказательство того же.

Федръ, отпущенникъ Августа, у Римлянъ перевелъ Езопа и Локмана украся подлинники свои; но при всей чистотѣ языка, ясности, краткости и пріятности слога, не заслужилъ въ Римѣ достойной похвалы; о немъ говорили даже, что онъ изпортилъ Езопа. Въ послѣдующія времена на столько разныхъ образовъ всякую басню его передѣлывали въ Европѣ, что не льзя жъ сказать, что никто не изпортилъ. Тѣ, коихъ въ семъ упрекнуть не можно знаменитѣйшіе у насъ суть: Сумароковъ, Дмитріевъ, Хемницеръ.

Ежели бы планъ мой дозволялъ мнѣ разпространиться, тобъ представить можно было весьма многіе примѣры красотъ не уступающихъ никакимъ, изъ извѣстныхъ въ Европѣ, басне-писателямъ.

Къ баснямъ принадлежатъ краткія повѣсти, нравоученія въ себѣ заключающія, были и сказки, или небылицы. Во всѣхъ сихъ родахъ многіе, съ большими

успѣхами, у насъ упражнялися и упражняются.

Вышедшая нынѣ изъ моды жалобная элегія, коей примѣры видимъ у Сумарокова, была въ большомъ употребленіи у Римлянъ. Нѣжный Тибуллъ, порывистый Проперцій, затѣйливый Овидій, не уступали въ семъ родѣ Грекамъ и оставили намъ многія сего рода сочиненія.

Буколическое стихотворство, составившее часть славы Виргилія, тожъ изъ употребленія вышло. Образцы Еклогамъ, идилліямъ далъ намъ Сумароковъ. Въ разныхъ журналахъ съ 1760 видимъ мы многія сего рода сочиненія, но примѣтно рѣже они отъ часу показываются.

О утратѣ элегіи и буколическихъ стихотвореній, кажется много тужить не должно. Элегія никогда естественною быть не могла, и всѣ сочинители, несомнѣнно, умъ свой и чувствованія, кои на себя наклепывали, въ элегіяхъ показывали, а не настоящее положеніе свое въ несчастіи и неудачахъ любви. Что до буколической поэзіи принадлежитъ, то мы такъ далеки отъ временъ, когда па-

сива и скотоводство были занятіемъ столькожъ необходимымъ, сколько и непостыднымъ, что никто не въ состояніи безъ смѣха вообразить себя Миртилломъ и любезную свою Амариллою, въ приличныхъ, обоимъ имъ, и нарядахъ и положеніяхъ. Безъ доказательствъ вѣрить можно, что не сѣверъ произвелъ сего рода творенія. Нѣкоторые опыты буколической поэзіи видимъ мы у Ломоносова.

Эпиграмма составляла какъ у Грековъ, такъ и у Римлянъ особый родъ поэзіи; но съ самаго начала не иное что была какъ надпись. У Римлянъ получила нѣкоторую тонкость, далеко отстоящую отъ того, что у насъ эпиграммы нынѣ. Европейскихъ эпиграммъ опредѣленіе должно быть, по нещастью, слѣдующее: насмѣшка или укоризна, именно на чей нибудь счетъ, не столь замысловато, какъ злобно, въ краткихъ стихахъ представленная.

Вотъ почти всѣ роды поэзіи древнихъ, коихъ однихъ поистинѣ должно почитать образцами.

Поэзія возникшая въ новѣйшія времена есть: сонеты, мадригалы, рондо, стансы, загадки, шарады, логогрифы, акростихи и проч. у Французовъ называются Pièces fugitives, а у насъ столько же несвойственно: *мѣлкими стихотвореніями.*

Сихъ легкихъ родовъ поэзіи многія имѣемъ мы весьма хорошія сочиненія, коимъ отъ 30 года прошедшаго столѣтія за 80 лѣтъ до настоящаго времени, начало положить можно. Съ большимъ успѣхомъ многіе изобрѣтали и подражали писателямъ Италіанскимъ, Французскимъ, Англинскимъ и Нѣмецкимъ. Отъ прекраснаго пола зависитъ усовершенствовать у насъ тѣ роды поэзіи, кои на Французскомъ языкѣ ему нравятся.

Остается мнѣ въ заключеніи сослаться на имена писателей нашихъ и на число изданныхъ сочиненій, дабы доказать что никакого рода поэзія не чужда Рускимъ, и обратиться на предметъ мой повтореніемъ того, что упражненіе въ поэзіи и похвально и полезно, и что

Греческіе и Латинскіе писатели суть образцы во всѣхъ лучшихъ родахъ словесности, и они-то суть истинные учители подлинныхъ Стихотворцевъ.

А. Хвостовъ.

ПСАЛОМЪ 143.

Благословенъ въ Сіонѣ Богъ,
Мою десницу ополчивый,
И персты слабы научивый
На брань, чтобъ стерть кичливыхъ рогъ.

* * *

Моя Ты милость и покровъ,
Заступникъ мой и избавитель,
Прибѣжище и защититель:
Ты мнѣ вручилъ моихъ рабовъ.

* * *

За что о Боже! человѣкъ.
Столь возвеличенъ былъ Тобою?
Онъ соравнялся съ суетою;
Какъ сѣнь его преходитъ вѣкъ.

* * *

Склони Господь небесный сводъ,
Коснись горамъ — и воздымятся,
Кинь молнію — и разрушатся,
Дхни — и польются сонмы водъ.

* * *

Простри десницу съ облаковъ,
Изми меня изъ мрачной бездны,
Гдѣ токи проливаю слезны
Во власти чуждыхъ мнѣ сыновъ.

* * *

Гортань ихъ суету гласитъ,
Десница ихъ, десница злобы:

Они поваленные гробы,
Въ которыхъ смрадный прахъ сокрытъ.

* * *

Тогда пѣснь нову воспою
Въ десятострунномъ я Псалтирѣ
Хранящему домъ Царскій въ мирѣ
И душу спасшему мою.

* * *

Какъ разцвѣтаетъ долъ весной,
Сыны враговъ такъ разцвѣтаютъ,
Себя ихъ дщери украшаютъ,
Какъ Храмъ мы украшаемъ Твой.

* * *

Ихъ житницы всегда полны.
Я зрѣлъ: ихъ овцы многоплодны,
Идуци на источникъ водный,
Не могутъ бремя снесть волны.

* * *

Тамъ вздоховъ нѣтъ, ни тяжкихъ золъ,
По стогнамъ вопль не раздается;
Но пѣсней шумныхъ гулъ несется
Съ холма на холмъ, изъ дола въ долъ.

* * *

Сей родъ кичливый взноситъ рогъ
И радость Богомъ почитаетъ.
Се гласъ, что бури укрощаетъ:
„Блаженъ, егоже Азъ есмь Богъ.„

Петръ Шаликовъ.

ЭПИСТОЛА къ ЛЕОНУ.

Не время ли, Леонъ, призраки брося лживы,
Соскуча странствіемъ склонишься подъ оливы!
Не время ль въ терніяхъ пожаты лавры снять,
И опочивъ на нихъ боль данныхъ язвъ унять!
Годъ въ бѣгѣ не коснитъ,—течетъ своей чредою;
Въ сей мигъ ты мнѣ внималъ: гдѣ мигъ сей? за тобою.
Давноль ты веселясь встрѣчалъ весны приходъ:
Се новая! . . . спѣши! — и ту поглотитъ годъ!
Къ возходу солнечну едва простеръ ты взоры:
Мы въ вечери теперь! — стопы у время скоры,
Не медлятъ на пути по прихотямъ твоимъ,—
Ни дряхлость скучная не угрожаетъ имъ.

Я зрѣла: юный Май носяся надъ Нѣвою,
О свѣтло облако опершейся рукою,
Фіялы, ландыши кидалъ къ ней на брега.
Стезей ему была семи цвѣтовъ дуга.
Рубины на вѣнцѣ, на крыліяхъ сапфиры.
За нимъ и передъ нимъ толпилися Зефиры.
Во срѣтенье къ нему парилъ пернатыхъ полкъ.
Самъ шумный Аквилонъ палъ ницъ предъ нимъ,— и смолкъ.
Въ пуки фіялы рвать пылала я охотой;
Приникла ко брегамъ, склоненная дремотой:
Уснула, — и увы! фіялокъ болѣ нѣтъ;
Увяли ландыши, пожелкъ ихъ снѣжный цвѣтъ.

Я зрѣла роскошью дышащи виноградны;
Тамъ грозды сочные,—здѣсь рдѣющи гренады,—
Подъ пухомъ персики; блескъ мещущи айвы;
Согбенны отъ плодовъ древесныя главы:
Но вдругъ раздалися Эола въ дебряхъ свисты;
Завылъ Борей; сшелъ хладъ; легли туманы мглисты, —
И алчущій Ноябрь, хватая съ древъ плоды,
Клочками сыплетъ снѣгъ съ кудрявыя брады.

Такъ все одно другимъ смѣняется въ природѣ!
Не ждетъ природа насъ въ своемъ ревнивомъ ходѣ;
Безъ лѣности и мы пойдемъ съ ней дружно въ рядъ.
Вперя несытый свой мы въ будущее взглядъ,
На воздухѣ дворцы блестящи созидаемъ;
Но часъ сей будущій, навѣрноль нашъ? — незнаемъ! . . .
Лишь тотъ, въ которомъ я дышу есть точно мой.
Какъ вѣдаешь ты здѣсь, что скрыто за стѣной?
Твой зоркій, острый взоръ: взоръ смертнаго,— не болѣ!
Ты сѣла закупилъ, стяжалъ обширно поле;
Но кто съ него пожнетъ?— Быть можетъ, — и не ты.
Увы! почтоже намъ крушимься за мечты?
Леонъ! почто съ судьбой, какъ буйнымъ, вѣкъ сражаться?

Что не дано: желать; дано: не наслаждаться,—
Какъ будто юность намъ въ подруги суждена!—
Нѣтъ, нѣтъ! и наша вѣкъ не станетъ цвѣсть весна!
И наша хладная зима не отдыхаетъ!
Бѣжитъ осклабяся,—какъ исполинъ шагаетъ:
Едва у входа мы, — мчитъ быстро на закатъ;
И въ очи и въ уста свой встрѣчнымъ дуетъ хладъ;
Рветъ розы съ ихъ ланидъ, даетъ хребты согнуты,
На легкія стопы бросаетъ тяжки путы;
Лишаетъ зрѣнія; тмитъ память; тупитъ слухъ.

Вотще я оживить мой прежній силюсь духъ!
Не тотъ ужъ онъ что былъ!... мысль, память, духъ слабѣютъ,
И черные, какъ вранъ власы мои бѣлѣютъ.
Леонъ! Ты вѣдаешь;—законъ у время свой:
Какъ фениксъ снова мы не разцвѣтемъ душой!
Престанемъ мудрствовать,—искать въ призракахъ счастья;
Пока сіяетъ Фебъ, почто дрожать ненастья;
Есть скорби, — и прейдутъ; есть радость, — улови.
Самъ Богъ къ утѣхамъ въ насъ не осудилъ любви:
Отворимъ сердце имъ, когда онѣ безгрѣшны!
Богатство, слава, санъ, суть жизни блага внѣшны,

И истинна душѣ блаженства не дадутъ.
Когда обиженну явилъ ты правый судъ,
Съ убогимъ раздѣлилъ трапезъ твоихъ избытки,
На выкупъ плѣннаго смѣнялъ металльны слитки,
Далъ ложе страннику, безкровому покой,
Скорбяща облегчилъ совѣтомъ, иль слезой, —
Ты въ бѣдности богатъ, и въ низкой долѣ славенъ!
Числомъ чертоговъ ты пусть Крезу и не равенъ:
Щитятъ ли насъ они отъ горестей и бѣдъ?
Вездѣ угрюмая проложитъ скука слѣдъ,
Коль ты въ душѣ отъ ней не сорудилъ ограды.
Идетъ безъ робости въ огромны зданьемъ грады,
Въ бесѣды пышныя, сквозь рядъ стоящихъ слугъ,
Сквозь мраморны столпы, къ вельможамъ въ тѣсный кругъ,
На ложа штофныя, за вкусныя трапезы,
И въ чаши сребряны ронятъ горьки слезы:
Придверникъ твой отъ ней тебя не охранитъ!
Собой довольными не злато насъ творитъ:
Мы въ выборѣ забавъ должны искать сей тайны.
Скупой съ сокровищьми и скудный,—оба равны;
Но кто ненасытимъ тотъ скуденъ паче всѣхъ.
Насъ къ счастію ведетъ умѣренность утѣхъ:
Веселье чистое ей небомъ данна плата.

Памфилъ и Теокритъ два нѣгдѣ жили брата.
Щедроты равныя съ небесъ на нихъ текли;
Но разны склонности ихъ къ разному влекли.
Безвѣстну, Теокритъ избравъ смиренно долю,
Считалъ излишество за тайную неволю.

Какъ свѣтлый ручеекъ его катились дни,
Средь скромныхъ сердца нуждъ у разума въ пѣни.
(Мы рѣже скрытыхъ благъ должны страшиться страты).
Когда жъ порывы бурь и рока коловраты
Трясли свирѣпствуя его укромный домъ;
Любовь Лавиніи была ему щитомъ.
Двѣ силы ставилъ вдругъ противу онъ напасти,
И бремя раздѣля на равныя двѣ части
Не вѣдалъ тяжести носить его одинъ:
По скаламъ шествуя мнилъ быть среди равнинъ.
Памфилъ, въ желаньяхъ съ нимъ и нравахъ, столь же разной,
Гнушаясь тишины всегда единобразной,
Затѣйливымъ умомъ взносился на луну.
„Какъ можно“—мнилъ онъ—„знавъ лишь родину одну,
„Коснѣя здѣсь въ глуши разсудкомъ умудриться?
„Разсудокъ нашъ трудомъ и опытомъ крѣпится.
„Все въ свѣтѣ суета; всякъ рабъ своихъ страстей!
„Тотъ алчетъ золота; сей славы, иль честей.
„Пойду за мудростью въ предѣлы отдаленны,
„На Зороастовъ гробъ, вѣками сокрушенный,
„Среди священныхъ мховъ искать ея знамень!“
Напрасно Теокритъ, разлукой сокрушенъ,
Подъ дружескую сѣнь бѣгуща приглашаетъ:
„Ищу премудрости,—сей гордо отвѣчаетъ!

„На гробѣ мудреца постигнувъ суету, —
„Тамъ прочны радости я плѣннымъ предпочту!“

Дхнулъ пламенный Іюль, ражжегъ пески сыпучи;
Бѣжитъ въ кусты овенъ; волкъ скачетъ въ лѣсъ дремучій;
Подъ хворостъ кольцами вiясь ползупъ зміи;
Засѣлъ въ пещеру левъ; легли стада въ ручьи;
Олени прядаютъ скалы подъ дики своды,
Нагнувъ рога дробятъ въ жерло бiющи воды;
Конь ржетъ,—несется въ сѣнь, копытомъ роя лугъ;
Оратай изнурясь прилегъ подъ праздный плугъ:
Единый раздыху Памфилъ не предавался;
За счастіемъ гонясь, отъ счастья уклонялся.
Средь зноя, въ бурю, въ мразъ, по сушѣ, по морямъ
Летитъ, кляня мечты, къ избраннымъ вновь мечтамъ.
Два раза былъ въ плѣну; пять лѣтъ провелъ въ темницѣ;
На Зороастровой не умудрясь гробницѣ
Стеречъ, влачивши цѣпь, въ Аравіи коней;
Извѣдалъ ужасы; близъ многихъ былъ смертей,
И въ скорби посѣдѣвъ, средь нужды безпокойной
Прибылъ на родину въ дни старости преклонной.

Леонъ! въ предѣлахъ ли насъ чуждыхъ мудрость ждетъ?
Кто духомъ бодръ, тотъ къ ней вездѣ стезю найдетъ.

Не внѣшностью тотъ твердъ! въ себѣ, въ поступкахъ вольный,
Не станетъ вопрошать гробницы онъ безмолвны,
Ни мхи безчувственны, ни хладный сѣнь гранитъ;
Что скажетъ прахъ кому? что скажетъ персть?... молчитъ.
Ты вѣдаешь сіе,—ты мудръ, и за слѣпцами
Не бродишь темными ко счастію путями.
Летящаль времени забыть ты могъ законъ?
Нашъ вѣкъ въ юдоли сей есть смутный, краткій сонъ!
Всякъ часъ видѣніе смѣнлется видѣньемъ;
За благомъ скорьбь идетъ, спокойство за волненьемъ:
Нѣтъ прочнаго ни въ чемъ! — прейдутъ и наши дни . . . .
Ты съ утра странствуешь,—се вечеръ,—отдохни.

Бунина.

КЪ РУЧЬЮ

ПОДРАЖАНІЕ ГЛЕЙМУ НЬМЕЦКОМУ СТИХОТВОРЦУ.

Сколь кажешся ты мнѣ любезенъ, ручеёкъ!
Сколь нѣженъ ропотъ твой и томное журчанье!
Пріятно мнѣ смотрѣть на твой сребристый ток
Склонять къ тебѣ свой слухъ и обращать вниманье;
Люблю я отдыхать на берегу твоемъ;
Гремучихъ водъ твоихъ шумящее паденье
Приводитъ въ сладкое всѣ чувства усыпленье;
Лишь ты одинъ всегда въ уединеньи семъ,
Со мною говоришь и мысли развлекаешь,
И никогда моей бесѣдой не скучаешь.
Когда я ловлею бываю утомленъ
И зноемъ солнечнымъ и жаждой изнуренъ;
Тогда я къ твоему потоку прибѣгаю,
Засохшую гортань струями прохлаждаю. —
Но естьли спану пить вино, тогда ручей!
Тогда не смѣшивай ты съ нимъ воды своей...
Знай, что рѣшился я невѣрность Ликористы
И клятвы въ Вакховомъ напиткѣ погрузить,
А для сего струи твоихъ водъ слишкомъ чисты,
Злодѣйство черное ихъ можетъ возмутить.
О милой мой ручей, прозрачной, говорливой!

Будь чистымъ зеркаломъ всегда любви щастливой. —
И солнце съ мѣсяцомъ въ себѣ изображай;
По мѣлкимъ камушкамъ каши хрусталь гремящій,
Сыпь по брегамъ цвѣтнымъ перловый дождь — блестящій,
Беги, стремись, шуми, сверкай, журчи, играй—
И мысли грустныя съ струями увлекай.

По мнѣнію многихъ ученыхъ людей Омиръ отецъ Эпопеи былъ перьвымъ сочинителемъ шутливой поэмы. Древнія преданія подтвержденныя многократно въ теченіи двадцати семи вѣковъ, не смотря на нѣкоторыя противу оныхъ возраженія, заставляютъ вѣрить, что пѣвецъ Иліады не возгнушался быть творцемъ Ватрохоміомахіи и что лира даровавшая безсмертіе Гектору, Ахиллу и Агамемнону, бряцала войну мышей и лягушекъ. Но ежели бы сіи преданія были отвергнуты неоспоримыми доводами, то и тогда шутливыя поэмы все еще заслуживали бы вниманіе любителей словесности и почетное мѣсто между классическими произведеніями. Кто можетъ отказать въ семъ преимуществѣ стихотворенію, котораго примѣры мы находимъ на всѣхъ языкахъ прославившихся словесностію. Имяна Тассонія, Попа, Прейора, Буало, Виланда и Волтера не въ силахъ ли отразить

пренебреженіе отъ того рода поэзіи, которымъ они занимались и коему многіе изъ нихъ обязаны своею славою?

Не входя въ подробное изложеніе правилъ шутливыхъ поэмъ, я почитаю обязанностію сказать только нѣчто о семъ родѣ, котораго слабый опытъ представляю Бесѣдѣ Любителей Рускаго слова.

Шутливая или Ирои-комическая поэма въ отношеніи къ Эпопеи кажется есть то же самое, что комедія въ сравненіи съ трагедіею. Щастливое изобрѣтеніе сказки, сладкозвучіе стиховъ, быстрота и постепенность хода, разительныя уподобленія, піитическая чудесность, вѣроподобіе въ повѣствованіи и наконецъ нравственная цѣль, безъ которой не можетъ и не должно ничто быть представлено взору читателя, составляютъ сущность и красоту шутливой поэмы, равно какъ и самаго эпическаго творенія. Онѣ только разнствуютъ или важностію предмѣта, или возвышенностію слога; шутливыя поэмы раздѣляются на два рода: однѣ представляютъ въ важномъ видѣ

забавныя или малозначущія произшествія, другія шутливымъ слогомъ описываютъ достопамятныя или Ироическія дѣянія. Примѣры сихъ обоихъ родовъ мы находимъ почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. Въ Италіи Баярдо написалъ древнимъ слогомъ влюбленнаго Роланда; шутливый Берни давшій названіе слогу Бернеско, преложилъ сію поэму въ стихи приличныя новѣйшимъ временамъ; Фортигверра прославилъ себя прелестными стихами сочиненнаго имъ Ричардета; Лаказа здѣлалъ Capitolo del forno. Бричіолини пріятнымъ слогомъ осмѣивалъ ложныхъ Боговъ въ комической поэмѣ; Корсини, здѣлался извѣстнымъ въ ученомъ свѣтѣ сочиненіемъ печальной башни и Тассони, знаменитый творецъ Похищеннаго Вѣдра, далъ первый названіе *Ирои-комической* поэмы сему роду сочиненій. На Англинскомъ языкѣ Ботлеръ прославилъ забавными стихами Гудибраса; Докторъ Гартъ воспѣлъ вражду Лѣкарей и Аптекарей, Прейоръ шутливымъ слогомъ писалъ исторію души. Англинскіе журналы наполнены пох-

валъ Филиповой поэмѣ Brillant schilling; глубокомысленный Попе былъ творцемъ похищенія локона, поэмы объ которой говорятъ сочинители Британской енциклопедіи, что въ ней болѣе творческаго духа, нежели, можетъ быть, во всѣхъ прочихъ твореніяхъ сего знаменитаго поэта.

Многіе Нѣмецкіе стихотворцы отличили себя въ семъ же родѣ. Похищенный платокъ Захаріевъ подражаніе Попе, почитается нѣкоторыми Германскими писателями наровнѣ съ Англинскою поэмою. Гете авторъ Вертера, переходя отъ чрезвычайной чувствительности къ чрезмѣрно-плодовитой шутливости, воспѣлъ въ 12 пѣсняхъ хитрость лисицы. Виландъ развеселилъ Немѣцкую словесность прекрасною Ирои-комическою поэмою: его Оберонъ почитается пріятнѣйшимъ произведеніемъ Германской музы.

Во Франціи, въ вѣкъ Людовика XIV, Буало сочинилъ совершеннѣйшее, по словамъ Г. Лагарпа, въ семъ родѣ творенiе Налой, (le Lutrin) поэму названную имъ,

по примѣру Тассонія, Ирои-комическою. Послѣ сего превосходнаго произведенія шутливой музы, я нахожу излишнимъ говорить о прочихъ Французскихъ произведеніяхъ въ семъ родѣ. Волтеръ не надѣясь сравниться въ сатирахъ съ безсмертнымъ Буало и желая можетъ быть унизить славу друга Расинова, возставалъ противу Ирои-комическихъ поэмъ; но написавъ въ семъ родѣ извѣстную поэму, самъ опровергъ пристрастныя свои сужденія.

На нашемъ языкѣ Василій Ивановичь Майковъ сочинилъ Елисея, шуточную поэму въ 4 пѣсняхъ. Отличныя дарованія сего поэта и прекраснѣйшіе стихи, которыми наполнено его сочиненіе, заслуживаютъ справедливыя похвалы всѣхъ любителей Рускаго слова; но содержаніе поэмы, взятое изъ само простонародныхъ произшествій и буйственныя дѣйствія его Героя, не позволяютъ причесть сіе острое и забавное твореніе къ роду Ирои-комическихъ поэмъ, необходимо требующихъ благопристойной шутливости.

И такъ не видя на нашемъ языкѣ правильной Ирои-комической поэмы, я осмѣлился здѣлать опытъ сочиненія въ семъ родѣ. Смятеніе случившееся нѣкогда въ одномъ изъ обществъ при разборѣ шубъ, перемѣшанныхъ неосторожностію придверника, показалось мнѣ содержаніемъ столь же приличнымъ для шутливой поэмы, какъ и ссора настоятеля и уставщика за снятой и поставленной налой, или вражда двухъ Италіанскихъ городовъ за похищенное ведро. Я представляю сочиненную мною первую пѣснь которая рѣшитъ судьбу всей поэмы: или она при самомъ рожденіи своемъ смиренно сокроется во мракѣ неизвѣстности, или оживленная улыбкою благосклонныхъ слушателей, будетъ окончана.

РАСХИЩЕННЫЯ ШУБЫ

ИРОИКОМИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою крамолою забавы пресеченны,
И муфты, и хвосты, и шубы расхищенны.
О ты не молчная глашатая вѣстей!
Чью рѣчь ни вѣтровъ шумъ, ни бурный ревъ морей,
Ни самый громъ небесъ, не заглушали вѣчно;
Стоустая молва! ты вѣдаешь конечно
Какой геенскій духъ прервалъ веселый пиръ,
Возгнелъ смятенья огнь, разрушилъ тихій миръ,
Которымъ тридцать лѣтъ въ томъ домѣ наслаждались,
Куда въ воскресны дни для плясокъ собирались
Трудолюбивыя и жены и мужья
И праздновали тамъ, какъ дружная семья. —
Вѣщай молва .... но что! не рояль пчелъ жужжанье,
Не водопадаль шумъ, не птицъ ли щебетанье
Я слышу вкругъ себя? — сто гласовъ, сто рѣчей
Достигли вдругъ моихъ внимательныхъ ушей.

Сто устъ вѣщаютъ мнѣ и всѣ вѣщаютъ разно;
Какъ спорщики въ жару безсмысленно, несвязно,
Всѣ вдругъ кричатъ, шумятъ: такъ, вѣсти-ница молва
Схвативъ, собравъ, смѣшавъ, всѣ вѣсти, всѣ слова,
Мой слухъ безъ жалости вдругъ ими поражаетъ
И мучитъ и глушитъ и быстро оплѣтаетъ,
Чтобы вездѣ поспѣть съ расказами вѣстей.
Ты муза славная веселостью своей,
Кѣмъ строгій Буало въ храмъ славы преселился,
Съ кѣмъ самъ отецъ стиховъ въ часъ отдыха рѣзвился,
Сойди, сойди ко мнѣ и умъ мой просвѣти,
Чтобы въ рѣчахъ молвы, мнѣ истинну найти.
Ужъ свѣтлая Нева корой одѣлась льдистой,
Съ рамень зимы низспалъ на землю снѣгъ пушистой,
И феба на одрѣ покоющая лѣнь,
Свѣтъ дневный сократя, длитъ ночи мрачну тѣнь.
Настали вечера народнаго веселья,
Въ которы на Руси, отъ празднична бездѣлья,

Бывало молодіёжь о суженой своей
Гадала у воротъ, рядилась въ журавлей,
На посидѣлки свахъ къ невѣстамъ засылала,
И въ лицахъ Гаэрски потѣхи представляла.
Хотя у насъ теперь обычай сталъ иной,
Во всемъ намъ нравится и складъ и толкъ чужой;
По иностранному мы въ вальсахъ закружились,
Но не совсемъ еще съ Веселостью простились.
Въ соболей шапочкѣ, на рысакѣ лихомъ,
Веселость чрезь Неву лѣтѣла плясокъ въ домъ;
Предъ санками ея и Радости и Смѣхи,
Забавы разныя и разныя потѣхи,
Порхали, бѣгали, катились на конькахъ,
Гоня съ дороги прочь заботу, скуку, страхъ.
Въ рукахъ забавъ огни потѣшные сіяли
И пасмурную ночь въ день ясный премѣняли:
Но въ поднебесье вдругъ раздался бурный вой,
На вихряхъ пламенныхъ несется надъ Невой
Сынъ тартара, Раздоръ, убійствомъ пресыщенный,
Пронырствомъ, Ябедой, Алчбою окруженный.
Раздоръ кичливый взглядъ низвелъ на пышный брегъ;
Узрѣвъ Веселости великолѣпный бѣгъ,
Стрѣлою зависти во сердцѣ уязвился,

Разсвирѣпѣлъ, взревелъ и долу низпустился
Веселость между тѣмъ достигла тѣхъ дверей
Гдѣ святки праздновать угодно было ей;
Уже ступила въ домъ — Раздоръ крыльца коснулся:
„Остановись“ вскричалъ и чуть не улыбнулся
Какъ обратила взоръ Веселость на него;
Злой духъ не могъ сокрыть смущенья своего,
Слова его въ устахъ дрожащихъ изчезали;
Межь Игръ раздался смѣхъ, Утѣхи восплескали;
Веселость съ торжествомъ въ потѣшной домъ вошла
И за собою дверь проворно заперла.

Какъ жалкихъ драмъ творецъ въ театрѣ посрамленный,
Шипеньемъ, шиканьемъ и свистомъ оглушенный,
Чтобъ вовсе не унынь подъ игомъ грустныхъ думъ
Хвалы своихъ друзей себѣ приводитъ въ умъ;
Духъ творческій живитъ и зрителямъ въ отмщенье
Готовитъ новое преслезное творенье:
Такъ, въ первый разъ еще, осмѣянный Раздоръ,

Чтобы скорѣй забыть его смутившій взоръ,
Всѣ подвиги свои на мысль себѣ приводитъ;
Но пищетно все: онъ въ нихъ отрады не находитъ;
И въ слѣдъ веселости свирѣпый брося взглядъ
Клянется тартаромъ не возвращаться въ адъ
Доколѣ не отмстить сопернице надмѣнной,
Не превратить во плачь пиръ ею учрежденной,
Въ ея потѣшный домъ вражду не вовлечетъ.
Въ досадѣ, въ ярости, источникъ лютыхъ бѣдъ,
Мгновенно злобный ковъ ко мщенью вымышляетъ,
И Гашпара къ сему орудьемъ назначаетъ.
Переплетатель книгъ, сей Гашпаръ ремесломъ,
И первый старшина въ веселомъ домѣ пюмъ,
Въ который заперты раздору были двери
Проворною рукой небесъ любимой дщери.
Повѣдай муза мнѣ чѣмъ Гашпаръ славенъ былъ
И чемъ вниманіе раздора заслужилъ.
Распорядитель рокъ съ природою въ разладѣ,
Намъ дѣлитъ жребіи не рѣдко ей къ досадѣ;
Не рѣдко тотъ, кто въ свѣтъ для пахарства рожденъ,

Иль въ судъ, иль ко двору, иль въ войскѣ помѣщень;
А тотъ кого на брань назначила природа,
Безвѣстный кончитъ вѣкъ на стражѣ огорода.
Природы мудрыя, всещедрою рукой,
Былъ Гашпаръ отличенъ и тѣломъ и душой:
Наморщено чело скрывало умъ высокой,
И билося въ груди дебелой и широкой
То сердце, въ коемъ гнѣвъ, тщеславье и любовь
Палили кофіемъ сгущаемую кровь.
Подъ бровью мрачною, надъ пухлою щекою,
Прокрадывался взоръ отличный быстрою.
Улыбкой хитрою раздвигнуты уста,
Зубами бѣднаго, рѣчьми обильна рта,
Тянулись до ушей и чудкихъ и огромныхъ.
Изъ сихъ-то страшныхъ устъ, изъ сихъ-то устъ нескромныхъ,
Газетны новости лились какъ быстрый токъ.
Когда, между друзей, на свой пеняя рокъ,
Который не ему вручилъ вѣсы Ѳемиды,
Имъ Гашпаръ обьяснялъ дворовъ различны виды,
Сгущенный вкругъ его, какъ мгла, табашный дымъ,
Дѣла Царей и царствъ не сокрывалъ предъ нимъ:

Онъ видѣлъ все; и такъ вращалъ судьбу вселенной,
Какъ пуншевый стаканъ имъ трижды осущенный.
Кшобъ слыша рѣчь его, кшобъ зря его восторгъ
Законодателемъ его почесть не могъ!
А злобный рокъ увы! ему повелѣваетъ
Быть переплетчикомъ .... и онъ переплетаетъ! —
Но року вопреки и въ низкой долѣ сей
Извѣстенъ Гашпаръ сталъ прилѣжностью своей:
Честь дѣлаютъ его искуству и работѣ,
Явившіяся въ свѣтъ, въ сафьянномъ переплетѣ,
Преслезныхъ странствій семь, журналовъ пятьдесятъ,
Романовъ множество, сто жалосныхъ балладъ;
На нашемъ языкѣ не наши всѣ писанья,
И подражателямъ безсчетны подражанья.
Онъ ихъ украсилъ всѣхъ (въ томъ зла большаго нѣтъ,
Они лѣжа въ пыли не развращаютъ свѣтъ):
Но онъ же переплелъ, и тѣмъ еще гордился,
Все то, чѣмъ прошлый вѣкъ какъ язвой заразился:
Безбожны письмена Фернейска мудреца,

Разврата полный плачь, прежалких драмъ
творца;
Природы мудрствія, системы ложны свѣта
Ласера, Мирабо, Гельвецья, Кондорсета,
Спинозы, Дидеро и множество другихъ
Для свѣта пагубныхъ, угодныхъ аду книгъ.
Хоть Гашпаръ былъ и добръ и набоженъ и
честенъ,
Но вреднымъ симъ трудомъ раздору сталъ
извѣстенъ,
Который зря, что вѣкъ нашъ здѣлался ученъ,
Что яблокомъ златымъ не будетъ онъ
прельщенъ,
Что статуи боговъ, духовно словопренье
Ужъ въ немъ не дѣйствуютъ, взялся за
просвѣщенье:
Изъ ложныхъ мудрецовъ отборныя мѣста
Вселилися въ его крамольные уста;
Онъ ими возгремѣлъ, и пагуба возстала,
Восплакалъ горній міръ, вселенна возстенала
И вѣра! . . . скройся видъ ужасный отъ очей
Веселой музы ты не огорчай моей;
Я съ нею пренестись спѣшу въ покой сми-
ренной,
Гдѣ Гашпаръ скромно жилъ съ своей суп-
рогой вѣрной.
Раздоръ съ злымъ умысломъ вступая въ сей
покой
И видъ, и станъ, и взоръ перемѣняешь свой,

Главу обвитую шипящими змѣями,
Вѣнчаетъ парикомъ съ подвитыми кудрями;
Очками тусклыми, мрачитъ тотъ волчій взглядъ,
Изъ коего въ сердца ліется злобы ядъ;
Перчатки, башмаки, скрываютъ когти львивы;
Чешуйчатый хребетъ и крылія змѣины
Смиренно прячутся подъ вишневой кафтанъ;
И словомъ ростъ, лице, осанку, поступь, станъ,
Пріемлетъ школьнаго учителя Залцеда,
Крестьяна Гашпара давно умерша дѣда.
Подъ видомъ чуждымъ симъ онъ къ Гашпару идетъ,
Да въ хитрые его тѣмъ сѣти завлечетъ.
Представъ предъ нимъ какъ тѣнь, какъ грозно сновидѣнье,
Онъ хочетъ возбудить въ душѣ его киченье;
Въ немъ зная къ новостямъ и къ празднословью страсть,
Его устами мнитъ свою повѣдать власть
Въ томъ домѣ, гдѣ онъ зрѣлъ веселость воцаренну
И предъ собою дверь съ насмѣшкой затворенну.
Раздоръ взошелъ и зритъ сквозь борющуся мглу,

Съ свѣтильной гаснущей за верстакомъ въ углу,
Крестьяна Гашпара тьмой книгъ загромождена
И въ креслахъ дѣдовскихъ сномъ крѣпкимъ отягченна.
Повисшая глава между широкихъ плечь
Казалось тяжестью своей могла увлечь
Все тѣло тучное въ паденье за собою;
Но Гашпаръ опершись могучею рукою
На тотъ верстакъ, гдѣ имъ была помѣщена
Причина тайная его волшебна сна,
И крѣпко увязя свои дебелы чресла,
Для всѣхъ въ пространные, ему же тѣсны кресла,
Былъ твердъ какъ древній вязъ склоненный надъ рѣкой.
„Проснись, гласитъ раздоръ, о внукъ любезный мой
„Возстань; познай меня! я прежній твой учитель,
„А нынѣ въ небесахъ души твоей хранитель;
„Проснись!“ и съ рѣчью сей раздора громкій гласъ
И окна и верстакъ и весь покой потрясъ—
А Гашпаръ спитъ. Къ нему сынъ ада приступаетъ,
На книги опершись вторично восклицаетъ

„Проснись, мой внукъ, проснись! но было то вотще;
Гласъ слышенъ за версту, а Гашпаръ спитъ еще.
Ужъ въ трепій разъ уста раздора растворились,
Но въ нихъ зѣвотою слова остановились;
О чудо! злобный духъ сконьчать не можетъ рѣчь;
Смыкаются глаза, глава катится съ плечь,
Его объемлетъ сонъ, онъ преклонился долу,
Согбенны голени уже коснулись полу,
И онъ бы палъ — но адъ отъ сна его воздвигъ;
Раздоръ вспрянулъ и зритъ надъ кипой толстыхъ книгъ
Вину чудесную волшебна усыпленья,
Еженедѣленыя *Глумлинскаго* творенья.
Раздоръ сей талисманъ съ рабочаго стола
Схватилъ, мѣтнулъ въ окно и вышибъ два стекла.
Тутъ Гашпаръ стукомъ симъ внезапно пробужденный
Зритъ дѣда предъ собой. Симъ видомъ пораженный
Онъ вдругъ остолбенѣлъ. Раздоръ ему речетъ:
„Внемли мой внукъ внемли, сюда нисшелъ твой дѣдъ,

„Дабы передъ тобой открыть судебъ ве-
лѣнье
„И возбудить въ тебѣ вздремавше къ слав
рвенье.
„Престань въ ничтожности кичиться нѣм
однимъ,
„Что блескъ ты придаешь твореніямъ чу-
жимъ,
„Что славу чуждую сафьяномъ украшаешь;
„Не ты ли наизусть всѣ вѣдомости знаешь,
„Отъ сѣверной пчелы до Виленскихъ газетъ?
„Но для слепца вотще сіяетъ солнца свѣтъ!
„Ахъ внукъ мой! тыль не зришь какъ духъ
нововведенья,
„Людей безъ разума, безъ дара, безъ ученья
„Влечетъ со всѣхъ сторонъ газетной сла-
вы въ храмъ;
„Ихъ тамъ фортуна ждетъ, а ты еще не
тамъ!
„Ты, кѣмъ прославился покойный твой ро-
дитель,
„Кого я чудомъ чтилъ, я, многихъ школъ учи-
тель;
„И ты въ дому забавъ избранный старшиной,
„Въ немъ отличился ли какою новизной?
„Какіе премѣнилъ, какіе ввелъ уставы?
„Узри, се предъ тобой врата отверсты
славы;
„Дерзай на подвиги! какъ мочный исполинъ

„Съ восходомъ солнечнымъ, гряди въ совѣтъ старшинъ;
„Въ немъ будутъ предлагать важнѣйше учрежденье,
„Какъ при разборѣ шубъ предупредить смятенье:
„Тутъ смѣлой выдумкой сочленовъ удиви,
„Свое искуство, умъ и знаніе яви.
„Въ мѣстахъ, гдѣ Эльба въ Понтъ вливаетъ шумны волны,
„Расчетомъ гдѣ главы, карманы златомъ полны,
„Гдѣ множество господъ; но слугъ излишнихъ нѣтъ,
„Премудрый обычай введенъ отъ давнихъ лѣтъ
„И помѣщенъ въ число законовъ неизмѣнныхъ:
„Тамъ въ важныхъ обществахъ забавамъ посвященныхъ,
„Съ помѣткой ярлыки хранятся изкони,
„На плащъ, иль на салопъ вздѣваются они:
„По нихъ узнаетъ всякъ свое безъ запрудненья,
„Возметъ безъ робости, надѣнетъ безъ смущенья
„И мирно въ домъ идетъ по валсахъ опочить.
„Тебѣ велитъ судьба здѣсь тоже учредить:

„Поетамъ подражай и выдай не робѣя
„Чужое за свое, будь твердъ, вѣщай смѣлѣя,
„Твой звонкій, сильный гласъ и крепка грудь твоя,
„И подвигамъ твоимъ присущна тѣнь моя,
„Низложитъ всѣхъ старшинъ. Умолкнутъ, гордый лѣкарь,
„Танцмейстеръ дерзостный, нотаріусъ, аптекарь,
„Столѣтній органистъ,— самъ мастеръ гробовой!
„И слава дѣлъ твоихъ промчится—за Невой.
„Для побѣдителей хвалами свѣтъ не скудѣетъ,
„И къ знаменитости шагъ первый только труденъ.
„Рѣшись, дерзай раздрать безвѣстности покровъ;
„За нимъ къ безсмертью путь уже тебѣ готовъ.
„Начало смѣлое всегда успѣхъ вѣнчаетъ.
„Къ тебѣ обьяти фортуна простираетъ;
„Стремися къ ней, во всѣмъ покорствуя судьбѣ,
„Твой разумъ, и твой дѣдъ поборники тебѣ.
„Се знакъ, чтобъ ты не счелъ мое къ тебѣ явленье
„За тщетную мечту, за ложно сновидѣнье.“—
Рѣчь кончивъ на окно онъ перстомъ указалъ

Взревелъ, мелькнулъ, изчезъ.—Отъ страха Гашпаръ палъ
И переплетная вся утварь повалилась.
Супруга вѣрная симъ стукомъ пробудилась,
Вскричала, бросилась, вбѣжала, въ топъ покой,
Гдѣ Гашпаръ работалъ .... и видитъ предъ собой
Клещи, бумаги, гнётъ, верстакъ ниспроверженны
И кресла дѣдовски въ верьхъ спинкой обращенны,
Въ конорыхъ увязясь стенялъ ея супругъ.
При видѣ семъ она остолбенѣла вдругъ;
Но чувства сильные смиряющее время
Прогнало страхъ ее; потда тяжело бремя
Съ нещастна Гашпара стащилося долой,
Супруги вѣрныя, трепещущей рукой;
Она лежащаго со вздохомъ подымаетъ
И взоромъ дружескимъ супруга утѣшаетъ.
Ужъ Гашпаръ вспалъ, опверзъ поблеклые уста
И слабымъ голосомъ едва изрекъ—*мечта*!....
Какъ вдругъ предстановилось его смущенну взору
Окно разбитое, невѣрія къ укору;
Сей укоритель видъ, прервалъ начату рѣчь;
Кровь въ жилахъ Гашпара быстрѣе стала шѣчь

Огнемъ тщеславія внезапно воспаленна.
Судьбина славная, раздоромъ предрѣченна,
Очаровала умъ и гордый старшина
Не видитъ, что предъ нимъ стоитъ его жена,
Смотряща на него съ сердечнымъ умиленьемъ,
И возмущенная пѣмъ бѣдственнымъ паденьемъ,
Котораго вины постигнуть не могла:
Чело ее тогда покрыла скорби мгла,
Когда примѣтила супруга не вниманье;
Но на конецъ прервавъ столь тягостно молчанье
Сказала: „о мой другъ! ко мнѣ ли ты суровъ!
„Съ Шарлотою своей когда ты былъ таковъ?
„Повѣдай мнѣ вину несчастнаго паденья
„Прерви мою тоску, скончай мое мученье!“—
„Не вопрошай меня о Лотхенѣ!“ Гашпаръ рекъ;
Вошелъ въ другой покой и на постель возлегъ.
Опъ тяжести его перина раздалася
И крепкая кровать со скрыпомъ потряслася.
Супругажъ скромная въ унынын, какъ могла,

Въ покоѣ все опять въ порядокъ привела;
На ложѣ брачное съ прискорбіемъ взглянула,
Легла, задумалась, вздохнула и заснула.
Но Гашпаръ могъ ли спать? Ахъ, нѣтъ! пщеславный умъ
Обуреваемый спремленьемъ гордыхъ думъ,
Во вѣки не вкушалъ дремоты томну сладость;
Бѣгутъ его покой, любовь, веселья, радость;
Въ мечтаніяхъ своихъ онъ мраченъ и тоскливъ,
Средь славы пасмуренъ и въ щастьи не щасливъ.

Кн. А. Шаховской.

О

НЕСПРАВЕДЛИВОМЪ СУЖДЕНІИ ИНОПЛЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, КАСАТЕЛЬНО СОСТОЯНІЯ РОССІИ ДО XVIII ВЪКА.

Естьли справедливость должна быть непосредственною обязанностію для каждаго человѣка; то она должна быть священнѣйшею для каждаго писателя, особливо же для Историка. Отступленіе отъ оной перваго пресѣкается съ его жизнію; отступленіе отъ справедливости послѣднихъ существуетъ и по смерти ихъ: оно переходитъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ и оскорбляетъ, или ввергаетъ въ неосновательное мнѣніе позднѣйшее потомство. Къ сожалѣнію встрѣчается таковая погрѣшность въ твореніяхъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ писателей новѣйшихъ временъ. Монтескю (1), Волтеръ (2), Кон-

(1) *Русской вѣстникъ*, 1808 *года*, Февраля мѣсяца, No 2, стр. 173, и *Книга о величіи и упадкѣ Римлянъ Г. Монтескю*, глава 22. (2) *Тотъ же Вѣстникъ*, стр. 174, и *Вѣкъ Людовика XIV, сочиненіе Г. Волтера.*

дильякъ, Милотъ и многіе другіе ученые мужи, прославившіеся сочиненіями своими, весьма далеко уклонились отъ истины, представляя Россію даже до XVIII столѣтія въ видѣ во все ей неприличномъ. Въ доказательство того довольно повторить здѣсь собственныя слова Г. Кондильяка и Милота.

Первый изъ нихъ говоритъ, что до XVIII вѣка Русскіе погружены были во тьму невѣжества, безсмыслія, пороковъ и злодѣянія; что у нихъ не было ни благоуправленія, ни нравовъ; и что они грабили, рѣзали, терзали другъ друга, подобно дикимъ и остервененнымъ звѣрямъ (3). А вторый пишетъ, что Россія, будучи Имперіею весьма пространною и почти пустою, безъ художествъ, безъ торговли, безъ благочинія, безъ просвѣщенія и безъ политики, находилась забытою, неизвѣстною и подверженною многимъ возмущеніямъ областью, даже до конца XVII столѣтія (4). Такимъ обра-

(3) *Русской вѣстникъ* 1808 года, февраля мѣсяца, No 2, стр. 173 и *Новая исторія Г. Кондильяка*, часть 6, статья 2. (4) *Древняя и*

зомъ всѣ сіи писатели полагаютъ весьма малое различіе, или, лучше сказать, не полагаютъ ни какого различія до XVIII вѣка между Русскими и народами дикими и въ первобытномъ состояніи еще сущими.

Сія оскорбительная несправедливость, любовь къ истиннѣ, усердіе къ отечеству, ревность ко славѣ онаго, неправедно помрачаемой чуждыми писателями, словомъ, всѣ сіи причины совокупно побудили меня сдѣлать краткое историческое начертаніе о началѣ въ Россіи законовъ, воинства, торговли, словесности, художествъ и проч: о началѣ того, что отрицаютъ намъ вышеприведенные писатели, и что существеннымъ образомъ различаетъ просвѣщенныхъ отъ дикихъ народовъ; дабы симъ изображеніемъ истиннаго состоянія Россіи до XVIII вѣка очевиднѣе опровергнуть нелѣпые объ оной разсказы Кондильяка и Милота. Въ изложеніи сего начертанія руководствовался я отечественными бы-

Новая Исторія Г. Милота (часть IX, стр. 200, и 201), переведенная на Русской языкъ и напечатанная въ Москвѣ 1785 года.

описаніями, не малою же частію исторіею Россіи, сочиненія Г. Левека, и другими твореніями иноплеменныхъ писателей. Въ сихъ послѣднихъ заимствовалъ я нѣкоторыя свѣденія, къ предмету моему относящіяся не для того, чтобы оныхъ не было въ отечественной нашей Исторіи; но для того единственно, дабы показать, что не основательныя мнѣнія Г. Кондильяка, Милота и другихъ порицателей отечества нашего опровергаются даже писателями, имъ единоземными. И такъ предложу прежде о томъ, что по мнѣнію всѣхъ истинныхъ философовъ и глубокомысленныхъ политиковъ знаменуетъ общественное, или гражданское бытіе народовъ, а совокупно съ тѣмъ и непосредственную степень познанія во многихъ частяхъ народнаго просвѣщенія, то есть:

О законахъ.

Первоначальные законы принесены въ Россію Славянами, кои пришли отъ береговъ рѣки Дуная, въ v вѣкѣ по Рожде-

ствѣ Христовѣ, (5) покорили Руссовъ (6) и построили потомъ Великій Новгородъ (7). Истинна сія подтверждается первое тѣмъ, что древняя Россійская Исторія не представляетъ ни какихъ слѣдовъ, чтобы Рюрикъ, призванный Новгородцами въ 862 году на Княженіе, издавалъ какіе либо законы; второе тѣмъ, что многія статьи оныхъ упоминаются уже въ договорѣ, который вскорѣ по смерти Рюрика заключенъ былъ Олегомъ съ Греческимъ Императоромъ Леономъ (8); и третіе тѣмъ, что отъ сего уже времени Граждане Новгородскіе раздѣлялись на разныя сословія (9), какъ то: на *Посадниковъ*, или правителей города, на *Тысяцкихъ*, или предводителей войскъ, на *Бояръ*, или знатныхъ и имянитыхъ гражданъ, составлявшихъ

---

(5) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV. (6) *Тамъ же*, стр. I. (7) *Словарь Географич: Россійскаго Государства*, часть 4, стр. 685. (8) *Указатель Россійск. законовъ*, часть I, стр. II; и *Лѣтопись Нестора*, стр. 28. (9) *Примѣч: Г. Болтина на Исторію Леклерка*, часть I, стр. 241.

совѣтъ при посадникѣ, на *Житыхъ* людей (10), на *Гостей*, *Купцовъ*, *Свободныхъ* и на *Рабовъ* (11). Самый Новгородъ раздѣлялся на пять частей. Въ каждой была своя ратуша, своя собственная печать и свой староста, который вѣдалъ всѣ Полицейскія и гражданскія дѣла своея части и принадлежащей къ ней пятины, или уѣзда; а въ важнѣйшихъ и, до общей городовой пользы касающихся, дѣлахъ относился къ главному совѣту, или общенародной вѣчѣ. Каждая улица имѣла своего старосту, или надзирателя, который наблюдалъ благочиніе и зависѣлъ отъ главнаго старосты своея части (12).

Раздѣленіе на разныя сословія Гражданъ, выборъ градоначальниковъ и предводителей войскъ, установленіе общественнаго, или, такъ сказать, Верховнаго Совѣта, судопроизводство и прочія

---

(10) *Историч. разговоры о древности Великаго Новагорода*, стр. 16. (11) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 58. (12) *Историческіе разговоры о древности Великаго Новагорода*, стр. 16.

гражданскія учрежденія, неоспоримо подтверждаютъ существованіе законовъ, равно какъ и то, что они были письменные; ибо безъ сего, то есть, безъ точнаго, твердаго и непремѣннаго опредѣленія законами обязанности гражданина, должности судьи и наконецъ, въ чемъ точно состоитъ преступленіе гражданина, не возможно было бы раздѣлить народъ на сословія, установить совѣтъ, учредить судей, однимъ словомъ, сдѣлать такія распоряженія, какія описаны выше сего; поелику, гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ нѣтъ различія въ сословіяхъ, тамъ нѣтъ самыхъ сословій, нѣтъ судей и подсудимыхъ: тамъ вмѣсто начальства и зависимости, души благоденствія народнаго, видится одно токмо гибельное и бѣдственное самовластіе, безначаліемъ называемое. И такъ въ Россіи существовали письменные и положительные законы отъ временъ глубокія древности. Справедливость заключенія сего доказывается особенно дружественнымъ и торговымъ договоромъ Олега съ Греческимъ Императо-

ромъ Леономъ; ибо въ оном, между прочимъ, IV статьею постановлено, съ поразившаго кого либо мечемъ, или инымъ какимъ либо оружіемъ взыскивать въ пользу пораженнаго пять литръ сребра, *слѣдуя закону Русскому*. По томъ законы дополнялись въ различныя времена, по мѣрѣ нужды и надобности, по причинѣ разпространенія предѣловъ Россіи и по многимъ другимъ Государственнымъ обстоятельствамъ.

Въ X и въ началѣ XI вѣка.

Великая Княгиня Ольга, по кончинѣ супруга ея, Великаго Князя Игоря, и по покореніи Древлянъ, обозрѣла всю страну ихъ, раздѣлила оную на уѣзды и погосты, наложила дань съ состояніемъ народа сообразную; по возвращеніи же въ Кіевъ и по посѣщеніи потомъ Новагорода, издала разныя узаконенія и гражданскія учрежденія (13), кои однако же до временъ нашихъ не достигли. Великій Князь Владимиръ Святославичь, по воспріятіи Христіянскія вѣры, и по

(13) *Лѣтопись Нестора*, стр. 52, и *Лѣтопись Никон.* часть I. стр. 45.

созданіи въ Кіевѣ великолѣпнѣйшей каменной церкви, во имя Пресвятыя Богородицы, издалъ Уставъ, которымъ, во первыхъ, предоставилъ въ пользу той церкви десятую часть изъ имѣнія и доходовъ своихъ (14); а во вторыхъ означилъ, какіе роды дѣлъ должны быть вѣдомы духовнымъ властямъ (15). Сей уставъ можно почитать первоначальнымъ въ Россіи Духовнымъ Уставомъ. Тотъ же Государь повелѣлъ всѣ прочія дѣла судить по законамъ дѣда и отца своего; но оныхъ по исторіи не видно; и безъ сомнѣнія относится сіе къ древнимъ Славянскимъ законамъ, отъ Игоря и Святослава подтвержденнымъ. А сверхъ того далъ Указъ, дозволяющій Болгарамъ торговать въ городахъ, лежащихъ по берегамъ рѣкъ Волги и Оки (16) *.

Въ продолженіи XI вѣка.

Великій Князь Ярославъ Владимировичь приказалъ *древніе законы Славянскіе*

(14) *Указатель Росс. законовъ*, часть I, стр. 111. (15) *Россійская Исторія Г. Левека*, часть I. стр. 138 и *Плутархъ для юношества*, часть I, стр. 340. (16) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV.

разсмотрѣть и пополнить: когда же сіе учинено было, то онъ обнародовалъ ихъ подъ названіемъ *Руская правда* (17). ** Сверхъ того издалъ Уставы о *податяхъ* съ Новгородцевъ, *Церковный* и *Земскій*, и наконецъ даровалъ Новугороду *грамоту* со многими преимуществами (18). *** По кончинѣ Ярослава Владимировича, дѣти его, Великіе Князья: Изяславъ, Всеволодъ и Святославъ, обще съ Вельможами своими, дополнили *Рускую правду* (19). ** 1016. *** 1056

Въ XII вѣкѣ.

Великіе Князья, Владимиръ II, или Мономахъ, Мстиславъ I и Ярополкъ II, издали многіе спапьи законовъ, кои присовокуплены къ законамъ Ярославлевымъ (20). По раздѣленіи Россіи на удѣльныя Княжества каждое изъ оныхъ имѣло свои законы; по нашествіи же Татаръ на Россію нѣкоторые изъ нихъ упразднились; однако съ 1028 года обрѣтаютъ-

(17) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 60. (18) *Указатель Россійскихъ законовъ*, часть I, стр. IV. (19) *Тамъ же.* (20) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 60 и 61.

ся многія грамоты Великихъ Князей, какъ то: договорныя, мѣжевыя, жалованныя и проч. (21).

Въ XV вѣкѣ.

Великіе Князья, Василій Васильевичь Темный и сынъ его Іоаннъ Васильевичь Великій издали многіе законы. Первый, между прочими установленіями, дозволилъ Ростовскимъ Боярамъ судиться прежними ихъ законами; а вторый далъ Указъ о раздачѣ земель дѣтямъ Боярскимъ, каковыя дачи наименовались помѣстьями; сверхъ того при немъ же сдѣланы Учрежденія, касающіяся до Градскаго Благочинія, по силѣ которыхъ установлены разъѣзды по городу Москвѣ; а къ наблюденію общей безопастности наряжались знатнѣйшіе люди, подъ названіемъ *Объѣздныхъ* (22).

Въ XVI вѣкѣ.

Великій Князь Василій Іоанновичь далъ Указъ о торгѣ съ Индѣйцами, ** установилъ новые придворные чины, и

(21) *Указатель Россійскихъ Законовъ*, часть I, стр. V. (22) *Тамъ же*, часть I, стр. V.

издалъ, кромѣ другихъ узаконеній, Уложеніе объ отчинахъ (23). Наслѣдникъ Престола его, Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, обнародовалъ *Судебникъ*, ** составленный изъ прежнихъ законовъ, грамотъ, установленій и обрядовъ, *Стоглавникъ*, *** содержащій въ себѣ правила, до церкви и духовенства касающіяся, многія грамоты, многія другія узаконенія, служащія дополненіемъ къ Судебнику, и *Таможенный Уставъ* (24). — **** Сверхъ того, желая повсюду въ Россіи ввести единообразное судопроизводство, снабдилъ уставами городовыхъ и волостныхъ старостъ, сотскихъ и пятидесятскихъ. Губнымъ старостамъ далъ прежнюю, исправленную Губную грамоту, или законы о уголовныхъ преступленіяхъ (25).

** 1 660

*** 1.661

**** 1 671

Къ концѣ того же вѣка и въ продолженіи XVII.

Цари: Ѳеодоръ Іоанновичъ, Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ, Василій Іоанно-

(23) *Тамъ же*, стр. VIII. (24) *Тамъ же*, стр. IX и X. (25) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 149.

имѣвшій попеченіе о заготовленіи запаснаго хлѣба во всѣхъ городахъ на три года; *Печатной*, въ которомъ ко всѣмъ записямъ, крѣпостнымъ и суднымъ дѣламъ прилагались печати; *Ямской*, управлявшій почтами; *Разрядной*, судившіи дворянъ нижнихъ чиновъ; *Помѣстный*, вѣдавшій всѣ помѣстныя земли; *Патріаршій Судный*, распоряжавшій Патріаршими и монастырскими доходами; *Московской Судный*, занимавшійся судными дѣлами; *Пушкарской*, имѣвшій попеченіе о всемъ, что принадлежало къ артиллеріи; *Большой казны*, управлявшій Государственными доходами; *Иноземный*, вѣдавшій всѣхъ иностранцевъ, живущихъ въ Москвѣ и служащихъ въ войскахъ; *Каменный*, надзиравшій надъ всѣми Московскими строеніями; *Аптекарской*, которому подчинены были всѣ Аптекари, Доктора и Лѣкари. Сверхъ того существовали многіе другіе Приказы, Палаты и Присутственныя Мѣста; а въ селахъ и городахъ *Земская изба*, въ столицѣ же *Земской дворъ* или *Управа Благочинія и Денежный дворъ*, гдѣ

дѣлались золотая, серебреная и мѣдная монета, а равно и мѣдали на разные случаи (30).

Но возвратимся къ древнимъ Россійскимъ законамъ. О изящности оныхъ отзываются такимъ образомъ: *Леклеркъ*, не взирая на ненависть его къ Русскимъ, косою дышетъ вся исторія его древней и новой Россіи, убѣжденный на конецъ истинною и справедливостію говоритъ: „Не большое число *Ярославовыхъ* законовъ, ихъ простота, ихъ „точность, наказанія опредѣленныя для „каждаго вида преступленія, предста„вляютъ образъ законодательства пер„вобытнаго и первообразнаго въ та„комъ вѣкѣ, въ которомъ просвѣщеннѣй„шія Государства въ Европѣ не имѣли „столь простаго, столь яснаго и столь „утвержденнаго“ (31). Относительно же узаконеній, изданныхъ, Великимъ Княземъ Изяславомъ Ярославичемъ, восклицаетъ. „Какое благоразуміе! какая

(30) *Указатель Росс. Законовъ*, часть I, отъ XV до конца XXVIII стран. (31) *Примѣч. Г. Болтина*, часть I. стр. 274.

„мудрость, какая умѣренность для Го-
„сударя, рожденнаго Деспотомъ и въ
„такомъ вѣкѣ, когда большая часть
„Европы была еще Варварами! (32)“ А
Левекъ, касательно 3 статьи договора,
заключеннаго *Олегомъ* съ *Леономъ* Царемъ
Греческимъ, по силѣ которой убійца
предавался смерти на мѣстѣ престу-
пленія его, говоритъ слѣдующее: „За-
„коны Русскіе наказующіе убійцу смер-
„тію вящше мудры, нежели наши древ-
„ніе законы (французскіе), подвергающіе
„убійцу одному токмо денежному нака-
„занію; ибо они попускаютъ богатымъ
„быть убійцами ненаказанно„ (33). Отно-
сительноже уложенія Царя Алексѣя
Михайловича пишетъ онъ сими слова-
ми: „Посредѣ смятенія, колебавшаго
„Россію, Царь Алексѣй обнародовалъ
„свои законы. Для составленія оныхъ
„учредилъ онъ собраніе изъ мужей до-
„стопочтеннѣйшихъ во всемъ Госу-
„дарствѣ. Безъ сомнѣнія можно найти

(32) *Тамъ же*, часть I, стр. 274. (33) *Россій-
ская Исторія Г. Левека*, часть I, стр. 77 и 78.

„нѣкоторые недостатки въ сихъ зако-
„нахъ; но отречемся ли мы отъ любви
„и почитанія памяти Государя, кото-
„рый желалъ дать народу своему зако-
„ны, основанные на мѣстоположеніи его,
„на правилахъ, на обычаяхъ и на обра-
„зѣ правленія тогда, какъ нынѣ даже
„(то есть въ XVIII вѣкѣ) ни одна изъ
„Европейскихъ Державъ не имѣетъ зако-
„новъ приличныхъ ей. Дерзнемъ ли мы
„(Французы) порицать Алексѣя; мы, при-
„своившіе себѣ законы народа съ ко-
„имъ имѣемъ толикоеже сходство, ко-
„ликое имѣемъ сходство съ Китайцами
„или Индѣйцами; мы, почитающіе зако-
„нами собраніе обычаевъ Варварскихъ,
„собраніе бредней толкователей непо-
„нятныхъ и кучи опредѣленій Судей,
„кои разсматривали и долженствовали
„разсматривать одни только частные
„случаи, кои, не бывъ облечены вла-
„стію законодательною, произносили
„приговоры свои, слѣдуя обычаю, и ко-
„торыхъ сужденія содѣлались наконецъ
„законами; мы напослѣдокъ, имѣющіе
„толикое число законовъ, что человѣкъ

„не можетъ ихъ прочесть во всю про-
„должительнѣйшую жизнь“ (34).

Вотъ какимъ образомъ отзываются Леклеркъ и Левекъ о мудрости законовъ Россійскихъ, и о недостаткахъ законовъ самой Франціи XVIII вѣка! А Г. Болтинъ, основываясь на сказаніи Дюканжа, говоритъ: „что въ самой Франціи не „было письменныхъ законовъ даже до „XV вѣка; что Пандекты, найденныя въ „Амалфіи 1137 года, въ срединѣ сего „столѣтія преподавались въ разныхъ „городахъ Франціи за часть токмо „Схоластическаго ученія; что Карлъ VII, „Король Французскій, 1453 года указалъ „собрать и привесть въ порядокъ за-„коны обычаевъ каждой провинціи; что „глубокое невѣжество, въ которомъ „Франція погружена была въ продол-„женіи IX и X вѣковъ, весьма способ-„ствовало введенію сихъ законовъ обы-„чайныхъ; что, выключая духовныхъ, не „многіе умѣли тогда грамотѣ, и какъ „по сей причинѣ не возможно было „имѣть прибѣжища къ законамъ пись-

(34) *Тамъ же*, часть 4, стр. 45.

„меннымъ: то законы обычаевъ одни „почти имѣли силу въ Государствѣ по „всѣмъ дѣламъ; и что напослѣдокъ „Судьи не имѣя другихъ правилъ къ „опредѣленію своихъ рѣшеній, кромѣ „обыкновеній, часто встрѣчали запру- „деніе въ пріисканіи основательныхъ „причинъ приговорамъ своимъ; и для „того принуждены были въ сумнитель- „ныхъ случаяхъ собирать стариковъ и „предлагая имъ дѣло, вопрошать ихъ: „какъ прежде поступали, или какого „обычая держались въ подобномъ дѣлѣ? „Каковый обрядъ назывался Enquête „par tourbe (35).

Теперь пусть сами благоразумные и безпристрастные читатели скажутъ: во первыхъ, справедливоли Г. Кондильякъ и Милотъ пишутъ: одинъ, что Русскіе до XVIII вѣка были люди безсмысленные, во тьму невѣжества погруженные, звѣрямъ остервененнымъ подобные; а другой, что Россія до конца XVII вѣка была страна, лишенная благо-

(35) *Примѣчанія Г. Болтина*, часть 2, стр. 307 и 311.

чинія, благоуправленія, политики и просвѣщенія, когда издревле существовали въ оной письменные и положительные законы, охраняющіе благоденствіе всѣхъ и каждаго, и краткостію, ясностію и мудростію своею, превосходящіе законы прочихъ Европейскихъ Державъ, о чемъ, какъ вышепоказано, свидѣтельствуютъ писатели Г. Кондильяку и Милоту соплеменные; когда въ оной всѣ отрасли Государственнаго Правленія постановлены были въ правила тогдашнему времени и нуждамъ приличныя; и когда для управленія оными учреждены были многіе мѣста Присутственныя? А во вторыхъ, какую должно имѣть вѣру къ Г. Кондильяку, Милоту и подражателямъ ихъ столь нагло клевещущимъ, грубую ложь за истину выдающимъ и тѣмъ несправедливо оскорбляющимъ и современниковъ своихъ и потомство?

О СЛОВЕСНОСТИ.

Словесныя науки существовали въ отечествѣ нашемъ отъ давнихъ временъ: сіе неоспоримо доказывается, какъ древними нашими законами, о коихъ я выше говорилъ, такъ особенно договорами, заключенными еще въ X вѣкѣ Олегомъ и Великимъ Княземъ Игоремъ съ Греческими Императорами; ибо безъ познанія Словесности, безъ непосредственнаго ея распространенія и даже безъ нѣкоего совершенства оной, не возможно было бы изложить, ни законовъ, объемлющихъ многіе предметы нравственнаго, Гражданскаго и Политическаго состоянія Государства, ниже мирныхъ, дружественныхъ и торговыхъ договоровъ съ такою силою, выразительностію, точностію и, можно сказать, красотою въ мысляхъ и въ слогѣ, каковыя видны во многихъ мѣстахъ сихъ постановленій.

Въ X вѣкѣ.

Великій Князь Владимиръ Святославичь, по воспріятіи Христіанскія

вѣры, учредилъ въ Кіевѣ училища, въ коихъ воспитывались дѣти отличныхъ Гражданъ и въ которыхъ преподавались науки Греческими наставниками (1); слѣдственно тогда, какъ вся Европа пребывала еще во мракѣ глубокаго невѣжества, о чемъ свидѣтельствуютъ многіе иноплеменные писатели. Сей же мудрый Государь посылалъ нарочныхъ путешествовать въ Римъ, во Іерусалимъ, въ Египетъ и даже въ Вавилонъ для приобрѣтенія о тамошнихъ странахъ свѣденія въ пользу своего Государства (2). Посольство сіе ясно показываетъ, что въ тогдашнее уже время предки наши знали чуждые языки и имѣли непосредственное понятіе какъ о наукахъ и художествахъ, такъ и о всѣхъ отрасляхъ, народное просвѣщеніе образующихъ; ибо безъ сего познанія, не могло бы даже возродиться самое желаніе къ толико важному и толико отдаленному путешествію, ниже оное совершено быть

(1) *Несторъ*, стр. 84, и *Россійская Исторія Левека*, часть I, стр. 135. (2) *Краткая Росс. Исторія*. стр. 23.

съ пользою для Государства. По отправленіи сего посольства, Великій Князь Владимиръ Святославичь приказалъ перевесть не малое число духовныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій языкъ; и Евангеліе читано уже было на семъ послѣднемъ прежде еще 996 года (3). Вотъ и еще убѣдительнѣйшее подтвержденіе, что предки наши отъ давняго времяни знали Грамматически, какъ свой, такъ и Греческій языкъ: истинну сію свидѣтельствуютъ изящность и достоинство самыхъ переводовъ. Кто не восхищается даже нынѣ преложеніями на древній нашъ языкъ стараго и новаго Завѣта, Іермологіи Святаго Іоанна Дамаскина, особливо же Псалтири, гдѣ, такъ сказать, дышутъ великолѣпіе, величіе, сила, твердость, обиліе, витійство древняго нарѣчія достопочтеннѣйшихъ предковъ нашихъ; и гдѣ, какъ въ единственномъ и неизчерпаемомъ кладязѣ, заимствовали несравненныя красоты слова безсмертные поэты наши;

(3) *Лѣтопись Нестора* стр. 88.

и днесь заимствуютъ оныя знаменитые наши писатели, дѣлающіе изящными своими твореніями честь Россійской словесности и нашему вѣку? Толико-то превосходно перевели Священное Писаніе мудрые праотцы наши!

Въ XI вѣкѣ.

Тогда, какъ большая часть Европы отправляла богослуженіе на языкѣ чуждомъ, коего не разумѣла, то есть, на Латинскомъ, Русскіе приносили обѣты свои Господу силъ на собственномъ языкѣ (4). Сіе признаніе принужденъ былъ наконецъ сдѣлать даже Леклеркъ, тотъ самый Французъ, который написалъ Россійскую Исторію не чернилами, а желчію, и котораго перомъ управляла не истинна и справедливость, но ложь достойно посрамленная Г. Болтинымъ (5).

---

(4) *Исторія древнія и новыя Россіи* Г. Леклерка, стр. 53, и *Примѣчанія на оную Г. Болтина*, часть 2, стр. 61. (5) Леклеркъ Исторію сію наполнилъ, большею частію, нелѣпостями оскорбительными для Рускихъ; а Г. Болтинъ, 1788 года, издалъ возраженіе на

Великій Князь Ярославъ Владимировичь, весьма любившій науки, въ 1032 году построилъ въ Новѣ городѣ домъ, въ коемъ воспитывались и наставлялись въ словесныхъ наукахъ триста юношей изъ дѣтей старостинскихъ и священническихъ; а въ 1037 году собралъ онъ многихъ ученыхъ мужей для перевода церковныхъ книгъ съ Греческаго языка на Славянскій; каковой переводъ, по совершеніи онаго, положилъ въ Софійскомъ Кіевскомъ соборѣ (6). Мудрый сей Государь старался содержать отечество свое въ тишинѣ, строить и населять города, ограждать ихъ законами, употреблять духовенство къ просвѣщенію, вспомоществовать ему въ томъ посредствомъ искусныхъ людей, содержанныхъ на Государственномъ иждивеніи, и пользоваться храбрыми воинами и превосходными художниками; все сіе было причиною, что Россія во времена Ярославлевы

оную подъ названіемъ: *Примѣчанія на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи Г. Леклерка.*

(6) *Россійская Исторія Левека*, часть I, стр. 161.

спѣшно достигала благосостоянія и просвѣщенія своего: чѣмъ приобрѣла столь высокое уваженіе отъ знатнѣйшихъ Европейскихъ державъ, что тогдашній Греческій Императоръ и Короли, Польскій, Венгерскій, Шведскій, Норвежскій, Англинскій и Французскій, искали родственнаго съ нимъ союза, которымъ и были сопряжены, какъ ниже сего показано будетъ (7). Не взирая однако же на знаменитыя дѣлнія мудраго сего Государя, не взирая на родственные его союзы съ первѣйшими вѣнценосцами тогдашнихъ временъ, дѣлавшіе его достоуважаемымъ и извѣстнымъ отъ предѣлъ Греціи до предѣль Англіи, Волтеръ, наводнившій Европу твореніями, въ коихъ не были щадимы ни достоинство и святость Христіанскія вѣры, ни достоинство и величіе Монарховъ, единственныхъ виновниковъ блаженства народнаго, не стыдится въ исторіи своей называть Великаго Князя Ярослава Владимировича *Княземъ неизвѣстнымъ*

(7) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 28 и 29.

Россіи незнаемой (8). Вотъ сколь священна была истинна для Г. Волтера, оракула Европы XVIII Вѣка! Народному просвѣщенію во времена Ярославлевы не посредственно содѣйствовали Митрополитъ Леонтій, мужъ ученѣйшій, и многіе другіе (9). Сынъ Ярослава Владимировича, Великій Князь Всеволодъ Ярославичь, любилъ и покровительствовалъ наукамъ. Онъ самъ говорилъ на пяти языкахъ иноплеменныхъ, изъ коихъ полагаются: первымъ, Греческій по причинѣ тѣснаго съ Греками союза, торговли и потому, что многіе изъ нихъ жили въ Кіевѣ домами и въ духовныхъ званіяхъ находились; вторымъ, Латинскій по причинѣ всеобщаго употребленія его тогда при Европейскихъ дворахъ; третьимъ, Нѣмецкій потому, что весьма много было въ Россійской службѣ у великихъ и удѣльныхъ Князей не токмо простыхъ, но и чиновныхъ Нѣмцовъ; четвертымъ, Венгерскій по сосѣдству,

(8) *Россійская Исторія Г. Левека*, Часть 1, стр. 164. (9) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 года, часть IV, стр. 246.

свойству и Государственнымъ связямъ; и пятымъ, Польскій по тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ (10): слѣдственно говорилъ на пяти языкахъ, не варварскихъ, дикихъ и кочующихъ племенъ, знаніе которыхъ ничего, или, по крайнѣй мѣрѣ, весьма мало бы значило; но на пяти языкахъ народовъ образованныхъ и извѣстныхъ свѣту или просвѣщеніемъ, или знаменитыми дѣяніями своими, изъ которыхъ знаніе Греческаго и Латинскаго и нынѣ даже почитается непосредственнымъ достоинствомъ знаменитыхъ ученостію писателей. Дщерь его Анна, постриженная въ Монахини и имѣвшая пребываніе свое въ Кіевѣ, въ монастырѣ Св. Андрея, завела въ ономъ училище для юныхъ дѣвицъ, гдѣ онѣ обучались чтенію, письму и пѣнію. Во время сего Великаго Князя жили, въ Кіевѣ Митрополитъ Іоаннъ и въ Переяславлѣ Епископъ Ефремъ, кои весьма способствовали народному просвѣщенію (11).

(10) *Тамъ же*, стр. 247. (11) *Краткая Рос. Исторія*, стр. 32.

Въ XII вѣкѣ

Существовали уже народныя училища въ Смоленскѣ, въ которыхъ учители Греческаго и Латинскаго языка содержались на иждивеніи Княжескомъ (12). Одному изъ сихъ училищъ Великіе Князья подарили библіотеку, заключающую въ себѣ болѣе тысячи Греческихъ книгъ (13). Великій Князь Владимирскій Михаилъ Юрьевичь и другіе говорили по Гречески и по Латинѣ; особливоже уважали науки Князья, Ярославъ Галицкій, Романъ Смоленскій, Святополкъ Новгородскій и Константинъ Всеволодовичь, Великій Князь Бѣлорусскій. Онъ самъ трудился въ собраніи дѣяній бывшихъ до него Князей Русскихъ, кои однакожъ и съ библіотекою его за случившимся потомъ пожаромъ и за нападеніемъ Татаръ до насъ не дошли (14). Тогдаже жилъ въ Кіевѣ Митрополитъ Климентъ, мужъ весьма ученый и многія сочиненія на-

(12) *Тамъ же*, стр. 59. (13) *Несторъ, или Русскія лѣтописи Г. Шлецера*, часть I, стр. 31 (14) *Краткая Россійская Исто-*

писавшій (15). Прошедшій, равно какъ и сей XII вѣкъ, знамениты были успѣхами свѣтской словесности отечества нашего; ибо въ послѣдней половинѣ перваго и въ началѣ втораго преподобный Несторъ, Монахъ Кіевопечерскаго монастыря, отецъ Россійской Исторіи, писалъ знаменитую свою лѣтопись; а въ концѣ XII вѣка сочинена была не извѣстнымъ поэтомъ Историческая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго Князя Игоря Святославича, твореніе всѣмъ нынѣ извѣстное и исполненное величайшими красотами поэзіи. До Нестора Исторія не токмо Славянская, но и всего Сѣвера покрыта была темнотою; ибо всѣ почти сѣверные Историки писали послѣ уже Нестора. Издатель лѣтописи его говоритъ: „невозможно намъ не радоваться, имѣя „собственнаго своего столь древняго „лѣтописателя. Начинаетъ онъ повѣ„ствованіе свое не выше, какъ отъ на-

---

ріи, стр. 60. (15) *Лѣтопись Никона*, часть 2, стр. 95.

„чала Россійской Монархіи, и тѣмъ са-
„мымъ отличаетъ себя отъ Польскихъ,
„Шведскихъ и Исландскихъ историковъ,
„которые едва могли прямо знать то,
„что не за долго до нихъ дѣлалось, а
„однако съ безстыдною смѣлостію опи-
„сывали дѣла, за тысячу и болѣе лѣтъ
„до нихъ происходившія, и чрезъ то
„начала своихъ Исторій сдѣлали не вѣ-
„роятными и смѣшными. Сей ко все-
„знанію, или лучше сказать, къ ложь-
„нымъ повѣствованіямъ склонности мы
„въ нашемъ Несторѣ не находимъ. Бла-
„горазумію его одолжены мы за то,
„что наша древняя Исторія несравненно
„больше вѣроятности и ясности въ
„себѣ имѣетъ, нежели всѣхъ прочихъ
„Сѣверныхъ народовъ исторіи; а сіе
„есть толикое въ писателѣ превосход-
„ство, которое обязываетъ насъ, въ
„случаѣ разногласія его съ лѣтописа-
„телями древнихъ сосѣдственныхъ на-
„родовъ, отдавать всегда преимуще-
„ство ему, какъ такому Историку, ко-
„торый всѣхъ прочихъ и древностію

„и вѣрностію далеко превосходитъ“ (19.) Вотъ какимъ образомъ отзываются ученые люди о преподобномъ Несторѣ, знаменитомъ историкѣ нашемъ; продолжатели его были: Силвестръ, Игуменъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, и еще двое, имяна которыхъ время отъ насъ похитило (17).

Въ XIII вѣкѣ.

Словесныя науки со всѣмъ почти угасли (18) по причинѣ владычества Татаръ надъ Россіею, которое воспріяло начало свое и толико долговременно продолжалось отъ несогласія удѣльныхъ ея Князей; невзирая однакоже на то, жили въ семъ вѣкѣ многіе частные лѣтописатели. Они подробно говорили о произшествіяхъ тѣхъ Княжествъ, въ которыхъ находились, упоминая о другихъ мимоходомъ. Изъ сихъ частныхъ лѣтописателей извѣстны только двое Симонъ, Епископъ Суздальскій, скончав-

(16) *Житіе преподобнаго Нестора*, напечатанное при лѣтописи его, стр. III. (17) *Тамъ же*, стр. XI. (18) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 106.

шійся 1226 года, и Іоаннъ, Священникъ Новгородскій, писавшій подъ 1230 годомъ, что онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ повѣствуемыхъ дѣяній (19).

Съ XIV вѣка.

По ослабленіи Кипчакской орды науки паки начали процвѣтать (20).

Въ началѣ XVI и въ продолженіи онаго:

Цари, Іоаннъ Васильевичь Грозный и Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ, особенно покровительствовали наукамъ. Въ Царствованіе перваго жили многіе ученые мужи, какъ то: Максимъ, сочинитель Россійской Граммапики, Кипріянъ и Макарій Митрополиты, Творцы Степенной и другихъ книгъ, Стефанъ, знаменитый Святитель Велико-Пермскій, озарившій Пермь Христіанскою вѣрою и науками, и преложившій на Пермскій языкъ всю Церковную службу и многія другія книги. По повелѣнію Царя Іоанна Васильевича, 1592 года заведена въ Москвѣ типографія, гдѣ тогда же и

(19) *Вѣстникъ Европы*, 1809, мѣсяцъ февраль, No 3, стр. 206. (20) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 106.

отпечатаны были многія духовныя и гражданскія книги, изъ коихъ первая дѣянія Св. Апостолъ (21) и учреждены въ Новгородѣ и во Псковѣ училища для обученія Россійскаго юношества Латинскому и Немѣцкому языкамъ (22). Царь Борисъ Ѳеодоровичь Годуновъ приказалъ сдѣлать Географическую карту Россійской Имперіи (23). Онъ же 1599 года отправилъ въ чужіе краи семнадцать человѣкъ юношей для сугубаго познанія наукъ: пятеро изъ нихъ посланы были въ Любекъ, а прочіе ко двору Карла IX, Короля Шведскаго. Сверхъ того для усовершенствованія въ наукахъ сына своего, обучавшагося съ прочими знатными Боярскими дѣтьми Латинскому и другимъ языкамъ, пригласилъ въ Россію Англинскаго знаменитаго тогда Математика Джона Дея, назнача ему 10.000 руб-

(21) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 годъ, часть IV, Стран. 264. (22) *Похвальное слово Царю Алѣксею Михайловичу* Г. Львова, удостоенное Росс. Акад. награжденія золотою медалью, стр. 6 въ примѣчаніяхъ. (23) *Тамъ же*, стр. 7.

*

лей годоваго жалованья, и основалъ въ Москвѣ для всенароднаго ученія Заиконоспаское училище, что нынѣ Академія, гдѣ преподавались между прочими науками языки Славянскій, Греческій и Латинскій (24).

Въ XVII вѣкѣ.

Царь Алексѣй Михайловичь любилъ читать и слушать изящныя иностранныя книги о наукахъ и художествахъ; полезныя же приказалъ переводить на Россійской языкъ (25). Въ часы покоя отъ тяжкаго бремени Государственнаго Правленія, онъ читалъ уже на отечественномъ своемъ языкѣ Квинта Курція (26). Возобновилъ Заиконоспаское училище. При немъ начались театральныя представленія. Во время его Іеромонахъ Симіонъ Полоцкій, бывшій учителемъ Царя Ѳеодора Алексѣевича преложилъ въ стихи Псалмы, написалъ Обѣдъ и

(24) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 года, часть IV, стр. 265. (25) *Тамъ же*, стран. 271. (26) *Похвальное слово Царю Алексѣю Михайловичу* Г. Львова, стр. 44.

Вечеръ духовный (27) и много другихъ книгъ и нѣсколько драммъ, которыя играны были при дворѣ (28). Дмитрій Ростовскій сочинилъ противъ упорствующихъ раскольниковъ Розыскъ или разсмотрѣніе; собралъ, исправилъ и издалъ подъ имянемъ Минеи Четьи житія всѣхъ Святыхъ, написалъ много поучительныхъ словъ, разсужденіе о подобіи Божіемъ, при лѣтописи: 1 келейную отъ начала міра; 2, о Словянскомъ народѣ и 3 о построеніи церквей и о постановленіи въ Россіи Архіереевъ; четыре духовныя драммы стихами и книгу *Руно орошенное* исправилъ и умножилъ своими нравоученіями (29). Какъ сей святитель, такъ и Симіонъ Полоцкій, сверхъ словесности, искусны были въ звѣздословіи и прочихъ математическихъ наукахъ. (30)

(27) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810 часть IV. стр. 273. (28) *Похвальное слово* Г. Львова. стран. 11 въ примѣчаніяхъ. (29) *Словарь Исторической знаменитыхъ мужей*, часть V. стр. 151. (30) *Сочиненія и переводы Росс. Акад.* 1810, часть IV. стр. 273.

Іеромонахъ Епифаній Славенецкій сочинилъ словари Греко-славено латинской и филологической и многія другія поучительныя творенія: подъ надзоромъ его переведено много книгъ съ Греческаго на Славянскій языкъ (31). Бояринъ Ртищевъ построилъ Спасо-Преображенской монастырь, собралъ туда 30 братей, ученыхъ Монаховъ, изъ разныхъ мѣстъ, и основалъ ученое общество, гдѣ преподавались многія высокія науки и языки (32). И наконецъ Патріархъ Никонъ собралъ полную Россійскую лѣтопись; подъ его смотрѣніемъ исправлялись церковныя книги по Греческимъ рукописямъ, присланнымъ изъ Аѳонской горы и изъ другихъ мѣстъ Греціи (33). Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь, знавшій языки Греческій и Латинскій, весьма любившій науки и самъ въ оныхъ упражнявшійся, особливую имѣлъ склонность къ стихотворенію, театральнымъ зрѣли-

(31) *Похвальное слово* Г. Львова, стр. 10 въ примѣчаніяхъ. (32) *Тамъ же*, стран. 8. (33) *Словарь Историческій* знаменитыхъ мужей, часть X, стр. 148.

щамъ и музыкѣ. Онъ утвердилъ возобновленное родителемъ его Заиконоспаское училище, гдѣ предположено было преподавать: Граммашику, Піитику, Риторику, Діалекшику, Философію умозрительную, Естественную и Нравственную, Богословію, Права Гражданскія и прочія Свободныя Науки (34). Сверхъ того, какъ любитель музыки, ввелъ вмѣсто прежняго не столь стройнаго Церковнаго пѣнія согласное, изъ многихъ голосовъ состоящее и партеснымъ называемое (35). Сестра его Царевна Софія Алексѣевна, какъ говоритъ преданіе, перевела нѣсколько книгъ съ Французскаго языка и сочинила двѣ трагедіи.

И такъ, справедливо ли Кондильякъ и Милотъ пишутъ: одинъ, что Рускіе до XVIII вѣка были люди безсмысленные, во тьму невѣжества погруженные, остервененнымъ звѣрямъ подобные; а другой, что Россія была страна, лишенная просвѣщенія до конца XVII вѣка? Ска-

(34) *Сочиненія и переводы Росс. Академіи* 1810, часть IV, стран. 265. (35) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 161.

жутъ, не многіе содѣланы успѣхи въ свѣтской словесности до сея эпохи; но должно ли то относить къ невѣжеству предковъ нашихъ? можетъ быть, имѣя въ превосходнѣйшемъ переводѣ Священнаго писанія на отечественной языкъ словесность высокую, сильную, краснорѣчивѣйшую, питающую умъ истинами неопровергаемыми, воспламеняющую душу благороднѣйшими чувствованіями, глубокимъ благоговѣніемъ къ Богу, непоколебимою вѣрностію къ Государю, пламенною любовію къ отчизнѣ, сладостно убѣждающую сердце ко всѣмъ добродѣтелямъ, образующимъ прямаго человѣка; словесность, заключающую въ себѣ совершенство истиннаго просвѣщенія и созидающую, какъ общественное, такъ и семейственное благоденствіе, предки наши не безъ основанія находили свѣтскія творенія несравненно ниже духовной словесности *въ разсужденіи существеннаго образованія человѣка*, и потому не занимался оными съ большею дѣятельностію. Кто не согласится, что по превосходнѣйшемъ и неподражаемомъ

переводѣ Священнаго писанія, имъ не трудно было бы подобнымъ же образомъ перевесть и свѣтскія творенія древнихъ знаменитыхъ писателей, или же подражать онымъ сочиненіями своими? Слѣдственно, не невѣжество и безсмысліе предковъ нашихъ виною слабыхъ успѣховъ свѣтской словесности, но совсѣмъ другія причины. Главнѣйшими изъ оныхъ полагать должно слѣдующія: первое то, что съ 1237 по 1481 годъ, въ продолженіе слишкомъ двухъ вѣковъ, Россія, отъ несогласія Удѣльныхъ Князей ея, находилась подъ тяжкимъ бременемъ жестокаго владычества Татаръ (36), служа Европѣ спасительнымъ отъ нихъ Егидомъ; ибо съ 1243 года, то есть со времени опустошенія огнемъ и мечемъ Венгріи и Польши, со времени приведенія въ ужасъ всей Германіи, Италіи и даже Франціи, когда Людовикъ IX, Король Французскій, успокоивалъ страхъ своея матери единымъ токмо упованіемъ на Благость Божію (37),

(36) *Краткая Росс. Исторія*, стр. 65 и 115.
(37) *Россійская Исторія Г. Левека*, часть 2,

Татара, не находя почти ни гдѣ сопротивленія, кромѣ Россіи, всѣ свои силы устремляли противу оной; второе, что въ началѣ XVII вѣка отечество наше раздираемо было внутренними крамолами Лже-Димитріевъ, вторженіями Поляковъ и коварными дѣйствіями Шведовъ, призванныхъ Русскими на помощь; третіе, что сіе печальное время, когда повсюду видимъ былъ единый токмо мечь, дымящійся кровію, или враговъ Россіи, или вѣрныхъ ея сыновъ, когда спокойствіе всѣхъ чиносостояній расторглося, мирныя упражненія пресеклись и земледѣлецъ и мудрецъ пріяли оружіе, не могло быть временемъ поспѣшествующимъ успѣхамъ наукъ и словесности; четвертое, что продолженіе сего вѣка также не могло быть благопріятствующимъ для оныхъ, какъ время, въ которое нужно было заняться предпочтительнѣе всего возстановленіемъ мира, тишины и порядка Государственнаго, раздорами и бранями вовсе истребленнаго. Не взирая однако же на сіе въ XV, XVI и XVII вѣкѣ жили, какъ то

стр. 119 и 120.

выше показано, многіе ученые мужи, а въ послѣднемъ существовало въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ ученое общество, изъ 30 Иноковъ состоящее, въ которомъ преподавались высшія науки и ученые языки, то есть Греческій и Латинскій, что все едвали бы могло быть у другихъ Европейскихъ народовъ при обстоятельствахъ, въ каковыхъ тогда находилась, можно сказать, возраждающаяся Россія; однимъ словомъ, виною слабыхъ успѣховъ словесности нашей XVII вѣка, не невѣжество и безсмысліе предковъ нашихъ, но нещастіе, которому подвергаются цѣлые народы, равно какъ и частные люди, которое разрушило обширнѣйшую Имперію Римскую, затмило блистательное состояніе древней Греціи, повергло сію, прежде просвѣщеннѣйшую страну во мракъ глубокаго невѣжества, въ коемъ она и днесь пребываетъ, и которое наконецъ торжествуетъ надъ всѣми усиліями народовъ, но неможетъ быть имъ предосужденіемъ, поколику независитъ отъ власти и возможности ихъ устранить

оное отъ себя. Вотъ истинныя причины слабыхъ успѣховъ Свѣтской Словесности въ отечествѣ нашемъ до XVIII вѣка! Въ прочемъ, болѣе ли просвѣщены были сосѣдственные намъ Европейскіе народы до XV столѣтія? Наука читать и писать, говоритъ Г. Болтинъ въ примѣчаніяхъ своихъ на Россійскую Исторію Г. Леклерка, была рѣдкимъ извѣстна въ Европѣ до XV вѣка (38). Большая часть Вельможъ и сами Короли грамотѣ не знали. Многія грамоты, сохранившіяся доселѣ въ цѣлости, показываютъ, что вмѣсто подписанія оныхъ ставлены были на нихъ токмо кресты собственною рукою: Signum crucis manu propriâ pro ignoratione litterarum (39). Около X и XI вѣка ввелся обычай во Франціи, Германіи и Англіи прощать преступниковъ, осужденныхъ на смерть, есльли они умѣли грамотѣ (40): толико-то грамотные были рѣдки въ Евро-

(38) *Примѣч. Г. Болтина*, часть 2, стр. 265

(39) *Ducange. Voc. crux, vol.* t. III p. 1191 *примѣчаній Болтина*, часть 1, стр. 85.

(40) *Тамъ же.*

пѣ! Въ исходѣ XIII вѣка Филипъ III, Король Французскій, не умѣлъ читать и писать (41). Въ XIV вѣкѣ Бертранъ Дюгесклинъ, Конетабль Французскій, первой Государственный человѣкъ, не зналъ грамоты (42), и большая часть духовныхъ изъ первѣйшихъ сановъ не умѣли подписывать каноновъ на соборахъ, въ коихъ были членами (43). При возобновленіи великимъ Княземъ Васильемъ Іоанновичемъ въ 1524 году мира съ Швеціею, первый полномочный Шведскій посланникъ Канутъ Ериксонъ не умѣлъ писать, и для того велѣлъ вмѣсто себя къ трактату руку приложить духовнику своему (44). Вотъ сколь просвѣщенны были иноплеменники даже въ началѣ XVI вѣка! Напротивъ того, какъ выше сказано, въ отечествѣ нашемъ знаніе грамоты было почти общее всѣмъ

(41) *Тамъ же*, стр. 86. (42) *Sainte-Palais, sur l'anc. Chevalerie*, t. II. и *Примѣч. Болтина*, часть I. стр. 86. (43) *Nouv. Traité de diplom.* t. II. p. 424 и *Примѣч. Болтина*, часть I, стр. 86. (44) *Краткая Россійская Исторія*, стр. 119.

Левекъ говоритъ: „Не должно думать, „какъ я то неоднократно уже повто„рялъ, чтобы до Царствованія Петра I, „мало было въ Россіи умѣющихъ писать. „При дворѣ вели подробнѣйшія дневныя „записки произшествіямъ и дѣламъ са„мымъ обыкновеннымъ: Казаки Сибирскіе „подобнымъ образомъ вели дневныя за„писки путешествіямъ своимъ и черти„ли карты открытіямъ ихъ. Словомъ, „въ Россіи, по древнему обычаю, имѣлось „и находится рукописей болѣе, нежели „во всякомъ другомъ Европейскомъ Го„сударствѣ (45). А ученый Г. Шлецеръ „пишетъ: „Изъ всѣхъ новѣйшихъ наро„довъ Русскіе начали *первые* обработы„вать языкъ свой: а изъ Славянъ, они „только одни писали временники на сво„емъ языкѣ. Хотя *Англо-саксы* получили „письмена за сто лѣтъ прежде ихъ, *а* „*Исландцы* въ одно съ ними время; од„накоже Руссы не только что писали „на своемъ языкѣ, но даже очень рано

(45) *Россійс. Исторія Г. Левека*, часть 4, стр. 142.

„начали искусно образовать его (46). И послѣ сего Кондильякъ и Милотъ не краснѣясь говорятъ, что Россія, любезнѣйшее наше отечество, была страна дикая, варварская, а Русскіе безсмысленные даже до XVIII вѣка? Колико нелѣпая ложь! колико неимовѣрная клевѣша, постыдная творцамъ ея во всѣ времена!

(46) *Несторъ, или Русскія лѣтописи Г. Шлецера*, часть I, стр. ое.

Продолженіе будетъ впредь.

С. Филатовъ.

КАЙ-МУЦІЙ-СЦЕВОЛА,

и л и

ПРИМѢРЪ ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Порсена, Царь Этрурскій, осадилъ Римъ, въ 246 году отъ основанія онаго. Тогда, какъ сія осада исполняетъ Римъ ужасомъ и смятеніемъ; тогда, какъ возникаетъ гладъ въ осажденномъ градѣ, и Римляне, отчаясь спасти свободу свою, соглашаются наконецъ здаться непріятелю, Каій-Муцій, юноша произхожденія знаменитаго, неустрашимый и дышущій пламенною любовію къ отечеству, воспріемлетъ намѣреніе спасти оное и убить Порсену по средѣ воинства его; но неоткрывая никому своего намѣренія, онъ входитъ въ Сенатъ и вѣщаетъ слѣдующее:

Отцы отечества! Я вознамѣрился преплыть Тиберъ и проникнуть во враждебный станъ Порсены, не для грабежа въ ономъ, по праву брани, но для нѣкоего подвига, вящше знаменитаго, естьли только не-

бо вспомоществовать будетъ предпріятію моему. Благоволите дозволить мнѣ совершить мое намѣреніе.

Сенатъ соглашается, и Кай-Муцій оставляетъ Римъ, преплываетъ Тибръ, достигаетъ стана непріятельскаго, входитъ въ шатеръ Порсены, и не зная его въ лице, поражаетъ мечемъ, вмѣсто самаго Царя, единаго изъ военачальниковъ его. Мгновенно емлется онъ, и тогда, какъ Порсена трепещетъ отъ изумленія и гнѣва, Кай-Муцій ни мало не смущаясь, произноситъ къ нему сіи слова:

Я Римлянинъ. Пришелъ лишить тебя жизни, яко врага моего отечества. Мужественно претерплю смерть, которую тебѣ предназначалъ: достойно бо каждаго Римлянина презирать мученія и дерзать на всѣ ужасы. Не я единый устремляюсь на твою пагубу: ты узришь многихъ моихъ сотоварищей текущихъ по слѣдамъ моимъ къ сей же славѣ: будь остороженъ; и естьли хощешь вѣрить мнѣ, будь всегда окруженъ стражею такъ, какъ будто бы мстители

Рима готовы уже были разить тебя своими мечами. Ожидай ихъ днемъ и нощію, назирающихъ тебя при шатрѣ твоемъ. Не спрашись ни воинства Римскаго, ни сраженій: мы будемъ приходить къ тебѣ по единому человѣку. Тако юношество Римское клялось воевать съ тобою.

Порсена повелѣваетъ Каію открыть время исполненія сего заговора и всѣ онаго подробности, устрашая сожещи его живаго, естьли онъ упорствовать будетъ въ молчаніи. Тогда Кай-Муцій мужественнымъ гласомъ отвѣтствуетъ ему:

Зри, сколь мало думаютъ о жизни и о мученіяхъ тѣ, кои воспламеняются любовію къ отечеству, и съ симъ словомъ возлагаетъ правую руку на разженное уголье, сожигаетъ оную до локтя и не изъявляетъ ни малѣйшаго знака болѣзни. Порсена, пораженный толикимъ мужествомъ, спѣшитъ устранить руку Каія-Муція отъ пламени и вѣщаетъ къ нему:

Удались отъ сюда мучитель самаго

себя, мучитель лютѣйшій, нежели каковымъ Порсена по справедливости долженствовалъ бы быть. Я вознаградилъ бы тебя торжественно предъ лицемъ всего моего воинства, естьли бы ты преданъ былъ мнѣ. Возвратись: я отрицаюсь отъ всѣхъ правъ, каковыя брань даетъ мнѣ на твою свободу и на твою жизнь. Тогда Муцій отвѣтствуетъ ему:

Государь! Великодушіе твое побѣждаетъ меня. Во изъявленіе признательности моея къ оному, я открою тебѣ то, чего бы ты ни какими мученіями не могъ изторгнуть изъ меня. Вѣдай: триста юношей Римскихъ заклялись, подобно мнѣ, лишить тебя жизни. Я долженъ былъ подать имъ примѣръ, поелику жребій палъ на меня перваго. Они будутъ слѣдовать одинъ за другимъ по чредѣ, доколѣ не свершатъ своего намѣренія.

Порсена, устрашенный опасностію своею, величіемъ духа враговъ его и любовію ихъ къ отечеству, премѣняетъ вражду свою къ Римлянамъ въ почтеніе и дружбу; отправляетъ въ Римъ пословъ просить мира, заключаетъ оный, сни-

маетъ осаду и возвращается во свояси, исполненъ будучи удивленія къ героическому подвигу Каія-Муція, прозваннаго потомъ, по причинѣ лишенія правыя руки, Сцеволою, то есть лѣвшою.

Тако Римъ, бывшій потомъ надмѣннымъ обладателемъ вселенныя, Римъ, касавшійся погибели своея, спасенъ мужествомъ единаго токмо своего гражданина.

Кого по истиннѣ не восхититъ любовь Сцеволы къ отечеству? Кто не будетъ удивляться отважности предпріятія его, твердой рѣшительности во исполненіи онаго и превознесенности надъ чувствіями жесточайшаго мученія, когда онъ сожигалъ свою руку? Не всякой ли спроситъ: откуда произтекаетъ толикое мужество? Что возноситъ человѣка превыше человѣка? Что отваживаетъ его дерзать на дѣянія, требующія самоопреченія и болѣе нежели пожертвованія жизнію, то есть готовности на ужаснѣйшія мученія? Общій образъ мыслей и воспитаніе поддерживающее оный.

Въ перьвыя времена Рима, когда богатство, роскошь и иноплеменники не развратили еще нравовъ гражданъ его, любовь къ отечеству, была сладостнѣйшимъ чувствованіемъ всѣхъ сердецъ, любезнѣйшимъ предмѣтомъ, къ которому всѣ стремились и которымъ всѣ занимались. Отечество, сіе священнѣйшее имя, безпрестанно твердилось въ устахъ отцевъ, въ устахъ матерей, въ устахъ ихъ чадъ. Тогда, разсуждая о гражданинѣ, не спрашивали: богатъ ли онъ? любезенъ ли въ бесѣдахъ? ведетъ ли большія игры? роскошно ли живетъ? имѣетъ ли великолѣпные чертоги, открытые столы? Но спрашивали, что онъ здѣлалъ для пользы и славы отечества? гдѣ былъ во сраженіяхъ? сколько получилъ почетныхъ ранъ? Коликое число спасъ гражданъ отъ меча враговъ? или, во время мира, какія несъ гражданскія должности? Кого защитилъ отъ руки сильнаго? Чѣмъ споспѣшествовалъ благу общему? Слѣдуя сему образу мыслей, презирали и изключали отъ всѣхъ должностей гражданскихъ, отъ всѣхъ частныхъ собра-

ній, отъ всѣхъ семейственныхъ союзовъ, того, кто не являлъ благоговѣнія къ богамъ, безмолвнаго повиновенія къ начальству, глубочайшаго почтенія къ родителямъ, уваженія къ старѣйшинамъ, непоколебимыя честности въ своихъ поступкахъ, непреклонныя правоты въ дѣлахъ гражданскихъ, твердыя привязанности къ отечественнымъ обычаямъ; того, кто не гордился священнымъ именемъ сына отечества, не содѣйствовалъ благоденствію и славѣ онаго, согражданамъ своимъ предпочиталъ каждаго пришельца, велъ жизнь праздную и жено-подобную, любилъ паче жизнь, нежели славу и безсмертіе въ потомствѣ, бывъ на брани уклонялся опасностей, не спасъ ни единаго гражданина.

Сей-то образъ мыслей былъ источникомъ, или паче сказать, душею той доблести, той любви къ отечеству, которую мы зримъ въ подвигѣ Сцеволы. Сей-то образъ мыслей творилъ Римъ многіе вѣки обладателемъ міра и торжествующимъ по всюду. Въ послѣдствіи времени сей образъ мыслей поколебался,

измѣнился и наконецъ совсемъ изчезъ. Пороки заступили мѣсто добродѣтелей, любовь къ отечеству превратилась въ себялюбіе, благоговѣніе къ богамъ въ вольнодумство, философіею здраваго разсудка именующееся, безмолвное повиновеніе къ начальству въ дерзновенное и строптивое объ ономъ сужденіе, почтеніе къ родителямъ и старѣйшинамъ въ неуваженіе, честность пріяла имя глупости; Римляне престали гордиться имянемъ Римлянина, отвергли обычаи предковъ своихъ, стали искать отечества внѣ самаго отечества; въ Римѣ не было уже Римлянъ; тогда и Римъ содѣлался добычею народовъ, побѣжденныхъ отъ него, лишился своея славы и потерялъ владычество надъ міромъ, чтившимъ его законы; тогда—престали рождаться и Сцеволы....

С. Филатовъ.

М. . . . . М. . . .

Здравія желаетъ.

Пріятно говорить, имѣя дарованье,
Ты къ спатѣ сохранить умѣешь и молчанье;
И такъ хочу тебя, любезный другъ, спросить,
Молчать ли должно мнѣ, иль должно говорить?
Проститься ли на вѣкъ съ моею долженъ лирой,
Или еще, ища прославиться сатирой,
Писателямъ дурнымъ вновь объявить войну?
Надъ ними я шутилъ, какъ умъ мой въ старину,
Забывъ о мудрости, блестѣть собою тщился
И слабостьми другихъ коварно веселился;
Но нынѣ стукнуло ужъ тридцать пять мнѣ лѣтъ,
Въ размѣрѣ я другомъ смотрю на бѣлый свѣтъ,
Порывы гордости ужъ время укротило,
Не славы я ищу, спокойствіе мнѣ мило;
Свободно рифмачамъ теперь менл бранить
И ядъ противъ меня въ стихи холодны лить,
Самъ даже **** ругаться мною воленъ,
Пылъ юныхъ лѣтъ прошелъ, я сталъ и тихъ и скроменъ,
Чтобъ защищать себя, пера не омочу,

За брань не складную забвеньемъ отплачу.
Такъ философствуя, разсудка бывъ во власти,
Врагами буду чтить мои лишь только страсти,
Мечтанья бросивъ всѣ и мудрость полюбя,
Займусь наукою знать самого себя.
И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться,
На свѣтѣ можетъ всякъ, чѣмъ хочетъ, заниматься,
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь
И вздохами свою наполня томну грудь
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добринькихъ Славянъ и милую Россію.
**** Пускай Царя Великаго поетъ,
Ни мертвымъ, ни живымъ покоя не даетъ,
Пусть списокъ послужный поэмой называетъ,
Спокойства моего ничто не нарушаетъ.
И на пучинѣ сей, по коей мы плывемъ,
Хочу я запастись компасомъ и рулемъ,
Чтобъ можно было мнѣ, при случаѣ волненья,
Разсудокъ мой спасти, коль льзя, отъ потопленья.
Спокойствія души мы ищемъ всякій часъ,
Сей щастливый покой находится лишь въ насъ.

Смотри, какъ сей чудакъ, ни чемъ не бывъ доволенъ,
Скучаетъ въ городѣ, въ деревнѣ тѣмъ же болѣнъ;
Онъ скачетъ, скуку, грусть разсѣять по-полямъ,
Но скука, грусть за нимъ въ слѣдъ гоняетъ по пятамъ.
Что въ древни времяна бѣдъ столько причинило
И въ Александра жаръ къ побоищамъ вселило?
То скука, и Монархъ терзаемый тоской,
Боялся самъ себя, боялся быть съ собой.
Вотъ, чемъ онъ бывъ гонимъ, къ предѣламъ шелъ вселенной,
Гдѣ жизнь покойну велъ Персъ въ роскошь погруженный.
Причиной главною мы сами нашихъ бѣдъ,
Бѣжимъ самихъ себя, стремясь мечтаньямъ въ слѣдъ.
На что намъ золото отъискивать въ Сибирѣ?
То щастье, коего мы ищемъ въ здѣшнемъ мірѣ,
За коимъ за моря изъ насъ всякъ плыть готовъ,
Не извлекается изъ мрачныхъ рудниковъ;
Оно всегда при насъ и съ нами обитаетъ.
Доволенъ малымъ кто, тотъ всемъ здѣсь обладаетъ;

А мы судьбу свою докукою трудимъ
И нуждъ своихъ не знавъ, не нужнаго хотимъ. —
„О естлибы мой тесть, зачахнувъ, сей зимою
„Отправился отсель и къ вѣчному покою,
„Оставя деньги мнѣ, скорѣе отошелъ,
„День смерти бы его я къ щастливымъ причелъ,
„Издержекъ бы жалѣть не сталъ на погребенье
„И въ траурѣ по немъ увидѣлъ утѣшенье.“ —
Такъ зять откупщика не давно говорилъ
И въ нуждѣ жизнь ведя, учтивъ, уступчивъ былъ;
Тесть умеръ, къ зятю все имѣніе попало,
Бѣднякъ, разбогатѣвъ, щастливѣель хоть мало?
Ахъ нѣтъ,—и деньги лишь успѣлъ перещитать,
Ужъ барамъ знатнымъ онъ желаетъ подражать;
Бывъ сыномъ чумака, но мысля лишь о чванствѣ,
Дипломъ и грамоту всѣмъ кажетъ о дворянствѣ,
И то, что путнаго въ немъ было, потерялъ;
Нахаленъ, дерзокъ, грубъ и всѣмъ несносенъ сталъ,
О новыхъ барышахъ по всякій часъ мечтаетъ,

А между тѣмъ груститъ, хлопочетъ и скучаетъ
И будетъ самъ себѣ онъ въ тягость наконецъ.
Счастливѣй бы онъ былъ, коль также, какъ отецъ,
За стойкою сидя, услуживалъ народу,
Лишь въ пѣнное вино не вмѣшивалъ бы воду.
О заключеньи семъ не могутъ тѣ судить,
Которыхъ ложный блескъ удобенъ ослѣпить:
О деньгахъ всѣ кричатъ, безъ денегъ все ничтожно,
Быть добродѣтельнымъ безъ денегъ не возможно,
За деньги въ честные попасться можетъ плутъ,
За деньги неуча ученымъ назовутъ.—
(бездушникъ говоритъ, спавъ плутнями извѣстенъ)
„Что нужды, что весь свѣтъ твердитъ, что я безчестенъ,
„Достоинствъ въ сундукѣ имѣю милліонъ
„И почитать меня всегда заставитъ онъ.
„Богатство все въ себѣ достоинство включаетъ.„—
Такъ, совѣсть усыпя, Лукавинъ разсуждаетъ;
Но не опасенъ блескъ обманчивый сей мнѣ;

Не ставлю знанье, умъ, съ богатствомъ наровнѣ;
Почтеннѣй бѣдностью Доброшинь опягченный,
Чѣмъ Плутяковъ, семействъ несчастьемъ утучненный.
Однакожъ не щитай, чтобы я сходенъ былъ
Съ тѣмъ страннымъ мудрецомъ, что въ морѣ потопилъ
Имѣнье, говоря: теперь я сталъ свободенъ.—
Съ разсудкомъ здравымъ былъ поспупокъ сей не сходенъ;
Но я твержу одно, знавъ опытомъ сей свѣтъ,
Что разсудительнымъ, во многомъ нужды нѣтъ,
За что же намъ, скажи, стремиться за мечтою?
Во весь мой вѣкъ судя, какъ здѣсь сужу, съ тобою,
Я хуже ли другихъ на свѣтѣ семъ живу?
Здѣсь богачей тебѣ до сотни назову,
Съ которыми судьбой моей не промѣняюсь,
Они вѣкъ мучатся, я жизнью наслаждаюсь,
Межь дружбы и любви свободно я дышу,
Смѣюся глупостямъ, подъ часъ стихи пишу.
Такъ счастіе мои желаньи превышаетъ
И оборотъ его меня не устрашаетъ;
Вольно на колесѣ иныхъ ему кашапь,

А я подъ скрыпомъ симъ покойно буду спать.
Но есть ли бы когда мой нравъ перемѣнился
И блескомъ суетнымъ богатства я прельстился;
Тогда вы пожалѣй, любезный другъ, о томъ,
Что щастія ищу ужъ не въ себѣ самомъ.

Сергѣй Маринъ.

МЫСЛИ РАЗНЫХЪ СОЧИНИТЕЛЕЙ.

Сколько хорошихъ деревъ въ лѣсу, на которые ни кто не смотритъ. Худшія изъ нихъ посажены въ Англійскій садъ и ими восхищаются.

*

На многихъ богачей глядя, заключишь, что Богъ, при разпредѣленіи смертнымъ благъ, деньги считалъ за бездѣлицу.

*

Хорошо пообѣдавъ, какъ можно понять, чтобъ кто нибудь умеръ съ голоду.

*

Своими глазами не видя, возможно ли представить себѣ разницу, которую число копеекъ между людьми полагаетъ.

*

Когда человѣкъ совлечется знатти и богатства; то появятся въ немъ недостатки, знатью и богатствомъ прикрываемые, кои до того не видимы были.

*

Знатная порода и богатство предваряетъ о достоинствѣ и заставляетъ скорѣе его примѣтить.

*

Богатство откупщиковъ уподобить можно прекрасной декораціи на театрѣ; посмотри же за кулисами, что надобно было дѣлать для уставленія оной, сколько веревокъ, сколько попу и часто опасности.

*

Умный и глупый взаимно убѣгаютъ другъ друга, бояся скуки.

*

Довѣренность не полная опасна; съ лишкомъ много уже сказано тому, отъ кого остальное скрыть должно.

*

Лучше слушать вздоръ, нежели разказы о томъ, что уже всѣ знаютъ.

*

Не прочна дружба, буде недостатки взаимно не прощаются.

*

Удовольствіе въ обществѣ произходитъ отъ сообразности вкусовъ и разнообразности мнѣній.

*

Хитръ тотъ, кто обманываетъ, но тотъ хитрѣй, кто обманутымъ быть притворяется.

*

Насмѣшку надъ небольшими нашими недостатками мы извиняемъ. Такіе то только

и для насмѣшки надъ другимъ избирать должно.

*

Кто поставленъ въ такое положеніе, что надъ нимъ пошутить не льзя, тому не должно позволять себѣ шутить надъ другими.

*

Легче и полезнѣе принаравливаться къ другимъ, нежели другихъ заставить принаравливаться къ себѣ.

*

Не терпѣть глупыхъ есть знакъ не совсѣмъ хорошаго свойства. Всякая монета нужна въ торговомъ обращеніи.

*

Умный и въ тоже время гордый человѣкъ, отъ несчастія не исправляется; счастіе его поправить можетъ.

*

Учтивство есть уловка, чтобъ другіе и тобою и собою были довольны.

*

Великое несчастіе не имѣть столько ума, чтобъ говорить, и столько разсужденія, чтобъ молчать. Всѣхъ глупостей сіе есть начало.

*

А. Хвостовъ.

РАЗКАЗЪ ТЕРАМЕНА.

Едва мы за собой оставили Трезенъ,
На колесницѣ онъ бывъ стражей окруженный
Стопами тихими уныло провожденный,
Задумчиво сидя къ Меценѣ путь склонялъ,
И пущенныхъ изъ рукъ возжей не напрягалъ.
Прекрасные кони бывъ прежде горделивы,
По голосу его и кротки и рѣтивы,
Шли преклоня главы и тускомъ ихъ очей
Казались сходны съ нимъ печалію своей. —
Тутъ вдругъ ужасный шумъ сквозь моря влагу бурну
Возсталъ и возмутилъ всю тишину лазурну,
Стонъ гулами изъ нѣдръ подземныхъ отразясь,
Вкругъ глухо отвѣчалъ на волнъ ревущихъ глась;
Проникъ намъ мразъ сердца, застыла кровь симъ дивомъ,
У смѣтливыхъ коней возстали гривы дыбомъ;
Изъ черныхъ бѣзднъ тогда средь блѣдна лона волнъ
Поднявшися, возсталъ огромный водный холмъ,
Предъ нимъ бѣгущій валъ скача, плеща, спремился
И въ пѣнистыхъ клубахъ въ немъ чудный звѣрь явился:
Широкое чело, рогастое грозитъ,

Какъ мѣдна чешуя, блестя на немъ горитъ,—
Подводный былъ то волъ, или драконъ ужасный,—
Крутя, горбя хребетъ и ошибъ вьющій страшный
Завылъ, — и со браговъ вдругъ отгласился вой;
Померкли небеса его зря подъ собой,
Земля содрогнулась, весь воздухъ заразился,
Принесшій валъ его вспять съ ревомъ откатился;
Бѣжало въ страхѣ всіе не смѣя противъ стать,
И всякъ искалъ себя въ ближайшемъ храмѣ спасть;
Но только Ипполитъ, достойный сынъ Героя,
Коней остановя, какъ бы среди покоя,
Беретъ свое копье, къ чудовищу летитъ
И въ чревѣ язву имъ широкую творитъ,
Страшилище съ копья вспрянувъ остервенѣло;
Но падши подъ коней трепещущи ревело,
Катталось по песку зевъ рдяный разверзавъ,
Рыгало кровь и дымъ и пламенемъ дыхавъ,
Коней страшило, жгло. — Тутъ кони обуяли,
И въ первой разъ еще внимать его престали,
Не слушаютъ, летятъ, сталь въ зубы закуся,
Кровь съ пѣной съ броздъ ліютъ чрезъ всіе его неся,
И даже говорятъ, что въ страшномъ семъ раскакѣ

Богъ нѣкій ихъ чрева бодалъ во пыльномъ мракѣ;
Съ размаху врынулась упряжка между скалъ,
Ось хряснула сломясь, — и твой безстраш-
ный палъ
Со колесницы сынъ, ее зря раздробленной,
Помчался въ слѣдъ коней возжами заплетен-
ной.
Прости мнѣ, Государь, мой плачь! — Сей страш-
ный видъ
По гробъ мой жалости слезъ токи изпочитъ!
Самъ видѣлъ Государь, — иначе бъ не повѣрилъ —
Твой влекся сынъ коньми, которыхъ онъ ле-
лѣилъ;
Хотѣлъ остановить; но гласомъ ихъ пужалъ,
Поколь самъ кровью весь облившись трупомъ
сталъ.
Стенаньми нашими окрестность оглашалась;
Но ярость конская отнюдь не уменьшалась. —
Остановилися ужъ сами близь гробницъ,
Гдѣ древнихъ прахъ Царей почіетъ и Царицъ. —
Бѣгу туда, воплю, — и стража вся за мною,
Истекша кровь струей вела насъ за собою,
Покрыты камни ей, обвитъ власами тернъ,
По коему онъ былъ порывисто влеченъ. —
Пришедъ его зову. — Онъ длань простря мнѣ
блѣдну
Открылъ полмертвый взоръ и низпустилъ духъ
въ бездну,
Сказавъ: „Безвинно рокъ мои отъемлетъ дни. —

„Арисію по мнѣ, любезный другъ, храни. —
„И выдетъ мой отецъ когда изъ заблужденья,
„Къ сыновней злой судьбѣ окажетъ сожалѣнья,
„Проси, печальну тѣнь спокоилъ чтобъ мою,
„Ко плѣнницѣ явилъ щедроту бы свою
„И ей бы возвратилъ . . . . . “ При сихъ словахъ мгновенно
Оставилъ намъ герой лишь тѣло обагренно,—
Печальнѣйшій предмѣтъ свирѣпости Боговъ,—
Кого бы не позналъ и самый взоръ Отцовъ.

Державинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стран.

О стихотворствѣ . . . . . 3.
Преложеніе псалма . . . . . 31.
Посланіе къ Леону . . . . . 33.
Ручеекъ . . . . . 40.
Расхищенныя шубы пѣснь I. . . . . 43.
О неправильномъ сужденіи иностранныхъ писателей о Россіи . . . . . 65.
Примѣръ любви къ отечеству . . . . 112.
Посланіе М . . . . М . . . . . 120.
Мысли разныхъ сочинителей . . . . 127.
Разказъ Терамена . . . . . 130.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.